

ЕЛИЗАВЕТА
ШУМСКАЯ

СТАРЫЙ ЗАМОК

ХОЧЕТ
ПОИГРАТЬ

Annotation

В этом замке множество загадок, красивых, но пугающих декоративных решений и устойчивые слухи о мощном проклятье. Именно здесь наши герои вынуждены остановиться на пути в магическую академию... Им сразу же предстоит понять, что не все спутники те, кем кажутся, а замок если и не проклят, то явно не настроен к гостям положительно. Сможет ли Леа вместе со своими новообретёнными друзьями продолжить путь? Ведь если замок решил с ними поиграть, то захочет ли он отпустить их просто так...

Для широкого круга читателей.

- [Елизавета Шумская](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

- [11](#)
 - [12](#)
-

Елизавета Шумская

Старый замок хочет поиграть

© Шумская Е., текст, 2024

© mushenbrook, иллюстрации, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Пролог

Гонцов с королевскими эмблемами в дворянских поместьях встречали по-разному. Везде они зачитывали один и тот же текст, но реакция на него почти всегда отличалась.

Гостиная первая.

Уютная, даже изящная, она оказалась именно такой, какой ее можно представить, глядя на двухэтажный особняк в центре респектабельного квартала. Здесь хозяйка разговаривала с гонцом сама, даже слуг выставила. А когда он ушел, долго сидела в оцепенении, пока наконец не прижала пальцы правой руки к все еще красивым губам и не выдохнула:

– Шанс... – почти теряя сознание от облегчения, прошептала она. – Это шанс.

Гостиная вторая.

Здесь не стали дожидаться ухода гонца. Стоило ему дочитать указ короля, как девушка в платье с многочисленными оборками – старшая из трех сестер-погодок – вскочила и с восторгом выпалила:

– Женихи!!!

Гостиная третья.

Немолодого курьера с тяжелой солдатской поступью проводили в кухню для слуг. Хозяйка лично проследила за тем, чтобы служивого накормили и устроили. А потом вернулась в залу, где ее ждали члены семьи и некоторые соседи, чтобы услышать злое и нервное:

– Они нас ищут! Ищут! И не успокоятся, пока не найдут!

Возражать хозяйка не стала: она пришла к такому же выводу.

Гостиная четвертая.

В этом зале отец семейства высказал немало отвратительного курьеру, словно не понимал, что тот ничего не решает. Хозяин дома кричал и злился, ибо с легкостью читал на лицах детей мысль, завладевшую всем их существом.

«Свобода! Свобода!!» – вот, что светилось в глазах отпрысков. И он ничего не мог с этим поделать.

Гостиная пятая.

Пока гонец читал указ, ему казалось, что он находится в этой большой, почти пустой комнате совершенно один – такая стояла тишина. Ее не нарушили ни шорохом, ни словом, ни вздохом. А потом мать семейства заплакала. Невероятно тихо, почти беззвучно.

– Мясо для стрел, – прошептала она. – Мясо для стрел...

Гостиная шестая.

Гонец давно уже покинул комнату, стремясь быстрее унести ноги от разлитого в воздухе предгрозового безмолвия, когда все замирает, страшись гнева стихии. И этот гнев, словно еще далекий, рокошующий гром, прогремел в голосе заговорившего:

– Они собирают заложников.

Письма, доставленные в эти и многие другие поместья, конечно, были разные, но текст их не разнился ни на букву:

«Указ от 4 червения 8755 года.

О сборе на учение в Окатавскую Магическую Академию отроков дворянских фамилий из Летних^[1] земель.

Памятуя о бессмертных во славе и деяниях предках наших, героях-спасителях славного нашего Отечества, ратуя о продолжении их славных дел и заветов, созываем в Окатавскую Магическую Академию отроков всех дворянских семей, проживающих в Летних землях, возрастом старше пятнадцати и младше двадцати четырех лет обоего полу, имеющих магические способности любого свойства, будь то хоть ведьмовство, хоть волхование, хоть дар слабый, хоть чародейство сильное. От каждой семьи дворянского звания к первому числу вересеня требуется прислать одного из детей, рожденных в браке, но еще не состоящих в нем. Для содержания в Академии оных всемилостивейше мы определили довольную сумму денег, дабы ни в чем никакого недостатка быть не могло. Надеемся мы несомненно, что

все наши верноподданные, видя столь многие наши об них попечения, присылать станут детей своих, в службу нашу и во славу отечества.

Милостью Лунной Королевы и Лунного Короля правитель и король земли Ланьбергской Эдмунд IV».

Простым языком сие означало, что от каждой дворянской семьи к первому числу осени требовалось прислать на обучение одного магически одаренного ребенка, причем бастарды и приемыши не подходили. Государство брало на себя все расходы на обучение, из чего следовало, что потом придется эти деньги отрабатывать. Больше всего родителей волновал вопрос – зачем королю потребовалось столько магов на службе?

Они предполагали разные причины, и многие оказывались правы. Но была еще одна, о которой не догадался никто из непосвященных в разговор, произошедший в одном из самых богатых домов столицы:

– Мы должны найти его! Должны! Еще немного – и будет поздно! – Солидный мужчина с тяжелой золотой орденой цепью выглядел испуганно и решительно одновременно. Он знал, какие предприняты действия для выполнения его требования, но все казалось недостаточным. Время утекало сквозь пальцы тонким, почти невидимым песком, но сомнений не оставалось – они подошли к опасной грани.

– Он точно будет в Академии, иначе и быть не может. Осталось только опознать, – подал голос другой, не менее солидный мужчина с худым скуластым лицом урожденного аристократа. – Причем желательно еще на подступах.

– Вряд ли за этим станет дело, – хлопнул по столу высокий стройный красавец средних лет с орденами на парадной форме. – Он обязательно себя выдаст. Надо только не пропустить...

Глава 1

В светло-зеленом особняке по адресу улица принцессы Евгении, 19, что в городе Тишкольце, редко повышали голос даже слуги. В семье барона Орманди не принято было громко выражать свои чувства и уж тем паче недовольство. Потому скандал между хозяевами дома потряс всех – от приходящих слуг до обоих детей.

Никогда – никогда! – еще Леа не слышала, чтобы родители так кричали друг на друга. Она даже не подозревала, что подобное возможно в принципе. Отец... тот да, порой позволял себе ругаться, но всегда речь шла о ком-то вроде нерадивой прислуги или подчиненных на службе. Но мама... баронесса Орманди, в девичестве Силвэйн Варади, отличавшаяся изяществом черт и манер, изысканным вкусом в одежде и сдержанным достоинством, никогда не повышала голос на слуг, детей или торговцев. Ей и не требовалось. Улыбки, слов или, в зависимости от ситуации, нахмуренных бровей ей всегда хватало. И теперь она... кричит? Кричит на мужа? Уму непостижимо.

Скандал, разразившийся три дня назад, никак не утихал. Начался он с разговора в кабинете отца и быстро перешел в крики, так напугавшие живущих в доме. Ссора хозяев висела грозным облаком тишины во время совместного ужина – ритуала, неукоснительно соблюдавшегося в семье. Продолжилась злым шепотом в спальне супругов, давно уже поделенной на две половины – мужскую и женскую. Скандал грянул с новой силой, от которой отец ушел, хлопнув дверью, перед этим глянув на домочадцев как на врагов. Баронесса же поднялась к себе и долго горько плакала, чем привела всех просто в ужас. Причем самое страшное, что все продолжилось и на следующий день.

Даже сейчас, презрев все запреты и правила, которые должна соблюдать юная дворянка, Леа сидела на верхней ступеньке лестницы на второй этаж и слушала ругань родителей, пытаясь понять, что же произошло. Что случилось и что теперь делать?

Она раз за разом перебирала события последних дней, но никак не могла понять, что стало причиной такого ужаса. Вроде же все как всегда... Еще утром того страшного дня во время завтрака отец был

спокоен, читал газету, привычно молчал и лишь периодически негодуя фыркал на какую-нибудь очередную глупую статью. Мама тоже вела себя как обычно. Первым ушел Натан: брат учился на правоведа, как и отец когда-то, но нос задирает, будто это гвардейский полк. Отец – чуть погодя, но он все такой же, как обычно. Значит, утром третьего дня все еще было нормально. А вот вечером – уже нет. Тогда-то все и началось.

Леанора несколько раз пыталась подойти к матери, что-то узнать от нее, как-то помочь, но та лишь обнимала ее, плача, прижимала к себе, а потом просила уйти. В какой-то момент, не выдержав напряжения, девушка попробовала задать вопрос отцу, но он глянул на нее так, что язык просто примерз к гортани.

– Пошла... в свою... комнату, – протолкал он сквозь гортань. – Еще раз увижу...

Барон не договорил, но Леа взлетела на второй этаж быстрее птицы и после еще час дрожала за закрытой дверью. В том взгляде была ненависть, такая сильная, что Леанора запомнила ее навсегда.

– Отец выдает тебя замуж за Акоса Жакаба, – Натан сел рядом на ступеньку и ухмыльнулся в ошарашенное лицо сестры.

– Что?! – девушка не могла подобрать слов. – Он же... Они же друзья детства! Он же... я же... в дочери!

– И в молодые жены тоже очень даже, – засмеялся юноша. – Говорят, в такие годы мужчины еще о-го-го. Не пройдет и года, как понесешь... Будет у тебя много-много маленьких жакабчиков!

Натан засмеялся, считая это первостатейной шуткой, а Леаноре показалось, что ее мир рушится. Замуж за этого старого скрюченного чинушу? Они росли с отцом вместе, но тот – маг, а Акос Жакаб – нет, и он уже... старик! Лунная Королева, за что?

– За что... – невольно повторила Леа.

– Вот и мне интересно... – протянул Натан.

«Но как же так?..» – она не могла понять, что подвигло отца на столь жестокий поступок. Ведь подобный брак – бесспорный, явный мезальянс. Более того, его не поймут в обществе, не осудят, но заподозрят, что дело неладно. А дело и было неладно! Но... в чем? Про себя Леанора точно знала: она не потеряла чести! Ни один мужчина не

касался ее в запретных местах! Да что там, она даже не целовалась! Так почему?! Что такого она сделала, что отец...

Девушка вскочила и побежала в свою комнату под насмешливое улюлюканье Натана. И от этого стало еще обиднее. Сколько раз ей приходилось вот так, как сейчас, прятаться, покидая поле боя проигравшей, глотая слезы от его насмешек и обидных шуточек в своей «норке», как называл ее брат. Каждый раз казалось, что горче обиды еще не было, но как же смешны теперь стали эти поводы. Однако Леа всегда думала, что, несмотря ни на что, брат – за нее. Ведь потом он приходил, приносил конфеты, игрушки или ленты, отводил в какое-нибудь интересное место или устраивал конную прогулку. Не извинялся, нет, но давал понять, что погорячился, сказал то, что не должен был. Натан умел быть обаятельным и держать свой злой язык на привязи. Но одно дело детские ссоры с глупыми поводами, а другое дело – замужество. Неужели ему смешно? Неужели он позволит отцу?..

Позволит, вдруг поняла Леа. Брат никогда не перечил отцу. Всегда соглашался с ним и вообще во всем старался заслужить его одобрение. Поэтому в детстве самой страшной угрозой было «расскажу папе». Причем сама Леанора на это не решалась. Она бежала к маме, а если уж та считала, что сын перешел границы... Неужели теперь Натан празднует избавление от сестры? Да нет, не может быть...

– Она выйдет за Акоса Жакаба, и точка. – Скандал продолжился утром, и у Леа пропали какие-либо сомнения в том, что Натан сказал правду. – Я тут хозяин, и я буду решать. А если...

Девушка в очередной раз за эти дни почувствовала, как слезы подступают к глазам. Как так-то?! Нет! Так не будет! Она рывком вскочила и бросилась вниз. Отец уже стоял в коридоре, натягивая перчатки.

– Папа! Я... – Леа схватила родителя за руку, как в детстве, желая привлечь его внимание, вызвать умиление, то тепло, которое пусть редко, но получала от него.

Внимание привлечь ей удалось. Вот только никакого тепла во взгляде барона не светилось. Он с брезгливой яростью отцепил ее руку, сжав запястье до боли, и буквально отшвырнул от себя. Леа

отшатнулась, а Геллерт Орманди презрительно оглядел ее с головы до ног, будто впервые увидев.

– Приведи себя в порядок. На церемонии ты будешь выглядеть прилично, даже если мне придется весь предыдущий день тебя пороть.

– Геллерт! – Силвэйн появилась из гостиной с покрасневшими глазами. – Что ты себе...

– Как же вы обе мне осто... – он махнул рукой и вышел.

– Мама! Мама... что же делать? – Леа плакала, чувствуя, что больше не может выносить этого всего. Как все так получилось? За что? – Мама...

– Тише, тише, детка, – Силвэйн сама еле удерживалась от слез, но материнский инстинкт заставил ее обнять дочь, погладить по темным волнистым волосам, отвести в гостиную, напоить чаем, а потом отправить в комнату. Тут уж не до гимназии...

– Я что-нибудь придумаю... – шептала баронесса Леаноре и уже на лестнице повторила: – Я что-нибудь обязательно придумаю. Лунная Королева не оставит, не отдаст мою...

В этот момент в дверь заколотили.

– Именем короля! Именем короля!!!

Глава 2

– Быстрее-быстрее!! – баронесса Силвэйн Орманди подгоняла слуг, то и дело вглядываясь в тот конец улицы, откуда чаще всего возвращался ее муж.

Наемная карета постепенно заполнялась вещами, жизненно необходимыми молодой девушке, уезжающей из отчего дома на долгое время. Впрочем, при всей своей решимости ла-маора^[2] Орманди понимала, что за пару часов сборов полностью экипировать дочь не удастся, однако тянуть не могла.

Слава богам, королевский гонец посетил их дом утром, когда барон уже ушел, и упускать шанс избавить Леанору от нежелательного замужества ее мать не собиралась. И пусть она сама не была убеждена в верности принятого решения, но оно давало отсрочку.

Леа в это время стояла в своей комнате и растерянно оглядывалась. Будто очень спешащие грабители прошлись... Девушка подавила горестный вздох и присела рядом с кроватью. Выудила из-под матраса свои сокровища и, выпрямившись, поставила на стол коробку, похожую на конфетную. По сути, она такой и являлась, только сейчас там лежало совсем другое. Леанора открыла крышку и посмотрела на плоский булыжник величиной с пудреницу, вытащила его и засунула в прелестную крохотную сумочку, ткань которой сама когда-то обшила кружевом. Потом достала серебряный браслет. Металл в нем сплетался тонкими проволоками в причудливый, интересный узор, который позволял при необходимости помещать внутрь небольшие, с ноготь, камни овальной формы. Собственно, именно такие лежали сейчас в коробке. Девушка посмотрела на самоцветы. Разноцветные – зеленые, белые, прозрачные, желтые, синие – в основном полудрагоценные, они не представляли великой ценности, но не для Леа.

Она вытянула руку перед собой и подняла. Камни вылетели из своих лож, когда-то предназначенных для конфет, и выстроились в ряд. Юная чародейка, играясь, перебрала пальцами в воздухе, изображая волну. Камни повторили ее движение, будто змейка. Леанора

улыбнулась и тряхнула браслетом. Самоцветы понятливо ринулись к нему, находя свободные ячейки и ввинчиваясь в них. Несколько пазов, кстати, остались пустыми. Это задел на будущее. Она защелкнула украшение на руке. Выглядело оно вполне обычной, не особо дорогой побрякушкой, но девушке стало спокойней. Немного.

Погладив браслет, Леа еще раз оглядела комнату, подозревая, что покидает ее на долгие годы. Сморгнув вновь набежавшие слезы, девушка закрыла коробку крышкой, привязала сумочку к поясу и направилась вниз.

– Леа, – Силвэйн крепко взяла дочь за обе руки и заставила смотреть себе в глаза, – ты помнишь, что я просила?

– Д-да, мама.

Это растерянное, почти паническое «мама» вместо чинного «матушка» наполнило сердце баронессы болью и жалостью, но она заставила себя встряхнуться. Она отплачет свое потом, в одиночестве, прижимая к груди игрушки любимой дочери в ее пустой комнате. Сейчас главное, чтобы эта комната не опустела по другой причине.

– Давай еще раз повторим, – как можно спокойней заговорила Силвэйн. – Первое – ни под каким предлогом не возвращайся без моего разрешения. Ты поняла почему? Леа!

Девушка вздрогнула, оторвала взгляд от горничной, несущей какие-то коробки, и кивнула.

– Пока я в Академии, па... отец, – поправилась она, – не сможет выдать меня замуж. С-студенты... формально подчиняются королю, а не родителям.

Забавный юридический казус, который при всей своей невинности на самом деле давал очень много.

– Ни на каникулы, ни на выходные, ни в межсезонье, ни даже если кого-то из нас станут хоронить...

– Мама!

Баронесса только отмахнулась.

– Я постараюсь исправить ситуацию, но пока, Леа, ты должна сидеть в академии и носа оттуда не казать, ты обещаешь мне?

– Мама!

– Пообещай!

Пришлось Леа выдать из себя обещание, выполнить которое казалось невыполнимым.

– Поэтому ты должна не только поступить, что, считай, дело решенное, но и удержаться в академии, – продолжила наставления Силвэйн. – Поэтому учись, детка, и соблюдай осторожность. Не показывай гонор перед преподавателями, не оставайся с юношами наедине, будь предельно осторожна в словах и делах, Леа. Ты не подведешь меня, малышка?

– Не подведу, мам.

– И самое главное, – голос женщины стал тише и еще серьезнее, – не забывай про глазные капли. – Она заправила ей за ухо темный, почти черный локон, норовящий закрутиться посильнее, и заглянула в зеленые очи. – Ты их точно взяла?

Леа прижала к боку дорожную сумку с самым важным.

– Хорошо. Каждый вечер, Леа, каждый!

Девушка вздрогнула и закивала. Силвэйн тихо выдохнула, вновь прижав ее к себе. Как же глупо все вышло! Что бы она только ни отдала, лишь бы у ее малышки все сложилось хорошо!

– Прости, доченька, – шепнула она еле слышно. – Я постараюсь все исправить, а ты постарайся не пропасть. Дени приедет совсем скоро. Он хороший мальчик, будет тебе защитой, но только на него одного не надейся, хорошо?

– Д-да, – Леа выпрямилась, коснулась волос, пытаюсь скрыть заалевшие щеки, но совершенно в этом не преуспевая.

Силвэйн нахмурилась.

– Дениэль еще очень молод, у него сейчас гулянки да развлечения на уме, поэтому вряд ли он будет внимателен, но в случае беды – к нему беги. Но не подводи под дуэли, ты поняла меня? Если он погибнет... Риалет нас не простит.

– Я буду осторожна, мам, – в который раз уже пообещала Леа, и баронесса, слыша нотку раздражения, которая появлялась в голосе дочери, когда ее замучивали наставлениями, решила завершить с ними. Все равно прока больше не будет. Да и карету уже загрузили.

– Матиша поедет с тобой.

Горничная стояла рядом и тоже нервничала, совершенно не готовая к таким изменениям. Силвэйн подавила в себе досаду. Восемнадцатилетнюю девчонку взяли на эту работу, понимая, что с

более взрослой женщиной Леа будет тяжело, теперь же это могло аукнуться невесть какими неприятностями. Две неопытные юницы, едущие демоны знают куда... Но Матишка, по крайней мере, не мужнина протее и не продаст секреты Леаноры за пару монет или обещание лучшей жизни.

– Но будь готова, что по приезде в академию ее попросят вернуться.

Уже не раз высказанная мысль все так же пугала обеих девчонок, но что поделаешь – так хоть ударом не будет.

Карета скрылась за поворотом через четверть часа, и Силвэйн вдруг почувствовала себя старой и очень несчастной. Пустой без Леа дом больше не казался красивым и уютным. Впереди маячили битвы с мужем, непонимание сына, всегда выбиравшего сторону отца, и задача, к которой баронесса не представляла, как подступиться. Но ради дочери она придумает. В конце концов, теперь ей нечего терять, а значит, терять будут другие.

Наемная – даже не семейная – карета увозила Леанору с Матишкой все дальше, и обе пребывали в ошарашенном состоянии и сейчас пытались осознать, как же так все круто повернулось в их жизнях.

Признаться, Леа никогда не задумывалась о магической академии или вообще какой-нибудь профессии в жизни. Ей нравилось играть с зарождающейся магией, но именно как с диковинкой, этакой тайной забавой. Она скосила глаза на браслет, хризолит подмигнул ей зеленым. Да, магия в ней жила, но зарабатывать ей?

Девушка всегда представляла, что она по примеру матери, ее сестер и их многочисленных подруг в свой срок выйдет замуж за достойного мужчину и будет ему хорошей женой, а потом матерью их детей, хозяйкой в приличном доме. Отец, конечно, никогда не баловал Леанору излишне, но приданое собирался выделить и замуж насильно не гнал. Мол, вырастешь, оглядишься, кто-то понравится, тогда и подумаем. Что изменилось? Что так взъярило ее спокойного, выдержанного отца? Она вспомнила взгляд, которым он смерил ее тогда, у двери. Нет, это не ее папа, это какой-то монстр, чудовище,

принявшее облик барона Орманди. Девушка закрыла лицо руками, пытаясь сдержать слезы.

Никакого монстра или чудовища не было. Просто отец внезапно их с матушкой возненавидел.

Потому и этот брак, ужасный, глупый, нелепый. Но до совершеннолетия она обязана подчиняться родителям, вернее, отцу. Даже если она в храме скажет нет, никого это не остановит. Леа почувствовала, что ее начинает бить истерический смех. В родной дом не вернуться. Денег – крохи. Кто она теперь? Беглянка. Из всех достоинств только милая внешность да магия.

«Ничего, – сжала Леа руки на кружевной сумочке, ощущая под ней твердость булыжника, – Дени скоро тоже придет, и все будет хорошо». Мысль о Дениэле, бывшем ей кузеном по матери, каштановокудром, кареглазом, веселом молодом корнете, согрела изнутри, немного успокоив и взволновав одновременно.

– Все у нас будет хорошо, – вслух произнесла Леа, сжав ладони горничной, с которой давно сдружилась. Руки у той тоже подрагивали от переживаний. В глазах плескалась паника, но Матиша в ответ сжала пальцы своей молодой хозяйки и мужественно кивнула.

– Все будет... в смысле хорошо, – сглотнула она, с ужасом думая о том, что ей придется искать каюту для своей госпожи, договариваться с капитаном корабля, а сначала выбрать судно, которое плывет в правильном направлении. Жуть, это же не капусту на рынке покупать. Конечно, с ними едет Ганс, но толку с него? Кулаки пудовые, а мозги куриные. Нет, сама, все сама... Что делать-то?! Что делать?!

Опасения Матиши оправдались. В порту города Келгак, куда через три часа их доставила карета, стояло огромное количество кораблей, но вид их внушал немалые опасения. А уж нравы, нравы! Да, горничные не раз сталкивались в своей работе со шлепками по заду, сальными шуточками и даже непристойными предложениями, но не так же! Не в открытую, вопя на всю набережную! Раньше робкой Матишка себя не считала, но сейчас щеки ее алели, а уши готовы были отвалиться от всего того, что она слышала в свой адрес за последний час. Впрочем, это ерунда, а вот то, что она не выбрала, даже не нашла корабль, идущий в Окатаву, это просто ужасно.

Девушка помнила, что искать нужно судно, идущее до Бреакса, а там уже на карете до академии, но ведь и туда не плыл никто. Вернее, те, кого она успела расспросить. Матросы смеялись, капитанов звать отказывались, а вот отпустить парочку грубоватых, а порой и откровенно развязных шуточек не забывали. Около третьего пирса Матишке повезло встретить офицера с военного корабля, который посоветовал ей пройти в противоположный конец порта.

— Там стоят суда, идущие на острова. Твоей хозяйке подойдут еще и те, что до Осолла и Тамсина. Там немногим дольше. Хотя в целом не должно быть сложностей с направлением. В Бреакс многие ходят.

Вот и побежала Матиша далеко от места, где оставила молодую хозяйку. Той оставалось только ждать: не должно девушке из приличной семьи самой с матросней договариваться. Поэтому горничная очень удивилась, увидев посреди этого безумия прилично одетую барышню. Она не шла чинно на корабль в сопровождении старших родственников и не стояла на палубе, разглядывая пейзаж. Нет, она, сурово хмуря соболиные брови, следила за работой матросов, которые что-то грузили на борт. И никто, никто из них не посмел и взглядом, не то что словом, ее задеть. Да и сомнительной ценности комплиментов не слышалось. Хотя красотой природа незнакомку не обделила. Когда Матишка пробежала мимо первый раз, она уловила только образ, не вдаваясь в детали. На третий подметила и выющиеся каштановые волосы под элегантной шляпкой, и большие карие глаза, и высокий рост, подчеркнутый прекрасной осанкой. Все в девушке кричало о благородстве и древней крови, но при этом она не постеснялась сделать замечание одному из работников о его небрежности, а другому — о медлительности.

— Господа, я польщена вашим вниманием к моим вещам и искренне благодарю вас за заботу о них. Поверьте, груз, который прилагается к ним, не потребует подобной деликатности, но я искренне надеюсь на ваше бережное отношение, — и она помахала каким-то людям на пристани, которые как раз дотащили коробки с зеленой маркировкой до пирса. Явно не багаж юной барышни, однако везла она.

— Милочка, — девушка вдруг обратилась к Матишке, смутив ее до невозможности, — ты что мечешься по набережной? Потерялась или скрасть что решила?

Горничная перепугалась до ужаса.

– Нет, нет, – залепетала она, пытаясь делать книксен и отрицательно махать руками одновременно, – я корабль ищу. Корабль для моей барышни.

– Изложи подробности, – потребовала госпожа, одновременно сделав знак рукой своим людям и сурово глядя на надумавших отвлекаться матросов.

Путаясь в словах, перескакивая с пятого на десятое, Матиша наконец выложила свою боль – что барышня ждет ее, а она не может найти корабль, что сначала попадались идущие в другом направлении, потом она пять штук таки нашла, но один военный, он пассажиров не берет, второй откровенно разбойничий, следующий – не откровенно, вот на этом, четвертом, мест уже нет, а пятый вроде ничего, но почему-то ей, Матишке, страшно.

Каштановолосая барышня поправила шляпку и взглянула на указанные корабли.

– У тебя неплохая интуиция, Матиша, – хмыкнула она. – Зови свою хозяйку сюда, я договорюсь с капитаном.

– Но там же мест нет... – проблеяла горничная.

– Мест действительно нет... Твоя барышня, она как? Высокомерная? Побрезгует плыть в одной каюте со мной?

– Нет, что вы, барышня Леа – очень хорошая. И любит ночевать у подруг, – Матиша подумала, как все это будет пересказывать госпоже, и покрылась липким потом.

– Тогда, считай, у нее появилась новая подруга, – хмыкнула девушка. – Беги давай, пусть идет сюда, и пусть вещи сразу несут. Времени всего ничего осталось.

Еще раз повторять Матишке было не нужно, умчалась, только каблучки застучали.

Изнервничавшаяся Леа спешила за горничной, прижимая к себе сумку, и с ужасом думала, что такое, казалось бы, простое дело, как сесть на корабль, на поверку оказалось едва ли не катастрофой. А если бы действительно они попали к пиратам или каким-нибудь другим лиходеям? Их бы обокрали, избили... лишили чести! Убили бы! Все это казалось таким жутким, что даже идущие мимо люди стали видаться злодеями и чудовищами. Только на силе воли Леаноре

удавалось не шарахаться от любого, кто оказывался рядом. И ведь нет никакой уверенности, что даже с помощью этой отзывчивой незнакомки они избавились от подобной напасти.

«Боги, если я не могу справиться даже с этим, как я буду в академии столько лет? Даже без Матишки!»

– Орита^[3] Имре, поймите, у нас действительно нет на корабле мест. Ни для вашей подруги, ни для ее слуг! Я уже в шестой раз вам говорю!

– Ла-орита^[4], – веско произнесла девушка, внезапно нахмурившись и превратившись в оскорбленную аристократку.

Капитан – внушительный, серьезный мужчина немалых лет – даже опешил.

– Простите... – то ли спросил, то ли извинился он.

– Ла-орита Имре, капитан, или виконтесса Имре-Натъярская.

Этот разговор Леа услышала, уже подходя к кораблю. Сначала ей стало жутко, что им действительно откажут в месте, а потом она внезапно осознала, что ее «новая подруга» – одна из большого, но дружного рода Имре. Он раскололся на множество ветвей, но при необходимости они легко вспоминали об общих корнях и происхождении от Летнего Князя.

Вот и сейчас, глядя в строгое породистое лицо виконтессы, капитан счел за лучшее не связываться.

– Моя подруга поплывет со мной в каюте. Ее слуг тоже устройте достойно. Багаж следует погрузить немедленно и со всем бережением. Я рассчитываю на ваше понимание, ка-пи-тан, – процедила она, и мужчина быстро ретировался, не дожидаясь совсем уж унижительного «выполняйте».

Леа тоже испытала отчаянное желание куда-нибудь отправиться и заняться делом подальше от «новой подруги». Однако стоило капитану исчезнуть, а той заметить замершую у трапа девушку, как лицо ла-ориты Имре осветила теплая, очень идущая ей улыбка.

– Поднимайтесь, – замахала виконтесса и тут же кому-то приказала: – Да помогите же барышне!

Так Леанора все-таки оказалась на корабле, плывущем в Бреакс, чтобы от него добраться уже до самой Окатавской Академии. Девушка внезапно поняла, что это ее первое самостоятельное путешествие. Раньше всегда всеми организационными вопросами занимались отец

или слуги. И пусть сейчас ее, Леа, несет вперед, как щепку по весеннему ручью, и ничем она особо не управляет, но это ведь только начало.

Новая жизнь пугала своими слишком замысловатыми причудами, сложностями, которые раньше решались без участия Леа, однако и манила тоже, как манит расквартированный в городе полк гвардейцев. Может, и не понравятся господа военные, но как не глянуть хоть глазком?

Глава 3

Все еще не до конца пришедшая в себя от переживаний, Леа стояла на палубе и, положив руки на перила, смотрела, как постепенно удаляется так и не узнанный толком город Келгак. В памяти он остался как один большой, суетливый, дурно пахнущий порт с хамоватыми людьми, а ведь где-то здесь высилась известная на весь Ланьберг статуя морского пегаса – коня с крыльями и рыбьим хвостом. По поверьям, именно такой конь ходил под Тургардом, божеством-покровителем Летних земель. Сказки утверждали, что сия химера могла свободно скакать как по земле, так и по воде, равно как и летать по воздуху. Легендарный Корнэль Галл создал эту статую по заказу городского совета Келгака, когда еще такие шедевры казались невозможными: бьющий копытами и крыльями пегас имел всего одну точку опоры, но уверенно стоял на ней уже не одну сотню лет. А Леа его не увидела... Когда теперь удастся?

Однако все существо Леаноры кричало, что нужно поторапливаться.

– Искренне надеюсь, что я не была слишком напориста, – виконтесса Имре подошла и встала рядом, тоже опершись на перила. – Матушка часто пеняет мне за эту черту. Возможно, тебе стоило дожждаться корабля с более подходящими условиями.

Повернувшись к собеседнице, Леа удивленно посмотрела на нее.

– Что ты! Ты мое спасение! И... позволь представиться, Леанора Орманди, дочь барона Геллерта и баронессы Силвэйн Орманди. Очень благодарна тебе за помощь и заботу, – она действительно так считала. – Тем более настолько своевременную.

– Всегда рада помочь будущей соратнице, – улыбнулась ее собеседница и пояснила в ответ на недоуменный взгляд: – Матишка сказала, что ты направляешься в Окатавскую Магическую Академию. Верно? Вот и я тоже. Позволь и мне представиться. Виконтесса Шарлотта Имре-Натъярская, – она изобразила шуточный реверанс и, выпрямившись, добавила: – Для друзей просто Шарли.

– О... А я тогда Леа, – почему-то смутилась та и привычно заправила за ухо волнистый локон, выбившийся несмотря на шляпку и

заколки. – Мне очень приятно познакомиться.

– И мне, баронесса Леанора Орманди, Леа, – ухмыльнулась Шарли. – И мне.

– Просто Леа, – покачала головой она. – Отец... – слово отозвалось внезапной горечью, – получил личное баронство, не наследственное.

Над этой придумкой деда нынешнего короля смеялось все высшее общество. Еще личное дворянство куда ни шло, но личное баронство? Без земель? Хороша шутка, право слово. Но то аристократия, а люди попроще ухватились за эту возможность и рвались к ней всеми силами. Такое усердие и преданность не стоили монарху ни гроша. Но помрачнела девушка не поэтому. Слишком уж все быстро произошло. Вот она еще живет своей привычной, спокойной жизнью, а вот уже мчится в наемной карете и чуть ли не в последний момент запрыгивает на борт корабля, положившись на добрую волю незнакомки. Их даже не представили друг другу. Полнейший моветон. Стало так смешно. Так дико смешно... Этот смех распирает Леанору изнутри, колотился, болел в животе, пока не вырвался наружу, и девушка не захохотала, вытирая слезы.

– А отец... б-барон Орманди... – передразнила она невесть кого, – наверное... послал за мной людей!.. Погоню!!!

Успокоиться удалось не сразу. Затихая, она уже думала извиниться перед Шарли за свою неуместную реакцию, но когда подняла на нее взгляд, обнаружила, что та смотрит на нее с нескрываемым восхищением и даже азартом.

– Ты сбежала из дома! – тут же поделилась виконтесса причиной своего восторга.

Леа покачала головой, отказываясь признавать свою в этом заслугу.

– Меня сбежали, – усмехнулась она, снимая шляпку, потому что волосы вновь просто неприлично выбились из-под нее. К демонам! – Папенька вдруг невесть с чего вознамерился выдать меня замуж за своего друга, ему ровесника, даже не мага. Тот вроде как согласился взять меня без приданого, которое вообще-то у меня раньше было! И мама, услышав указ короля, за пару часов собрала меня и выкинула из дома, наказав без ее разрешения не возвращаться!

– Вот так дело! – покачала головой Шарли. – А с чего бы это такие резкие решения-то? Или он у тебя вообще... такой порывистый?

– До прошлой недели я думала, что нет более выдержанного существа, чем отец, – скривилась Леа.

В их доме никогда не звучала музыка или громкий смех, не устраивали шумные встречи друзья хозяина. Единственные, кто нарушал спокойствие респектабельного особняка на улице принцессы Евгении, это они, дети, за что регулярно и получали от отца строгие выговоры. Леанора вдруг вспомнила усадьбу тетушки Риалет, где всегда что-то происходило, кто-то хохотал, бегал, ругался, где везде и всюду играли дети, собаки и котята, где то и дело собирались компании и устраивались вечера или даже балы. Почему у них-то было не так? Ведь не сказать же, что они сильно беднее или менее знатные...

– Надеюсь, ты не из-за такой драматической ситуации оказалась на этом судне? Кстати, как оно называется?

– «Гордячка Зоя», – Шарли приняла это нежелание продолжать тему. – Нет, у меня все совсем обычно. Из всей семьи только меня можно было отправить без каких-либо потерь для этой самой семьи.

Леанора уловила нотку горьковатой иронии и вопросительно подняла бровь.

– Наследника, как ты понимаешь, не отправишь. Старшая сестра замужем, а у младшей еще не проснулись магические способности.

– Да, вариантов не слишком много. А у тебя какие стихии?

– Угадай, – улыбка вновь расцвела на лице виконтессы.

– М-м-м... – Леанора присмотрелась к новой знакомой. – Ты из Имре, у них почти всегда есть магия земли.

Шарли с готовностью кивнула.

– Эмм... вулкан?

Вулканом называли сочетание в одном человеке способностей к стихиям земли и огня.

– Нет, – Шарлотта явно повеселилась такому предположению. – Пламени во мне и искорки нет. Цунами.

«Земля и вода, – поняла Леа. – Да, вполне логично, кстати. И весьма характерно для Имре».

– Отличные способности, – кивнула она. – Особенно если живешь ближе к природе. В городе огонь и воздух куда более актуальны.

– Согласна. Но я, слава всем богам, в городе редко бываю. Мы живем в поместье, может, слышала, в паре часов от Вешта – «Натъярские дубы»?

– Я из Тишкольца. Он от Вешта в двух днях пути, а выезжаем мы редко, увы. А поместье – это потрясающе. Я часто бываю у тетушки. У них всегда так весело. Все вверх дном, но зато как-то... радостно, что ли. – «И Дени». Мысль о нем заставила улыбаться как-то особенно нежно. «Скоро увижу его. Интересно, он хоть немного скучал по мне?»

– И тебе нравится? – с пониманием заметила Шарли, опираясь на перила и глядя на почти уже полностью скрывшийся из виду берег.

– Да... пожалуй, – почему-то ужасно смутилась Леа и решила перевести тему разговора. – А у меня – камнепад.

Она всегда немного стеснялась этого названия. Слишком уж неженственным оно казалось.

– О-о, булыжники – оружие свободы? – засмеялась Шарлотта, но совсем не зло. Леа же опешила, прижав руку к крошечной, обшитой кружевом сумочке. – Прости, я просто представила, как ты где-то на улице поднимаешь в воздух целый рой булыжников и показываешь каким-нибудь хулиганам, кто тут самый опасный человек.

В голове Леаноры тут же нарисовалась означенная картинка. Пустой переулок, она, несколько бандитского вида парней, а за ее спиной десятка три булыжников с кулак величиной. Дальше в ее воображении разбойники убегали, а камни сердито летели следом. Девушка засмеялась и поделилась финалом истории. Шарлотта мигом включилась, предложив загонять их на стражу или сразу судье домой. Способы для загона предлагались самые разные.

– Эх, даже жалко, такое мне пока не под силу, – отсмеявшись, вздохнула Леа.

– Ничего, все еще впереди. Мы же едем учиться. До шестнадцати-восемнадцати лет магия только просыпается.

Все обстояло именно так. Конечно, порой появлялись молодые дарящие, но у большинства колдовские способности открывались не раньше семнадцати, когда подросток понемногу становился взрослым. Именно в последующие годы требовалось старательно развивать дар, что зачастую выматывало не меньше, чем физическая работа. Годам к двадцати пяти дар стабилизировался. Поэтому, кстати, ранние браки не

поощрялись: до этого возраста непонятно, какой уровень будет у жениха и невесты. Детей предпочитали заводить от магов большей силы.

— А в указе говорилось о детях возрастом от пятнадцати до двадцати четырех лет, — вдруг произнесла Леа. Она не хотела озвучивать эту мысль, однако та сама сорвалась с губ.

— Да, — нахмурилась Шарли, вдруг став как-то старше своих восемнадцати лет. — Мне тоже это показалось странным. А у тебя есть особая магия?

Таковой называли чародейские умения, не связанные со стихиями. Леа хотела было ответить, но тут их позвали в кают-компанию, где столовались капитан с помощником и знатные пассажиры.

Публика оказалась разношерстной. Отец бы, конечно, сказал, что за редким исключением это люди не их круга, но Леанора вдруг почувствовала жгучий интерес ко всему окружающему. Куда они все плывут? Откуда? Как далеко направляются? Чем живут? Что за отношения между ними? И, надо сказать, много любопытного выяснилось. Например, семья купцов из Ласля отправилась на воды, но не лечиться, а договориться о поставках каких-то особых трав и кристаллов, которые благодаря целебной минеральной воде имеют удивительно полезные свойства. Оказалось, очень модный сейчас способ оздоровления, вот торговцы и подсуетились. Ну и отдохнуть попутно, как без этого? Дочерей опять же представить почтенной публике, неофициально, так сказать, для выхода еще маловаты — старшей едва пятнадцать стукнуло.

Двоих сидящих рядом молодых людей — Бади и Винса — такое известие порядком огорчило: барышни выглядели старше своего возраста и активно флиртовали с новыми знакомцами. Шарли тоже мило улыбалась, но с долей сдержанности, ясно показывающей повесам, что ловить здесь нечего. Леа скопировала это поведение: новая знакомая явно лучше разбиралась в жизни вообще и людях в частности.

Также на корабле плыли два мага, один на королевской службе, а другой — вольнонаемный. Выглядели оба лет на тридцать, но на самом деле, скорее всего, были постарше. На их фоне молодой человек с русыми пушистыми волосами смотрелся особенно юным. Мелкие черты его узкого бледного лица привлекали внимание каким-то

дерзким, тревожным, даже болезненным очарованием, рожденным не от красоты, а от чего-то этакого внутри. Леа только глянула на него и отчего-то сразу испугалась, как случилось с ней при общении с теми, кто дворянами не был, но при этом, по выражению отца, места своего не знал. Выражалось это по-разному – слишком смелый взгляд на дочку барона или, о боги, жену, слишком высокие цены за свою работу или просто неуважение к такому достойному человеку. Во всех этих людях сидело что-то неуловимое, вызывающее, неправильное и непривычное. Разумом Леанора не могла объяснить свои ощущения, ведь этот молодой человек не делал ничего плохого, к тому же был аристократом – баронет Анталь Ференц. Он тоже направлялся на обучение в Окатавскую Магическую Академию.

– Будем учиться вместе, – улыбнулась Шарли и вкратце рассказала о них с Леа, причем так, будто они знакомы тысячу лет.

При этом из дельной информации по факту только имена и цель путешествия. Поразмыслив, Леанора пришла к выводу, что на самом деле задачей этой вежливой, дружелюбной речи было сообщить присутствующим об их статусе, намекнув на защиту семей и короля. Сообразив это, Леа с восхищением уставилась на новую подругу. Та ей подмигнула.

Анталь Ференц из-под немного опущенных век проследил за этими переглядками и кивнул.

– Почту за честь.

– Это очень хорошо, что вы, барышни, – вдруг заговорила купчиха, маора^[5] Бако, – собираетесь получить профессию. Неизвестно, как жизнь-то повернется. Я еще замуж не вышла, – она с улыбкой посмотрела на мужа, – а моя семья успела трижды разориться и трижды подняться вновь. Так что пришлось и за прилавком постоять, и товар потаскать, когда на грузчиков деньжат не хватало. Без преувеличения скажу, кабы не мои умения в счетоводстве, неизвестно, как еще сложилось бы.

– Я ее в первый раз за прилавком-то и заметил, – усмехнулся неер^[6] Бако. – Думал, просто наемная работница. Никак не ожидал, что хозяйская дочка. Родители же моей душеньки – купцы не из последних были.

– Не лучшее время для семьи оказалось лучшим временем для меня, – улыбнулась женщина. – И девкам своим я постоянно талдычу,

чтобы учили счетоводство, подати изучали! Ни замужество, ни злато, ни титул не означают, что всегда будет хорошо, богато и покойно.

Никто и не подозревал того, насколько права оказалась маора Бако из Ласля.

Леа же, потупив глаза, с ужасом осознавала, что сейчас как раз и оказалась в том самом положении – когда не хорошо, не богато и не покойно. Ведь если маме не удастся изменить решение отца, то... то ей придется или идти замуж за этого ужасного Акоса Жакаба, или обеспечивать себя самой. Муж, если уж она выберет первый вариант... будет ли он к ней добр и уважителен? Или станет попрекать, что взял бесприданницей без титула? Более чем возможно. Но второй вариант – самой зарабатывать себе на жизнь. Леаноре стало истерично смешно. Самой? Искать работу... Как вообще люди ищут работу? Что будет с ее репутацией? Ее же потом ни один дворянин и не подумает рассматривать как невесту! Или она драматизирует? Есть же женщины-врачи и учителя. Маги опять же. Но на какую работу ее могут взять? «Боги, я же ни на что не годна!» – с ужасом вдруг осознала она.

– Полностью с вами согласна, – вещала тем временем Шарли. – В моей семье всем детям – и мальчикам, и девочкам – всегда преподавали счетоводство и отдельно по налогам и податям, в том числе и таможенным. Очень полезное оказалось знание. Сестра моя, как вышла замуж, между прочим, за графа Ваго-Беренского, так тут же пересмотрела счетные книги, как домашние, так и те, что ведут на производствах в семье ее супруга. И поверьте, немалые растраты выявились. Головы полетели! Но самое главное – доходы возросли. Особенно когда решили вопрос с пошлинами, там много интересного сыскалось. Не буду вас утомлять деталями, скажу только, что на десятую часть удалось уменьшить расходы.

Слова Шарлотты просто добили Леа. «Она же виконтесса, а знает счетоводство! Счетоводство!!!» Девушка вспомнила свои успехи в арифметике и приуныла еще больше. Сколько раз учителя ругали ее за отсутствие старания. «Голова у тебя хорошая, – не раз слышала она, – но что ж ты ее не используешь?!» Среди подруг почему-то считалось, что цифры – это... для бедных, что ли, прямо такое не говорилось, но девчонки очень многозначительно фыркали на все призывы учителей, мол, управляющий и экономка пусть этими глупостями занимаются.

Какая же она дура была! Мама же не раз говорила, что даже самых лучших слуг надо перепроверять. Вот и Шарли... Она – Имре, но знает счетоводство, подати, пошлыны какие-то... Ее сестра за графа вышла и даже тогда не постеснялась счетные книги проверить и на ошибки указать. Значит, ничего зазорного в этом нет, а очень даже полезно... Боги, как же ей, Леа, выжить-то в этом мире, где все оказалось не так, как она думала?!

– Обучение в магической академии – это прекрасный шанс узнать что-то новое, – продолжала Шарлотта. – Конечно, за все века наша семья накопила огромный опыт и знания, но ведь ничто не стоит на месте, надо изучать новое. Раньше что такое селекция и не знали, а теперь это одна из основ.

«Боги, я и теперь не знаю», – совсем расстроилась Леанора.

– Такой энтузиазм весьма похвален, барышня, – заметил один из магов, кажется, Мец... или Нец? – Только привносить новое вы будете, скорее всего, в хозяйство своего будущего супруга.

Леа удивленно посмотрела на мужчину, ради этого даже оторвавшись от самобичевания. «Ты посмотри, якая гадина», – вспомнилось ей выражение нянюшки. Ведь явно же хотел подсбить радостный настрой Шарли!

– Какая разница? – с великолепным изумлением та посмотрела на мага. – Если супруг будет мой, то и хозяйство его будет мое. К тому же вряд ли я куда-то уеду из Летних земель, а у нас все более-менее похоже, нет резких контрастов в климате и природе.

– Будем надеяться, что все так будет, – с насмешливой, явно двусмысленной ухмылкой отметил маг.

Леа совершенно не поняла, что за подтекст он вложил в свои речи, но задумалась на тему волшебства. Она ведь едет учиться именно магии! А значит, если она удержится до выпуска, у нее будут знания и какая-то профессия. Чародейство не считалось для дворянок занятием непристойным. Даже секретарь или домашняя учительница больше порицались. Да и статус выше. Чародейка – это женщина, гордо идущая по жизни. Деньги у них обычно водились. И несмотря на злопыхания матрон и их дочек, предупреждающих «бесстыдницам» одиночество, сложностей с браком у них не возникало. Сильных магичек и волшебниц с редким даром охотно брали в супруги. Нет, даже не так... у них был выбор. И они сами – сами! – выбирали!

Эта мысль показалась Леаноре восхитительно дерзкой и совершенно чудесной. Она сама сможет выбрать! Сама!

– Убеждена в этом, – улыбнулась Шарли тем временем.

– Еще бы, – хмыкнул второй чародей, имени которого Леа не запомнила. – Вы же отправляетесь в место, где мудрый его величество собрал лучших холостяков всех Летних земель.

Шарлотта с интересом посмотрела на него, делая вид, что не замечает уже его намека.

– И правда, – покивала она. – Хорошо, что вы обратили на это мое внимание. Уверена, будет весьма полезно пообщаться с этими достойными молодыми людьми.

– И девушками, – подал голос Антадь Ференц. – Если проследить логику нашего попутчика, то стоит заметить, что и невест достойных будет немало.

– Заинтересованы? – насмешливо спросил Мец... или Нец.

Прозвучало это как-то так, что Леа невольно подумала, что не слышала раньше про баронов Ференц, а значит, скорее всего, род захудалый и бедный.

– Разумеется, – улыбнулся в ответ Антадь и посмотрел в глаза мага.

Тот не нашелся, что ответить, и молча поднял бокал.

– За прекрасных дам... особенно за присутствующих здесь.

Тост поддержали.

Глава 4

Ранее путешествие по морю представлялось Леаноре весьма увлекательным занятием. Прекрасные пейзажи, доблестная команда, интересные попутчики, галантные кавалеры, свежий воздух и стремительное движение вперед под крики чаек. На деле же... Водная гладь, с какого борта ни посмотри, выглядела совершенно одинаково – плоская, лишь немного волнистая синь нескольких не особо отличающихся друг от друга оттенков. Любоваться ею очень быстро приелось, и захотелось чего-то интересного.

Попутчики в меру своей общительности разбавляли скуку, но, признаться, от них девушка скоро начала уставать. Если маора Бако ей нравилась, то вот ее дочери выводили из себя, особенно щебетанием с Бади и Винсом. Правда, Леа быстро призналась себе, что больше всего раздражала в них беззаботность и отсутствие какого-либо желания смотреть дальше конкретно этого ухажера. Поняв это, будущая студентка магической академии вдруг осознала, что, собственно, неделю назад вела себя точно так же. Будущее казалось понятным, и самым сложным в нем представлялось поймать в женихи нужного кавалера и как-то убедить родителей дать разрешение на брак с ним. Живое, такое приятное лицо Дени вновь встало перед глазами, но если раньше ей казалось, что основная сложность в том, что они слишком близкие родственники, то теперь все стало слишком сложным. Сможет ли он взять в жены бесприданницу, ведь он не первый наследник, и из семейного состояния ему достанутся крохи? Конечно, любовь все побеждает, но... но с приданым было бы надежней.

Маги, плывущие на корабле, особо общаться не хотели, вернее, хотели, но только если говорили они. Слушать кого-то моложе себя они не желали. Исключение составлял Анталь.

Как-то они с ним столкнулись на корме. Леа разглядывала волны, расходящиеся от корабля, и пыталась подавить смутную тревогу, часто охватывающую ее сейчас.

– Вам тоже кажется, что за нами кто-то плывет?

– Что? – вырвалась из задумчивости девушка, потом поняла смысл вопроса, удивившись и испугавшись одновременно: – Как так

плывет? Нас преследуют? Пираты? Другой корабль?

«Это отец!» – в панике подумала она.

Анталь явно смутился.

– Нет-нет, ничего такого. Не корабль... Извините, я пару дней ожидал отплытия в Келгаке. Ходил посмотреть на знаменитый памятник морскому пегасу Тургарда...

– Работы Корнэля Галла, да, я слышала про него. Увы, посмотреть не удалось.

– Жаль, очень жаль. Такое странное существо... Но как живой. – Юноша посмотрел на барашки волн вдоль бортов. – В море все так непривычно.

Но Леа поняла, что ее хотят увести в сторону.

– Только не говорите, что вам мерещится морской пегас, – нервно хихикнула она.

– Нет, – покачал головой Анталь, – разумеется, нет. Просто пока я смотрел на него, какой-то местный, эм, энтузиаст рассказывал про всяких водных чудищ. Морских драконов, гидр, кракенов, нингенов, финфолков...

– Надеюсь, вы ему не подали, – громыхнул рядом голос Меца, шаги которого не услышали ни юноша, ни девушка, заговорившие разговором.

Беседа быстро свернула куда-то на вопросы экономики и политики, и Леа сбежала. Вообще вся эта четверка – чародеи, Анталь с неером Бако – часто общались, но даже такие посиделки почему-то регулярно заканчивались ссорами между чародеями. Впрочем, держали они себя в руках крепко: магия ни разу не вступила в бой.

Так что с галантными кавалерами тоже как-то не сложилось.

Зато со свежим воздухом ожидания не обманули. Настолько свежим, что на третий день Леа начала хлюпать носом и маяться головной болью. Слава Лунному Королю, у горничной нашлись противопростудные сборы, которые им регулярно присылала тетушка Риалет. А вот с морской болезнью помогла Шарли. В самом начале путешествия она накапала им с Матишей какой-то микстуры из пузырька темного стекла и велела выпить. Судя по тому, что никакой тошноты или головокружения девушки не ощутили, снадобье работало.

– По бабушкиному рецепту, – в очередной раз отмеряя порцию Леа и себе, похвалилась Шарлотта. – Она у меня в травах великолепно разбиралась. Да и жила около старого леса, там травы всегда сильнее, чем в обычных лесах.

Леа слышала сказки про древние чащобы, мол, силой они пропитаны, волшебством, которое не изучишь в магических университетах, не разложишь на пентаграммы и заклинания. И этим всем они щедро делятся с избранными, которых лес сам выбирает, привечая все больше старые рода, всегда чуя древнюю кровь.

– А она... твоя бабка... – Леанора никак не могла собрать в кучу мысли, чтобы родить достойный вопрос. Разговор шел уже вечером. Девушка только что закапала глаза, улучив момент, когда Шарли отлучилась, – где жила?

На самом деле хотелось спросить совсем другое: была ли она избрана лесом? Она ведьма?! Ведьм очень ценили в Летних землях. Особенно настоящих, не новомодных гадалок или всяких привораживающих-отвораживающих мошенниц, а именно тех, кто имел магию не стихийную, а какую-то свою, непонятную, из старых сказаний, темную, как ночь, сильную, как жизнь.

– «Белые сады», – любовно улыбнулась Шарли. – Ее поместье. Самое прекрасное место на земле.

Лицо девушки приняло такое выражение, что Леа невольно позавидовала столь сильному чувству.

– Ты часто гостила у бабушки?

– Постоянно, – Шарлотта засмеялась, подняла руки к голове и принялась вытаскивать шпильки из сложной прически. Девушки сидели в их каюте, небольшой, но вполне уютной, и болтали. Пожалуй, вечера на корабле Леаноре нравились больше всего. – У нас поместье почти впритык к бабушкиному. Я там, считай, все детство провела.

– Звучит восхитительно. А я за город только к тетушке выезжала. – Снова вспомнился Дени, но Леа еще не была готова о нем говорить. – Тебе не кажется, что сегодня как-то сильнее качает?

– Да, ощутимо, – прислушалась к ощущениям Шарлотта. – Боишься, что поплохее? Не переживай, я просто увеличу количество капель. Так две, а сделаю три.

– А себе одну капаешь!

– У меня желудок всегда отличался крепостью.

Леанора улыбнулась, не желая обсуждать желудки. Немного поговорив о чем-то не особо важном, подруги легли спать.

Корабль, ловя ветер в паруса, действительно двигался очень быстро. А вот чайки орали отвратно.

Ночью случился шторм невероятной силы, который подруги и корабль пережили с огромным трудом. Девушки попытались прорваться на палубу, чтобы попытаться магией успокоить море, но только получили нагоняй от Меца: необученным юницам не по силам то, с чем не справится и десяток взрослых магов.

Наутро все могли обсуждать только две вещи – собственное плохое самочувствие и то, что их отнесло совсем в другую сторону.

– Тамсин? – удивленно поднимала брови Шарли, когда бледные, изрядно позеленевшие пассажиры встретились в кают-компании. – Ничего себе!

– Мы зайдем в порт. Нужно кое-что подлатать, – капитан поморщился. – Но вам я рекомендовал бы выйти именно в Тамсине. Оттуда почти то же расстояние до Окатавы, что и от Бреакса. Вы потеряете больше времени, если вернетесь в Бреакс, чем если поедете до академии из Тамсина.

– Это имеет смысл, – подумав, кивнула Шарлотта и перевела взгляд на Леа. Та тоже наклонила голову.

– Только, – капитан на миг замолчал, потом продолжил: – Вам придется ехать через Сольгер.

– Сольгер? – переспросил Антадь.

– Да, странный он. Замок этот. В нем какую-то реликвию хранят. Осторожнее там.

Молодые люди переглянулись.

– Там опасно?

– Если попытаться скрасть это их сокровище, то определенно. Но и в целом, говорят, что место, – мужчина повертел ладонями в воздухе, – с чудиной. Вроде как нехорошее.

– Там происходили убийства? Или грабежи? – спросила Леа с беспокойством.

– Не то чтобы...

— Так в чем странность-то? — начала сердиться Шарли, но ей так ничего и не пояснили. Мычали про какие-то непонятные явления, но лишь разожгли интерес.

— Едем, — махнула рукой виконтесса, отчаявшись добиться внятных ответов.

Леа снова кивнула, а вот Анталь отвел глаза.

Глава 5

Уже к вечеру «Гордячка Зоя» бросила якорь в порту Тамсина. Выезжать до Окатавы сейчас не имело смысла, и Шарли отправила одного из крепких слуг, которые ее сопровождали, искать приличную гостиницу или постоялый двор. Нашли что-то среднее. Леа в который раз возблагодарила богов за такую попутчицу.

– Папенька непременно сказал бы, что находиться здесь – ниже баронского достоинства, – нахмурилась Леанора и резюмировала: – Прекрасное место. Нужно обязательно поужинать в общем зале.

Почему-то подобное отец считал верхом невоспитанности.

– Мне нравится твой бунтарский дух, – засмеялась Шарли.

Так и поступили. Правда, место для барышень все равно подобрали такое, чтобы обычные посетители – самые разные люди среднего достатка – особо близко не подходили. Для Леа и это казалось верхом неприличия и радовало невероятно.

– Знаешь, – она даже немного покраснела, – мы не очень много путешествовали. А когда все же выбирались куда-то, то по возможности останавливались в самых респектабельных гостиницах. Но ты же понимаешь, что подобное не всегда удавалось. Иногда были и постоялые дворы, и пансионы уровня пониже. Папа очень ворчал, я, хм, однажды повторила за ним, и тогда мама украдкой рассказала мне...

– Про Лунного Короля и Лунную Королеву, – понимающе улыбнулась Шарли.

– Ты тоже знаешь эту легенду?

– Все знают.

Лунный Король и Лунная Королева считались главными божествами Ланьберга. Легенды о них пересказывали с удовольствием, стараясь найти момент, когда они непременно западут в душу.

Правда, версии порой весьма отличались. В Летних землях сказывали так: каждую ночь скачут по лунной дорожке Король и Королева, не муж и не жена, не брат и не сестра. Иногда они запускают руки в седельные сумы, достают оттуда и рассыпают: она – жизнь и

смерть, он – блага и горести. А порой в хмурые, безлунные ночи Король и Королева спускаются к людям, подсаживаются за столики в тавернах или на постоянных дворах и выслушивают человеческие истории. А, выслушав, одаривают счастьем или бедой, новой встречей или неожиданным шансом.

– Мне всегда казалось, – Леа уже откровенно смущалась, – что во всех этих пафосных местах такого не может случиться. Ну... они не подойдут.

– Еще бы, – ухмыльнулась Шарли, – в подобных высокомерных местах и Лунный Король с Королевой постесняются!

Девушки хихикнули.

– Я только надеюсь, что в академии будет попроще, – хмыкнула виконтесса, – а то так и будем пять лет ходить мимо друг друга с неприступными минами!

– И с ними же лежать в окопах, – засмеялась Леа.

Боевые заклинания не разбирают, кто солдат, а кто аристократ. Иногда куда удобней не колдовством защищаться, а за укреплениями отсидеться. Подготовка в магических университетах включала в числе прочего умение воевать с помощью оборонительных сооружений. Девушек окопы рыть не заставляли, что нисколько не мешало шутить на эту тему.

Подруги уже добрались до десерта – пирога с яблоками и сливами, когда в общий зал вошла выбивающаяся из общей массы гостя – невысокая стройная блондинка с прекрасной кожей, яркими губами, даже в своей юности выглядящая роскошно. Ее дорожный наряд явно стоил дорого. Прическа же, довольно сложная, подчеркивала высокий лоб, красиво вылепленные скулы и гордый профиль.

Незнакомку сопровождал средних лет мужчина, одетый прилично, но не так богато. Да и обращался он с девушкой весьма почтительно, скорее как слуга высокого ранга, чем как родственник. Они выбрали столик по соседству, но заказали исключительно напитки, которые, к слову, принес сам хозяин, подобострастно при этом кланяясь.

Не сговариваясь, Леа и Шарли наблюдали за представлением.

– Мне нравится эта барышня, – спустя некоторое время заметила Шарлотта. – Бойкая.

Блондинка действительно не прятала глаз, активно общалась, улыбалась.

– А мне тем, что не дерет нос перед теми, кто ниже, – кивнула Леа. – Мама всегда говорит: хочешь понять, что за человек, посмотри, как общается со слугами или людьми попроще.

«Кстати, а ведь отец всегда вел себя с ними равнодушно. Нос не задирает, вежливо разговаривал, кроме тех случаев, когда они нагнали, по его мнению, но и никакой приязни не выказывал. Даже к слугам, которые у нас дольше, чем я живу, работали. Значит ли это...» – дальше мысль Леа додумывать не стала. Теперь ей все в отце казалось не таким, что точно не было правдой. Надо подождать, пока обида чуть уймется, а то надумает себе...

– Интересно, куда она направляется? – тем временем задалась вопросом Шарли. – Тут не так уж много мест, куда может ехать этакая дама.

Леа вспомнила карту, которую дал ей посмотреть капитан. Основное внимание на ней было уделено водным путям, но сушу тоже не забыли, отметив основные пункты.

– Туда же, куда и мы. В таинственный Сольгер.

– Уверена?

– Сольгер – судя по карте, самый приличный замок на ближайшие пятьдесят орн^[7]. Ближе только мелкие деревушки. Конечно, все возможно, но я на десять из десяти уверена, что она направляется в Сольгер.

– Хм... – задумалась Шарлотта. – Капитан высказался непонятно, но явно с замком что-то не то. Тогда почему и мы, и она туда едем?

– А мы туда не едем, мы едем мимо, но тут до Академии, по сути, одна приличная дорога. Сначала до Сольгера, потом по мосту через Липель и до академии. Постоялых дворов на пути мало, и наша задача, если этот Сольгер такой уж странный, там не останавливаться.

– А как же бунтарский дух? Таинственный замок, неизвестное сокровище, странные происшествия в нем, а?

– Настолько странные, что даже сплетники не определились, убийства это или кражи.

– Так таинственней!

– И странней.

– И артефакт неизвестней, – засмеялась Шарли. – Слушай, что-то Лайх пропал. Неужели так трудно нанять карету?

Один из слуг виконтессы действительно никак не возвращался.

– Во! И Лайх пропал, – добавила Леа. – А ты говоришь! Мы еще до замка не добрались, а удивительное уже с нами.

– Добрый вечер, ла-ориты, – заговорившись, подруги пропустили момент, когда заинтересовавшая их блондинка поднялась и подошла к их столику. – Я приношу свои извинения, что врываюсь в вашу беседу, невольно ее услышав. Знаю, в приличном обществе так не поступают, но дорога диктует свои правила. Вы позволите мне составить вам компанию?

На секунду девушки опешили, переглянулись, потом одновременно указали на пустующий стул и произнесли что-то вежливое, но невнятное.

– Виконтесса Кларисса Зилийская, – представилась незнакомка. – Начальник охраны моего батюшки Бенс Тох.

Мужчина встал за спинкой ее стула и поклонился при этих словах.

– Неер Тох, благодарю вас за заботу.

Начальник охраны кивнул и, поняв намек, ретировался к прежнему столику. Шарли с Леа тем временем вспоминали, где слышали про виконтов Зилийских. Обоих заставляли учить генеалогию всех более-менее значимых родов страны. Данная семья вполне подходила под это определение. Жили они, кстати, на самом севере Летних земель. Даже, кажется, частью их территории располагались в Зимнем княжестве.

Шарлотта представила обеих девушек и для затравки разговора бросила:

– Как далеко вас завела дорога, виконтесса.

– О, прошу вас, для друзей просто Кларисса, – мило улыбнулась блондинка. Прозвучало заученно, но кто без греха? – Я направляюсь согласно указу его величества в Окатавскую Магическую Академию.

– О-о, – протянули девушки и переглянулись.

– Похоже, общество действительно будет достойным, – вспомнив недавний разговор на корабле, заметила Шарли и пояснила: – Мы тоже туда едем.

– Я так и поняла, невольно услышав ваш разговор, – Кларисса извиняюще улыбнулась. – Поэтому и позволила себе подойти. Мы с

сопровождающими завтра собираемся выехать к Окатаве и будем рады спутникам. Дороги тут не самые безопасные, так что чем больше караван, тем безопаснее.

Идея понравилась Шарли, а вот Леа, понимая все плюсы, почувствовала недовольство. Мир продолжал меняться, и в нем появлялись все новые и новые люди.

Тут появился Лайх, где-то по пути хлебнувший горячительного («Да что вы, барышня, один глоток всего! Для сугреву! Ветер какущий!»), и доложил, что нанял две кареты.

Повозка Клариссы стала третьей. Она собиралась ехать отдельно из-за проблем со спиной: ей часто требовалось лежать и помощь горничной. («В детстве упала с лошади, до сих пор иногда ужасно болит, но мы будем встречаться вместе за столом!»)

Утром Шарлотта о чем-то долго говорила с маорой Бако и передала коробку из груза с зеленой маркировкой. Но пояснять Леаноре ничего не стала, лишь загадочно улыбнулась.

Глава 6

Когда утром рассаживались по каретам, Леа отчего-то обратила внимание, что в карету Клариссы усаживается и ее горничная – хмурая, бесцветная девица с небольшим дорожным чемоданчиком с весьма характерными замками. Такие для ерунды не делают. Девушка прислушалась, хотя понимала, что стоит далековато. К тому же вполне естественный для постоялого двора шум мешал, но потом... Несколько месяцев назад она с семьей ходила на оперу. Там потрясающей красоты актер пел арию, меняя голос с почти женского до уверенного мужского тенора. При этом чистота звука оставалась все той же, поистине достойной королевской труппы. Сейчас Леа показалось, что она вновь слышит его, этот чудесный голос, потрясший ее до основ. Он будто отодвинул все остальные звуки и пел в полной прозрачной тишине. Так же переливался с женского в мужской, вызывая восторг и обожание... Как же потрясающе! Потрясающе – и совершенно невозможно. Ощущение прошло, а девушка заработала толчок от Шарлотты, намекающий на то, что дорогая подруга застыла перед каретой как истукан. Звуки постоялого двора с суетящимися людьми и фыркающими лошадьми тут же вернулся.

Тряхнув головой, ошарашенная Леанора устроилась на сидении, пытаясь осознать случившееся. Что произошло-то? Нет, она догадывалась, но слишком странно все.

«Что ж, мне обещали странно, – посмеялась она про себя. – А мы еще на подступах к Сольгеру».

Дождь начался через три-четыре часа после обеда. Да какой! Будто тот шторм, который едва не угробил «Гордячку Зою», увязался за подругами. Полыхали молнии, гремел гром, ржали перепуганные лошади, по крышам карет долбили тяжелые капли, чем дальше, тем больше звучащие как камнепад. Гор рядом, слава богам, не наблюдалось, но даже густой лес не спас от погоды: дорога слишком широкая, ветви деревьев не смыкались над ней. Тем не менее кучера подхлестывали лошадей. Встать в грозу в таком месте никому не хотелось.

– Как я уехала из дома, так это все не прекращается, – покачала головой Леа, с обреченным выражением глядя в окно. – Будто боги проверяют мою решимость.

– И как? – заинтересовалась Шарли.

– Страшно.

– Мне тоже, – вздохнула попутчица. – Зато больше ценить будешь. Удивленная, Леа посмотрела на подругу.

– Представь, что для того, чтобы поступить в академию, тебе нужно было бы просто перейти дорогу. М? – сделала она паузу, чтобы дать воображению Леаноры время. – А после такого пути ты раз сто подумаешь, если вдруг захочется вернуться.

Лес и дорогу осветила очередная молния. Леа показалось, что она увидела звериную морду в ветвях. Почудится же... Но видение оскаленной пасти так и стояло перед глазами. Девушка понимала, что, скорее всего, у нее воображение расшалилось, но было все равно жутковато.

– Пока добраться бы, – признавая правоту Шарли, пробормотала она. – Слушай, насчет Клариссы... Ты же не думаешь, что она... ну...

Леанора сделала неопределенный жест рукой, надеясь, что подруга тоже вспомнит разговор про Лунного Короля и Лунную Королеву. Шарлотта не подвела:

– Не думаю, – она немного помолчала. – Не похоже. Знаешь, это было бы слишком. Так не бывает. Наверное. Да и не расспрашивала она ничего. Просто договорились о совместном путешествии.

– Пожалуй, ты права, – облегченно вздохнула Леа. Ей, конечно, хотелось встречи с Лунной Королевой и Лунным Королем, но не так же!

– Я бы даже поставила больше на риксов.

Риксы считались мелкой нечистью, которая принимала облик людей, чтобы выманить у них ценности, от чисто материальных вроде пищи или золота до куда более значимых – обещания или магической силы. Иногда рассказывали, что риксы заводили спутников в ловушку, где их ждали чудовища пострашнее.

– И ты согласилась ехать с ними?! – ахнула Леа, которой подобное и в голову не пришло.

– В гостинице была защита от нечисти.

– Где?

– Помнишь вот такие знаки? – виконтесса дыхнула на стекло кареты и быстро нарисовала на нем сложный символ из нескольких пересекающихся под разными углами линий. – На стенах почти под крышей.

Леанора наморщила лоб, вспоминая.

– Я помню там только пучки из ветвей с черными ягодами.

– Это бузина. Лучшее средство от нечистой силы. А знаки – это дополнение. Я знаю, в городе такие обереги редкость, но в деревнях никто этим не пренебрегает. И работает не хуже, чем защитные чары дипломированных чародеев!

Обдумав эту мысль, Леа спросила:

– Поэтому ты решила, что Кларисса не может быть риксой?

Шарли пожала плечами.

– Очень сомнительно. Так можно от каждого путника шарахаться. И все же... – и она пододвинулась ко второму окну и, дыхнув на него, нарисовала такой же символ. Леа сглотнула.

Тут карета резко ускорила ход. Неужели лошади тоже почувствовали зверя или что похуже? Леанора обхватила себя за локти и приказала себе не паниковать. И тут же взвизгнула, когда гром раздался прямо над ними. Даже Шарлотта не удержалась от вскрика. Потом, правда, прошептала несколько слов, которые юной барышне знать никак не полагалось. Леа на всякий случай их запомнила.

– Почему они так гонят? Дорога же мокрая, – заволновалась виконтесса.

– Не знаю, но я в целом с ними согласна.

– Как бы лошади себе ноги не переломали. – Девушка попыталась выглянуть из окошка, чтобы спросить у кучера, но Леа втянула ее обратно.

– Не высовывайся, вдруг камень какой...

– Ты что-то увидела, да?

Она и хотела бы соврать, но не смогла.

– Зверя. Возможно, ветки, но...

Выслушав, Шарлотта полезла в дорожную сумку и достала два огнестрела – богато украшенные трубки с какими-то странными деталями, назначения которых Леа не знала, изгибались, образуя ручку. Внутри хранилось несколько заклинаний магии огня, которые

посылались в цель при нажатии на курок. Удобное оружие для тех, кто не может использовать магию и не хочет подпускать врага близко.

– Умеешь пользоваться?

Шарли уверенно проверила огнестрелы и протянула один из них спутнице. Перепуганная, Леа замотала головой. Натан лишь однажды показывал сестре, как из них стрелять. Виконтесса тяжело вздохнула.

– Обязательно надо научиться.

– Ты думаешь... на нас собираются напасть? Поэтому возникшие ускорились?

– Ничего я не думаю. Я просто хочу быть готова. Имре не сдаются!

Леа кивнула и, поколебавшись, достала из кружевной сумочки заветный булыжник размером с пудреницу, сжала его и постаралась настроиться.

– Ты собираешься им кидаться во врагов? – не веря себе, спросила ошарашенная Шарлотта. На ее лице отразилось нелицеприятное мнение о подобной идее.

Булыжник медленно, как подбитая птица, поднялся на пару ладоней вверх, чем вызвал у виконтессы восхищенный вздох.

– Ты уже можешь управлять своей магией!

– Немного, – вздохнула Леа.

Булыжник вернулся ей в руку, но теперь связь с ним стала крепче.

– Я могу отправить его на большой скорости на несколько шагов вперед. Это почти не отличается от хорошего броска, но возвращается он сам, – девушка криво ухмыльнулась. – Не особо аристократично и женственно, да?

– Если это действует, какая разница?! Только надеюсь, скорость больше, чем сейчас была?

– Конечно, это вверх – трудно, а горизонтально – просто. Хоть и больше похоже на обычный бросок, – засмеялась Леа. – Зато меткий.

Шарли тоже ухмыльнулась и тут же посоветовала:

– Я бы на твоём месте заострила один край.

Ее спутница вопросительно подняла брови.

– Ну, знаешь, как древние люди делали, когда еще в пещерах жили. Отбивали с краю так, чтобы получился нож или что-то вроде.

Наморщив лоб, Леа вспомнила, как их с гимназической группой водили в музей, где показывали всякие орудия труда и оружие

древности. Девушке с трудом верилось, что когда-то люди в самом деле так жили, но камни действительно выглядели обработанными: будто от них ударами откалывали небольшие куски, пока не образовалась режущая кромка нужной формы. А ведь идея и правда хороша...

– Может, даже с двух краев... – промолвила Леанора.

Девушки поулыбались друг другу и откинулись назад, прячась в тени. Тучи как-то незаметно разошлись, и луна засветила прямо в окно. Стук подков по булыжникам казался барабанной дробью, как перед появлением антагониста в опере. Вдалеке завывали какие-то звери или чудища. Виконтесса покрепче сжала огнестрелы. Леа снова проговорила в голове формулу заклинания.

– Сцена подготовлена, – пробормотала Шарли. – Время выхода злодея.

Леанора нервно хихикнула: подруга будто прочитала ее мысли.

Время шло, напряжение нарастало, а девушки уставали быть в нем.

– Что-то он задерживается...

Поколебавшись, Леа потерла свободной рукой заболевшие глаза, чувствуя, как привычно мутнеет мир, на миг сжала веки крепко-крепко, потом нехотя открыла – вроде получше – и полезла в потайной кармашек. Дамы, а тем более барышни, редко носили часы. Для нее же они были жизненной необходимостью.

– Всего девять, – заметила Леа недоуменно.

– Что? А, – Шарли недоуменно посмотрела на темноту за окном. – О! Мы ведь на островах. Тут другой часовой пояс. Плюс два часа.

– Точно, – мысленно Леа выругалась и посмотрела на невзрачное колечко, не подающее никаких сигналов, хотя должно было бы! – Значит, уже одиннадцать. Как-то мы не учли это...

«Всего час остался», – в панике подумала Леанора, опять ощущая, что в глазах мутнеет.

– Да, поздновато... О, смотри! – Шарли подалась к окну, забыв про осторожности.

– Что там?

– Замок. Здоровый какой!

Замок и правда впечатлял размерами. С зубчатыми стенами, он, как и положено, вырастал из самого высокого холма на местности. Это

добавляло ему внушительности и грозности. Башни разных форм – круглой, квадратной и даже шестиугольной – стояли часто, готовые отразить любое нападение. В темноте не удавалось разобрать, какого цвета камень, но казался он темным, почти черным, что вряд ли соответствовало истине.

– Какой-то он... зловещий, – поделилась Леа. – Еще и луна эта...

– А представь, если была бы поздняя осень. Деревья без листьев, воронье и дождь...

Девушка передернула плечами, отгоняя столь яркую картинку.

– Дождь не заставит себя ждать.

Тучи отступили, но не сдались, выжидая удачного момента, чтобы перейти в наступление.

Леанора вспомнила карту:

– Сдается мне, это Сольгер.

Подруги еще раз внимательно оглядели мрачное величие замка. По крыше предупреждающе застучали тяжелые капли. Выбора судьба девушкам не предоставила.

Глава 7

Лошадей зловещий вид замка явно не смущал. Они рвались вперед без всяких понуканий. Зубчатые стены все приближались. Мост надо рвом оказался опущен, а вот ворота закрыты. Огромная башня над ними, будто чудище, поглощала дорогу. Девушки уже подумали, что придется остановиться и стучаться, долго объясняясь с охраной.

Однако стоило каретам преодолеть середину пути по холму, как тяжелые створки медленно поползли в стороны, решетка поднялась и вовсе шустро. Отчего-то такая готовность показалась еще более пугающей.

Вот уже кони зацокали подковами по замощенному двору. Кучер спрыгнул со своего места и открыл дверь экипажа.

– Барышни...

Переглянувшись, девушки ступили во внутренний двор замка Сольгер.

– Почему так гнали?

– Так эт-та... Сольгер же.

– И что?

– Так тут, эм, всегда так. Да-да, лошади перед ним постоянно чёй-то пугаются и гонят, гонят, даже подхлестывать не надо. Нежить, небось, какая обитает рядом. Али звери, – кучер поежился и бросил боязливый взгляд на замок.

Девушки переглянулись. Большой двор плохо освещался несколькими факелами. Ощущение близкой опасности не отпускало. Шарли передернула плечами.

– Что ж, в таком месте нас обязательно должен ждать какой-нибудь мрачный темный маг, – она улыбнулась, давая понять, что шутит. Наверное.

– Или прекрасный принц, – Леа была настроена более оптимистично. – Возможно, заколдованный.

Двери замка распахнулись, явив за собой освещенный холл. К девушкам кто-то шел. Кареты Клариссы и сопровождающих еще только въезжали во двор.

– Еще возможно убийство, – с деланным равнодушием заметила Леанора, продемонстрировав подруге порочную склонность к низкой литературе (где это видано, чтобы девушка дворянского происхождения читала новомодные, почти что скандальные детективные романы!). Шарли понимающе усмехнулась.

– Тогда еще обязательна кража, – призналась в той же любви она.

Подруги невольно придвинулись друг к другу.

– Приветствую дорогих гостей замка Сольгер! – женский голос звучал угрожающе дружелюбно. – Бедняжки, вы, наверное, так устали! Идемте-идемте, мои дорогие, вам совершенно необходимо отдохнуть!

Их встречала пожилая, одетая как экономка или старшая горничная женщина. Шарли попыталась объяснить, кто они такие и почему рискнули приехать в замок незванными, но та только замахала руками.

– Без сомнения, вы абитуриенты магической академии. Владельцы Сольгера давно заключили договор, чтобы следующие до нее студенты и поступающие останавливались здесь. Не дело приличным молодым людям и девушкам ютиться по этим ужасным постоянным дворам! Неприемлемо! Не волнуйтесь, я все понимаю. Сейчас вас проводят до ваших покоев. Примете ванну. Поздний ужин принесут прямо в комнаты. Завтрак у нас в десять. Я предупрежу ваших горничных. Можете не сомневаться, будет очень удобно и комфортно. Это же Сольгер!

Втроем они вошли в высокие двери замка. Шарли как раз уточняла, как уважаемая маора узнала об их приезде. Леа же вертела головой, пытаясь охватить взглядом все вокруг, – металлические накладки на створки с каким-то сюжетом, холл с охотничьими мотивами в виде голов животных, еще одни двери, уже без железа, зато с резьбой на дереве, факелы, как обычные, так и с магической начинкой – огня не видно, только ровный свет.

Второй, более светлый зал представлял собой еще один холл, только в этот раз прекрасно освещенный. Именно отсюда шла лестница вверх. Леа вдруг испытала сомнения, что сможет подняться по ступенькам, типично высоким для замковой архитектуры. После целого-то дня в карете... Мысленно девушка застонала. Внешне же оправдывала паузу в разговоре разглядыванием подставок под магические светильники. Их воткнули прямо перед перилами, будто

уличные фонари, а форму придали причудливую: будто как-то растение с большими цветами обвил столб. Красиво.

В этот момент стало слышно, что кто-то спускается со второго этажа, и скоро девушки увидели троих юношей примерно одного возраста. В первую очередь взгляд останавливался на брюнете, идущем по центру. Среднего роста, совершенно не толстый, он тем не менее казался весьма основательным, как бык среди гончих. И лицо – привлекательные черты создавали ощущение внутреннего огня, сдерживаемого исключительно силой воли. Леаноре он показался похожим на демона, а Шарли – на дикого зверя, то ли медведя, то ли волка. В свете фонарей глаза казались совершенно черными, хотя на деле наверняка были карими.

Молодой человек справа от него представлял собой просто удивительный контраст. Высокий, худощавый, если не сказать тощий, рыжий. Если у первого, против моды, волосы были коротко подстрижены, то второй отпустил их почти до середины спины, забрав сейчас в низкий хвост. А вот лицо – бледное, с неизбежными веснушками, скуластое – можно было назвать разве что интересным, но никак не симпатичным.

За этими колоритными незнакомцами Леа не сразу обратила внимание на третьего, идущего вроде и рядом, но чуть поодаль. Будто анекдотические истории про девушек – блондинку, брюнетку и рыжую – перевернули: этот юноша имел светлые волосы. «Полная подборка», – усмехнулась она про себя, замороженно рассматривая миловидные черты. Слишком миловидные для парня, на ее вкус, но цепляющие.

Никто еще не успел что-то сказать, как в холле появилась виконтесса Зилийская. По лицу светловолосого юноши скользнула ироничная ухмылка, он тоже явно вспомнил что-то анекдотическое.

– Кларисса! – в этот момент выпалил рыжий, потрясенный встречей.

Блондинка же посмотрела на него странным, печальным взглядом и в следующее мгновение начала заваливаться на бок. Сопровождающая ее горничная вскрикнула, подхватила госпожу, но явно была не в силах удержать тело. Впрочем, лишь секунда потребовалась рыжему, чтобы оказаться рядом и принять на себя ее вес.

Леа мысленно застонала и прислонилась к светильнику-фонарю, с ужасом представляя бедлам, который сейчас начнется. И он начался. Все засуетились над упавшей в обморок девушкой, завохтали на разные голоса, появились какие-то новые люди из слуг, что-то тут же опрокинули.

– Интересно, кто из них мрачный темный маг, а кто прекрасный принц? – припомнила недавний разговор Шарли.

– Главное, чтобы без убийства обошлось, – покосилась на обморочную Клариссу Леа.

– Госпожа... – к ней подобралась совсем еще юная служанка и робко позвала.

Та с готовностью перевела на нее взгляд.

– Позвольте, я провожу вас в покои, пока тут все... устаканится.

Мысленно Леанора возблагодарила богов и дернула Шарли к себе, кивнув служанке.

– Веди.

Признаться, обе барышни испытывали невольное смущение, что оставили армию спасителей обморочной дамы ради приземленных потребностей, однако не передумали.

– Веселенькое начало визита, – пробормотала Шарли. Леа согласно угукнула.

Выделенная комната оказалась немалых размеров, с большой удобной кроватью и собственной ванной, явно модернизированной совсем недавно. Из неприятного – их с Шарлоттой покои находились в разных концах коридора.

Леа хватило на то, чтобы дождаться Матишки и убедиться, что с ней все в порядке. Отправить ее узнать, все ли хорошо с Клариссой. Пока ждала, закапала глаза, подправила амулет, подсказывающий ей, что скоро полночь, и умылась. Получив утвердительный ответ, Леанора почти сразу уснула.

Ни она, ни Шарли не увидели, что почти через час после их приезда в замок прибыл еще один человек.

Анталь Ференц застыл в первом холле, не обращая внимания на суетящихся слуг. Стягивая перчатки, он со странным тревожным выражением лица вглядывался в открытые двери, будто видел драму, разразившуюся во втором зале чуть меньше часа назад. Кто-то из

горничных даже проследил, куда он смотрит, но сейчас там ничего не происходило. Лишь кружились в свете магического фонаря невидимые с этого расстояния пылинки.

Наутро Леанора, постанывая от ноющих мышц, в том числе в тех частях тела, кои приличным девушкам упоминать нельзя, пришла к выводу, что путешествие в карете на удивление совсем не так комфортабельно, как на корабле. Потом она вспомнила шторм и решила, что в целом и в экипаже вполне себе неплохо.

– Госпожа Леа! – Матишка, разбудившая ее, подготовила все для умывания и теперь пыталась заставить девушку подняться. – Такой странный замок! Такой необычный!

– Да? – Будущая студентка вставать совершенно не хотела, хоть и понимала, что пора. Все же это не гостиница и не корабль. Нельзя злоупотреблять гостеприимством. – И в чем же?

Но немного еще понежиться в такой удобной кроватке можно же... чуть-чуть, честно-честно.

– О-о-о, – округлила глаза и губы Матиша, заправляя в чепец выбравшуюся наружу русую прядку. – Увидите!

– Да знаю я тебя, небось, ничего нет! Или какая-нибудь ерунда!

– А вот нет! – возмутилась горничная весьма правдоподобно. – Там такое!!! Просто о-о-о-о...

– Да что такое?

– Ой, вода уже остывает! – хихикая, Матишка умотала в ванную комнату.

– Мерзавка! – бросила ей вслед хозяйка и, тоже посмеиваясь, все-таки выползла из кровати.

Впрочем, когда после всех положенных утренних ритуалов она все же вышла из комнаты, намереваясь спуститься к завтраку, поняла, что в этот раз шустрая служанка ее не обманула.

От удивления Леа вообще застыла посреди коридора, с благоговением, восторгом и некоторым ужасом глядя на стены. Как она вчера умудрилась не увидеть это совершенство?

Большую часть площади стен – от пола и до высоты человеческого роста, даже, пожалуй, чуть выше – заполняли фрески. Красивые и необычно реалистичные. Леа никогда такого не видела. Сюжета не обнаружила, просто люди – мужчины, женщины всех

возрастов, от молодых до стариков, в нарядах разных эпох – смотрели на проходящих по коридору. Кто-то в анфас, кто-то в профиль, некоторые закрывались веерами, другие – масками или забралом. В основном же лица были открытыми и, что удивительно, не искусственными, как в храмах, а очень живыми. Встречались и красивые, и неприятные, и обычные или с какой-то характерной особенностью вроде родинки или шрама.

В какой-то момент Леа стало казаться, что изображенные на фресках реальны и смотрят на нее, наблюдают как за актрисой или каким экзотическим животным в зверинце. Стало неудобно и даже страшно.

Пытаясь преодолеть это неприятное ощущение, девушка сделала осторожный шаг к стене. Ей почудилось, что все персонажи с фресок проследили взглядом за ее маневром и теперь осуждают. Тем не менее она протянула руку и робко коснулась поверхности стены. Холодная...

Стало полегче: живые не бывают такой температуры. Осознав эту мысль, Леа укорила себя за мнительность и провела ладонью по стене. Пальцы коснулись рукава одной из изображенных женщин. Простое лицо, с румянцем, пухлыми губами и тревожными глазами. Одета скромно. Совсем не так, как ее соседка. Вот у той наряд отличался особой роскошью – синий бархат с жемчугами, перо на вычурной шляпке. А сколько украшений! Вот такой браслетик Леа не прочь была бы примерить... Проклятье, ей кажется или здесь стена теплее?! Как будто она и правда коснулась чьей-то одежды?

Девушка, сама ужасаясь собственным мыслям, перевела взгляд на лицо дамы в синем бархате. Та смотрела прямо на нее и предвкушающе, зло улыбалась. Леа отпрыгнула назад быстрее, чем кролик, и налетела на кого-то. Вскрикнув, она скакнула в другую сторону, одновременно разворачиваясь, готовая сопротивляться до последнего.

– Прошу прощения, если напугал, – Анталь с едва заметной иронией наклонил голову и веско добавил: – Леа.

Той же казалось – сердце выскочит из груди. «Хорошо хоть декольте неглубокое, ловить по полу не придется», – мысль насмешила и помогла немного успокоиться.

– Анталь! – через силу засмеялась девушка. – Вы тоже здесь? Я вас не слышала.

– В самом деле? – поднял он брови. – Я что-то такое и подумал. Вы очень увлеченно рассматривали фрески. – Юноша перевел взгляд на стену, явно любясь. – Впечатляет, не правда ли?

Леанора с трудом сглотнула.

– Я... сказала бы, что пугает.

– В самом деле? – покосился на нее Анталь. Потом снова посмотрел на стену. – Хотя, возможно, вы и правы. Наверное, дело в том, что фигуры изображены в человеческий рост – не больше, не меньше.

На это Леа только сейчас обратила внимание.

– Наверное, – кивнула она, потихоньку успокаиваясь. – Очень реалистичные изображения.

– Да, фрески весьма искусны, – согласился Анталь и протянул руку к нарисованному высокому брюнету в костюме прошлого века справа от дамы в синем. Леа замерла в ужасе. Но юноша спокойно поводил кончиками пальцев по рисунку где-то уровне груди и локтя. – Да, удивительная работа. Пожалуй, даже слишком хорошая для того, чтобы быть ровесницей замка.

– Что вы имеете в виду?

– Похоже на новодел.

– Максимум сто-сто двадцать лет, – глубокий, очень мужской голос был незнаком, и Леа в который раз за сегодняшнее утро вздрогнула.

Глава 8

Как оказалось, говорил молодой человек, которого она видела вчера на лестнице, – брюнет с демоническим лицом.

– Судя по манере живописи. Позвольте представиться. Матьяш Варга. Еду в Окатавскую Магическую Академию.

В ответ Антадь назвал их с Леа имена. Девушка сделала книксен.

– Разбираетесь в искусствах? – спросил Ференц после положенных по случаю знакомства слов.

– Немного. – Матьяш подошел ближе, уставившись на рыжеволосого мужчину, изображенного рядом с тем высоким брюнетом, которого рассматривал Антадь. – Такая реалистичная манера появилась только в прошлом веке.

– А как же Корнэль Галл? – сама не ожидая от себя, спросила девушка. – По-моему, вполне похоже на его работы.

– Корнэль Галл, – поморщившись, ответил Матьяш, – гений, каковых единицы. Здесь оба этажа в этих фресках, вряд ли у них нашлось столько гениев, да еще во времена, когда этот замок строился. Тогда все больше об обороне думали, а не об искусстве.

– Предлагаю узнать у хозяев, – примирительно улыбнулся Антадь. – К тому же время завтрака уже подходит, – и предложил локоть Леа.

Девушка с радостью ухватила за него, потому что Матьяш все еще пугал ее. Ференц тем временем поверх ее головы насмешливо улыбнулся ему и будто невзначай бросил:

– А этот рыжий мужчина на фреске весьма похож на вашего друга, не так ли? Этьен, кажется, так его зовут?

Матьяш вновь поморщился.

– Да, Этьен Плеймонд. Мы не столько друзья, сколько соседи.

Все трое направились к лестнице. Леа оказалась между мужчинами, что ее не особо обрадовало.

– Очень приятный молодой человек. Мы вчера немного пообщались, – пояснил Антадь девушке и снова посмотрел на нового знакомого. – Вам повезло. У нашей семьи в соседях или сплошь

унылые зануды, или совершенно отвратительные типы. А Этьен производит наименее приятное впечатление.

– Вот именно, производит, – буркнул Варга. – В смысле да, он умеет показать себя с хорошей стороны.

– Важное умение, не правда ли? – с совершенно непонятым выражением лица заметил баронет.

Леа начала подозревать, что упускает что-то важное. По крайней мере, злость Матьяша она ощущала почти физически.

– И кстати, Сандору он тоже понравился.

– Кому? – одновременно спросили собеседники.

– Виконту Александру Чарду. Он сказал, что вы тоже уже познакомились. О, кстати, а вот и он, – юноша кивнул куда-то вперед, и Леа заметила у самого верха лестницы еще одного молодого человека.

Им оказался вчерашний блондин, показавшийся девушке излишне миловидным. Сейчас она не поменяла своего мнения, разве что в этот раз отметив великолепную осанку и изящный поворот головы. «Будто позирует для портрета», – мысленно хихикала Леа, пока длился неизбежный ритуал знакомства, в который, как брошенное умелой рукой копье, врезалась Шарли, как всегда веселая, активная и полная идей. Все вновь закрутилось вокруг нее.

Леанора на миг отвлеклась, заглядевшись на ближайшие к лестнице фрески. Закованные в броню рыцари отважно охраняли коридор и вели себя как положено благопристойному рисунку, а вот лохматый бард в зеленом, притулившийся со своей лютней рядом, самым наипохабнейшим образом подмигнул девушке. Она вздрогнула, не сразу сообразив, что это игра света и тени.

Ее дерганье заметил Анталь и, как ни странно, стоящий с другой стороны Сандор. Правда, этот ограничился лишь вопросительным взглядом.

– Вас что-то беспокоит, Леа? – вежливо уточнил причину ее телодвижений первый.

– Нет... В смысле да. Я порой, эм, весьма впечатлительна. Мне кажется, что изображенные на фресках, – девушка поколебалась, озвучивать ли свои видения, и не стала вдаваться в подробности, – смотрят на меня.

– О, это известный эффект. Есть такие мастера, – охотно начал рассказывать Матьяш. – Суть этого фокуса в том, что на самом деле взгляд персонажа направлен просто перед собой. И разумеется, художник должен нарисовать так, чтобы человек на картине казался не плоским, а объемным. И вот когда эти два фактора сочетаются, то кажется, что даже при перемещении зрителя нарисованный персонаж всегда смотрит на него. Причем если в комнате находятся несколько человек, это ощущение будет у каждого. Тот, кто создавал эти фрески, весьма постарался, я считаю. Практически каждый изображенный выписан с этим эффектом. Даже меня оторопь берет.

«Это он тебе еще не подмигивал», – мысленно проворчала Леа.

Компания шумной толпой отправилась на поиски столовой, которые, впрочем, не затянулись: слуги проводили прямо до нее. Около самых дверей они встретили Клариссу. Выглядела она неплохо. Более того, активно препиралась с рыжеволосым юношей. «Этьен Плеймонд, – вспомнила Леа. – Его зовут Этьен Плеймонд. Сосед, но не друг Матьяша».

– Не поддавайтесь его обаянию, виконтесса, – сразу после приветствия заявил тот, кивая на рыжего. – Он четвертый сын у своего отца. Да и уровень магии оставляет желать лучшего.

Сказано было приятельским, подначивающим тоном, но Этьен вспыхнул весь: даже уши покраснели.

– Матьяш! – возмутился он. – Вечно ты все вывернешь! Мы просто общались!

Но взгляд, который юноша бросил на Клариссу, выдал его с головой.

– Мы с милым Этьеном, – та улыбнулась вполне дружелюбно, – путешествовали вместе на корабле. Видели удивительно красивые места.

Матьяш тем временем предложил ей локоть, как совсем недавно Анталя – Леаноре, и повел ее в столовую, увлеченно слушая рассказ девушки.

Этьен понуро поплелся следом.

«Да-а, они явно переоценивают наш голод, – подумала Леанора, оглядывая многочисленные яства, которых никак не ожидаешь на

завтрак, например, жареную утку или фаршированные перцы. – Хотя... – судя по взглядам молодых людей, они явно одобряли такой подход. – Натан тоже вечно голодный, сколько ты его ни корми».

Столовую оформили в классическом стиле: дубовые прямоугольные панели, огромный камин, в котором можно зажарить кабана, гобелены с охотой на стенах, тяжелые люстры, а в самом конце большой гонг, которым раньше созывали на трапезу.

Во главе стола из темного дерева сидел, а сейчас уже поднялся худой, несколько даже болезненный мужчина старше гостей лет на десять. Темные волосы, неприятно неправильные, но при этом тонкие черты на бледном лице создавали образ дворянина, но не избалованного и пресыщенного, а честно служащего на своем месте.

Мужчина представился Джаносом Хэри.

– Замок принадлежит моему дяде по отцу, но он предпочитает нашим краям столицу, что и понятно, – через силу улыбался он и, убедившись, что дамы сели, опустился на стул и сам. – Я же занимаю в замке Сольгер пост управляющего, чем и обязан радости знакомства с будущей магической элитой страны. Прошу вас, располагайтесь, как вам удобнее, и угощайтесь. Если будут какие-то особые пожелания, обращайтесь к слугам, они будут рады помочь вам.

Судя по длине стола, его создавали для многочисленных пиров, однако сейчас накрыли всего несколько мест. После того как все уселись, обнаружилось, что два прибора лишние.

– Мы ждем еще пару гостей. Они прибыли под утро и, возможно, решили обойтись без совместного завтрака.

Присутствующие принялись за еду, кроме Сандора, который посмотрел на управляющего и произнес:

– Лаор^[8] Хэри, – голос у него оказался приятный, явно поставленный, – мы искренне благодарны вам за гостеприимство. Оно поражает воображение, как и сам замок. Хотел бы я, чтобы у нас было побольше времени, чтобы его осмотреть. Даже жаль, что мы должны в скором времени вас покинуть.

И он потянулся к бокалу с малинового цвета жидкостью. Вина на завтраке не подавали, так что, скорее всего, какой-то морс.

– У вас будет такая возможность, – небрежно обронил Джанос. – Видите ли, вчерашний дождь мало того, что не унялся, так еще и

размыл мост через Липель, и, увы, пока его не восстановят, надежной переправы к академии нет.

Девушки переглянулись. У Леаноры появилось неприятное чувство захлопывающейся ловушки.

– Вот как? – неприятно удивился Сандор. – Я слышал, этот мост – одно из самых древних сооружений в своем роде и незыблем до сих пор. Как сказал бы мой батюшка, умели раньше строить. Так что же случилось?

– Наш мост действительно один из древнейших, – ответил улыбкой управляющий. – Монументальное сооружение, гениальное в инженерном плане. Все это заставляет нас относиться необычайно внимательно к его состоянию. К сожалению, время беспощадно, а Липель только кажется смирной. Регулярно эти двое пробуют на прочность то одну опору моста, то другую, и небольшой ремонт становится неизбежен, в первую очередь для того, чтобы он не стал большим. Не волнуйтесь, день-два, и дорога снова станет проходимой.

Леа вдруг подумала, что можно было бы отправить Ганса проверить, что там на самом деле с мостом. Но за окном по-прежнему хлестал дождь, а тело еще ныло после поездки в карете. Кстати...

– После вашего рассказа, – подхватила она эстафету улыбок, – я уже хочу увидеть этот знаменитый мост. На меня и дорога сюда произвела немалое впечатление. Мы так быстро ехали... Мне даже показалось, что лошади чего-то испугались. У вас водятся опасные хищники?

– Опасные хищники, – ответил Джанос Хэри, – водятся везде. Но мы с соседями регулярно прореживаем их поголовье. Охота в здешних землях весьма популярное развлечение. Но скорее всего, возникшие подхлестнули коней, чтобы добраться до замка побыстрее. Глупые предрассудки...

– Предрассудки?

– Да, ерунда всякая, в которые верят необразованные люди, – поморщился управляющий.

Леа постеснялась дальше расспрашивать, а разговор поддержала уже Шарли:

– Сольгер просто потрясающий. Никогда не видела столько фресок. Даже в храмах!

Послышались разнообразные поддакивания. Леанора заметила, что Сандор и Анталь куда больше внимания уделяют разговору, чем еде. Этьен почти не замечал ни яств, ни беседы, не отрывая взгляда от Клариссы. Та старательно его не замечала. Матьяш отчего-то злился. С такой внешностью, как у него, даже малейшее недовольство выглядело зловеще.

– Фрески – это то, чем так знаменит Сольгер! – раздулся от гордости управляющий.

Леа не поняла, почему лица Сандора и Анталя стали такими насмешливыми, однако в следующей фразе получила объяснение:

– А разве не тем, что его построил Ольв Вельгарда?

Глава 9

Этот новый голос звучал громко, даже визгливо и откровенно провоцирующе. Впрочем, вряд ли многие обратили внимание на него: все оно досталось прозвучавшему вопросу, который будто водой окатил присутствующих.

Ольв Вельгарда, куда чаще просто Вельгарда, ибо богов и чудовищ не называют по имени-фамилии. Если про Лунного Короля и Лунную Королеву лишь ходили легенды, что они порой спускаются на землю и, принимая облик обычных людей, общаются с ними, то Вельгарда действительно жил как человек. А вот кем умер – это уже вопрос. Как и то, умер ли вообще. Впрочем, по порядку, то бишь от сотворения мира. В самом буквальном смысле этого выражения.

Жрецы и философские трактаты повествуют о зарождении вселенной так: когда-то не было ничего. Вечное Ничто. Но в нем зародился тот, чьим единственным чувством была ярость. Всепоглощающая, невыносимая ярость, которая заставила его, Тханна, вырвать себя из этого ничто, раздирая его плоть. Но этого ему оказалось мало, и он принялся крушить изначальное тело мира. Осколки летели во все стороны и, отделенные от общего ничто, становились чем-то. Так Тханн отделил твердь от воздуха, живое от неживого, тьму от света. Однако ничто не могло унять его ярость. Он продолжил бы крушить все вокруг, пока не остались бы мельчайшие частицы, ставшие бы новым Ничто. Но все в мире стремится к гармонии. И в противовес Тханну Разрушителю появился Ийер Защитник, и они вступили в борьбу. Ийеру удалось спасти несколько миров и запереть Тханна в самом дальнем уголке вселенной.

Ийер хотел сберечь новорожденную вселенную, но понимал, что его сила слишком велика и погубит ее так же, как мощь Тханна. Тогда Ийер разделил себя на несколько частей, которые стали старшими богами и приняли на себя заботу о мирах, каждый о своем. Новые божества создали себе помощников, обзавелись детьми, в том числе и от людей. Так все и шло долгие тысячелетия, пока однажды в Летних землях не родился Ольв Вельгарда.

Происходил он из небогатой семьи, однако благодаря своему уму, изворотливости, невероятной магической силе и хитрости уже к тридцати годам стал главным военачальником Летнего князя. Солдаты обожали Вельгарду. Нашел он и верных соратников, в том числе и Эста Ньяля. Но власть пьянит, и однажды возжелал Вельгарда куда большего, чем может получить человек, даже искусный маг. Он захотел стать главным, причем не в Летних землях или в королевстве, а во всем мире – заменить собой старшего бога. Для этого он воззвал к Тханну, и тот откликнулся. Пообещал ему силу взамен на жертв, которые должны были освободить Разрушителя. Вельгарда согласился. Соратники его тоже не остались бы без награды. Но не все поддались на посулы. Эста Ньяль пытался отговорить зарвавшегося друга от этой затеи, а когда понял, что не преуспее, поднял против него восстание и в результате долгого противостояния убил величайшего мага своего времени.

Эта война погубила множество людей, раздробила единую страну на множество мелких осколков, которые Ньялю с соратниками пришлось долго собирать. Однако это пережили бы, но оказалось, что часть силы Тханна Вельгарда уже получил. Она не помогла ему выжить, но помогла возродиться. С ужасом обнаружил уже немолодой Ньяль душу своего бывшего друга в теле юноши, искусного не по годам мага. Тогда Эста попытался спасти его, направить на правильный путь, не дать коварным идеям закрепиться в юном сознании.

Не вышло. Через какое-то время Вельгарда вспомнил себя прежнего и опять начал свою борьбу. Ньялю вновь пришлось его убить. Прошло какое-то время, и древний маг снова возродился в другом человеке. И все повторилось. И продолжает повторяться до сих пор. Конечно, Ньяль давно умер, но он создал орден защитников, которые могут бороться и, самое главное, находить Вельгарду до того, как он вступил в силу. Пусть и не всегда им это удастся вовремя. История знала немало случаев, когда тому удавалось дожить до весьма приличных лет, но никогда он не оставался равнодушен к коварному шепоту Тханна, который за годы заточения накопил еще больше ярости. Леа даже слышала версию, что Эста Ньяль в свою очередь обратился к Лунному Королю и Лунной Королеве, чтобы те дали ему возможность возрождаться, дабы противостоять этой угрозе.

Для девушки эта история всегда казалась далеким от нее мифам, аллегорией вечного противостояния добра и зла, созидания и разрушения. И что же теперь получается... место, где она находится, прекрасный замок Сольгер, построил сам Вельгарда? Чудовище в человеческом облики?

Поддавшись моменту, Леа замороженно замерла, но взор невольно скользнул по сотрапезникам. Она понимала, что все присутствующие так же вспоминают эту историю. И если на лицах Этьена, Матьяша, Клариссы отразились сходные чувства, то Шарли, Анталь и Сандор явно смотрели с иронией. Именно ирония в их взглядах подтолкнула к дальнейшему размышлению.

Да, в гимназии на уроках по религиозному воспитанию излагали именно так, однако Леанора отлично помнила, как на ее пересказ урока, поразившего юное создание до глубины души, отец только хмыкнул. Потом даже пояснил: «Мракобесие! Очень выгодное ньяльцам, – так называли Орден Защитников имени Эста Ньяля. – Много силы набрали!» Девочка не совсем поняла, о чем речь, и барон разразился весьма эмоциональной речью о различных злоупотреблениях этого Ордена. Леа почему-то больше всего запомнила его фразу: «Вот так всю жизнь работаешь в поте лица, наживаешь добро, связи, а вот о-па – а ты, оказывается, воплощение Вельгарды, подлежишь уничтожению, и все твоё имущество конфискуется в пользу Ордена. А кто попытается вступить или хотя бы уточнить на предмет доказательств, мигом становится пособником. С теми же последствиями. Никто не застрахован!»

Леа тогда долго думала, и, очевидно, не только в доме барона Орманди высказывали подобные мысли, поскольку вопрос про Вельгарду прозвучал на уроке истории. Преподавателя по ней в гимназии любили за тихий мягкий голос, спокойные рассуждения и понятный язык. Мужчина часто пояснял то, что на других уроках спрашивать боялись, в том числе и о религии.

Надо сказать, что этот интерес юных пытливых умов поставил учителя в щекотливое положение. Ему пришлось виртуозно лавировать между официальной версией и фактами.

Теплый дневной свет лился в окна, в классе застыла тишина. Преподаватель через стекло смотрел на красивый, ухоженный сад

гимназии и думал, как противоречива жизнь: юные прелестные девушки в скромных платьях, аккуратные парты, солнечные лучи, вылизанный парк снаружи и вопрос, за которым скрывается полная грязи и боли история. А ведь все эти милые девочки – дочери дворян и аристократов. Кто гарантирует, что сказанное им не передадут не тому человеку? Да и что рассказать этим очаровательным созданиям? Кровавую правду о предательствах, подлости и обмане? О том, как не хватало земли, чтобы хоронить, и почерневших от боли душах? Но имел ли он право молчать? Именно потому, что эти девушки скоро прямо или подспудно будут влиять на историю, которую ему потом рассказывать уже их дочерям? Если, конечно, его длинный язык не погубит его раньше.

– Если сомневаетесь в трактовке событий, то всегда надо подумать, все ли однозначно в этой истории, – осторожно начал преподаватель. – Какова версия второй стороны и какие существуют доказательства у обеих?

Девочки переглянулись. Настолько хорошо историю они еще не знали. И мужчина начал рассказывать:

– Давайте разберем, что мы знаем точно. Первое – на призыв Вельгарды откликнулось множество молодых магов. Множество – это значит практически из каждой семьи, в которой текла колдовская кровь. И, – он обвел тяжелым взглядом притихший класс, – они все погибли при весьма странных обстоятельствах.

Учитель переждал ожидаемый шелест вздохов, охов и восклицаний, ведь среди присутствующих большинство обладали магией.

– Это неоспоримый факт. Однако есть и другой факт. Ритуал такого уровня, про который нам рассказывают, должен был оставить следы. После подвига женщин Натъяра у «Ромашковой луговины» осталось целых три орны выжженной земли. Три орны!!! А ведь тех женщин было куда меньше – всего семьдесят человек.

...Цветущий луг, запах разнотравья, едва ощутимый ветер с привкусом летнего зноя и старого леса, что за рекой. Позади – последнее несожженное поместье, из которого всем этим старикам, детям, больным уже некуда бежать, впереди – войско, которое пришло мстить за поражения семьям тех, кто резал их братьев и отцов. А

между — семь десятков женщин, молодых, здоровых, сильных, у каждой минимум по два ребенка и еще несколько в мечтах. Плоть от плоти этой земли. Кровь от крови местных родов.

Миг тишины, разбавленной стрекотом сверчков. Чужие воины все ближе. Дальше их пустить нельзя.

— Пора, сестры.

Одна ладонь сцепляется с другой и так по всей шеренге.

О чем думают воины неспешно подходящей армии? Как эти женщины будут тщетно вымаливать жизни своих детей и матерей? Или кто-то из них догадался?

Нет, этого ритуала не описывали в книгах. Такие слова бумаге не доверяют.

Ветер становится сильнее, треплет волосы женщин, гнет травы, несет вперед древние фразы. От реки или, может, из леса начинает тянуть холодом. И почему-то перестает быть смешно и весело.

Первыми срываются в панику лошади. Поднимаются на дыбы, рвут удила. Потом понимает какой-то маг.

— Стоять! Стоять! Остановитесь! Назад!

Но армия не может испугаться семидесяти безоружных женщин.

Ветер все усиливается. И в полдень наступает тьма. Она полна криков, стонов, ржания, лязга оружия, взрывающихся заклинаний, проклятий. Но когда день возвращается, возвращается и тишина. И лишь где-то в поместье плачет младенец, которого никто не унимает.

Армии больше нет. И семидесяти женщин, вышедших ей навстречу и пожертвовавших душой, тоже нет. А земля выжжена на три орны вокруг.

На ней до сих пор ничего не растет...

— Погибших молодых магов, — продолжает преподаватель после паузы. Она всегда возникает при неожиданном упоминании тех событий. Ведь почти у каждой из этой девочек кто-то из родственников был в том поместье, куда бежали жители из окрестных имений, неожиданно оказавшиеся перед лицом вражеской армии, — тех, кого призвал Вельгарда, было более шестисот человек, только из известных. Ритуал, их поглотивший, должен был оставить преогромнейший след. Но его нет.

Девочки начали переглядываться, думать. Почти все имели те или иные познания в магии, и учитель заговорил за секунду раньше, чем они озвучили предположения.

– Разумеется, все решили, что сила ушла Тханну. Ни опровергнуть это, ни доказать невозможно. Это два. Есть и третий факт. После убийства Вельгарды Эста Ньяль, по сути, стал во главе Летних земель. Конечно, он спасал княжество от последствий страшной войны, но реальность такова: после победы над Вельгардой все ключевые посты заняли Ньяль и его соратники.

Летним князем Эста стать не мог. Древние артефакты его не приняли бы. И если символы власти – венец и булаву – можно подделать, а вот то, что Яблоневого Храма не пускает внутрь, не скроешь. Да, это всего лишь портик, просвечивающийся насквозь. Белый, почти прозрачный мрамор, полный воздуха и света, вокруг яблони особого – «княжеского» – сорта. Но войти может только князь крови. Даже пыль и листья не проникают сквозь защиту. Вошедшего в Храм князя видно всем, но никто не может к нему приблизиться.

Вот и Ньяль не смог войти в Яблоневый Храм.

– А потом Ньяль перебрался ближе к королю и стал заниматься укреплением Ланьбергского королевства, ибо во время войны и всех этих распрей в четырех княжествах – Летнем, Весеннем, Зимнем и Осеннем – опять заговорили о независимости от внешне весьма искусственного объединения. Но, как нам известно, Ланьберг стоит и процветает до сих пор, в том числе и благодаря усилиям Эсты Ньяля и его людей.

Класс приходил в себя, девочки перешептывались, а их спокойный и рассудительный учитель тихо и очень веско подытожил:

– Во все времена для молодых поколений характерно ставить под сомнение то, что являлось основой для предшественников. Это нормально, иначе человечество не двигалось бы вперед. Однако какие сомнения не обуревали бы ваши души, помните, что осуждать легче, чем делать, но именно дела имеют значение. Не идеи, не желания, не намерения – в итоге остается только результат. А результат – это всегда труд, дела, усилия, ежедневная работа или кровь, пролитая в бою. И это достойно уважения. Наше государство, свободный и прекрасный Ланьберг, выстоял, сохранил свои земли и независимость, тогда как его сверстники давно канули во тьму небытия. И в том, что Ланьберг

живет и процветает, — заслуга многих и многих людей. И няльцев, и Вельгарды в том числе.

Глава 10

– В самом деле? – с интересом переспросил Сандор, возвращая Леа в настоящее. – Сольгер действительно построил Ольв Вельгарда?

– Сольгер какое-то время принадлежал Вельгарде, вернее, одному из его перерождений, – неохотно ответил Джанос. – Нет никаких данных, что он принимал участие в его строительстве или что жил здесь достаточно долго.

С интересом Леа слушала ответ, а сама пока изучала опоздавших. Вопрос задала девушка – высокая, худая, с черными прямыми волосами, собранными в какую-то экстравагантную прическу, признаться, далекую от гармонии. Нос с горбинкой, большие темно-карие глаза чуть на выкате, длинная шея, черные одежды – да, гостья впечатляла, хоть и не вызывала приязни. Хотя смотря у кого: молодые люди и даже управляющий разглядывали девушку с немалым интересом.

Ее спутник внешне походил на нее, однако черты его были мягче, округлее, без острых углов, характерных для Марики Дерех, как ее представили. Юношу звали Гараи Дерех, и он приходился ей братом. Вел юноша себя совсем иначе, чем сестра.

Вот и в ответ на высказывание управляющего девушка насмешливо хмыкнула, а он извиняюще улыбнулся.

– Мы рады, что вы присоединились к нам, ла-орита и лаор Дерех, – профессионально не замечая отношения опоздавшей Марики, произнес Джанос.

«В самом деле?» – одними губами произнесла Шарли, повернув голову к Леа. Та еле сдержала смех.

– Присаживайтесь, – тем временем кивнул слугам управляющий, и те отодвинули стулья для гостей. Дерехи уселись, но Марика не собиралась отступать от темы, явно немало ее волнующей:

– А верно ли, лаор Хэри, что ваше семейство получило замок и окружающие его немалые земли после конфискации их у якобы возродившегося Вельгарды? Конфискации, – она выделила это слово, – после его смерти, разумеется.

Ее тон был откровенно оскорбительным. Гараи невольно закатил глаза, виновато посмотрел на управляющего и попытался заткнуть сестру, предложив ей мягчайшие рогалики из слоеного теста. Марика схватила один из них и с такой экспрессией взялась за нож, что присутствующие невольно порадовались тому, что его кончик закруглен.

– Именно так и произошло, – бесстрастно кивнул управляющий. – Моя семья принимала не самое последнее участие в борьбе с этим воплощением Вельгарды, что было оценено по достоинству. Учащиеся, в том числе и будущие, Окатавской Магической Академии всегда весьма равнодушно относятся к этой истории. Поэтому, думаю, вам будет особенно интересна хранящаяся в Сольгере реликвия тех времен.

– Реликвия? – оживились все.

– Да, браслет самого Вельгарды. Причем не возродившегося, а именно того, кто с рождения носил это имя.

На миг потрясенное молчание сковало зал, а потом Шарли выронила бокал, который взяла в руку за мгновение до этого сообщения. Слуги тут же засуетились, но остальные, кажется, и не обратили на звон хрусталя ни малейшего внимания.

– А можно будет его увидеть? – робко спросила Кларисса.

– Разумеется, – после театральной паузы ответил Джанос. – Если захотите, то сразу после завтрака и сходим.

Стоит ли говорить, что завтракать закончили в рекордные сроки?

На выходе Шарли потянула Леанору за локоть, заставляя притормозить.

– А ты знаешь, – заговорщическим шепотом спросила виконтесса у подруги, – что за жертву хотел принести Вельгарда?

– Ну... это... людскую, – неожиданно оробела Леа. – Молодых магов.

– Молодых магов. В основном из старой знати.

Таковой называли дворян, ведущих свой род с появления Летнего княжества, а не получивших дворянство в награду от королей. Например, мама Леаноры, Силвэйн Орманди, в девичестве Варади, происходила именно из старой знати, а вот отец – нет. Однако сейчас

роды слишком перемешались, и в предках почти любого дворянина есть хоть капля старой крови.

– Ты намекаешь... – Леанора не смогла озвучить свою догадку, с ужасом глядя на подругу.

– Я – нет, – тут же решительно отказалась Шарли. Выдержала театральную паузу, улыбнулась обернувшемуся к ним Сандору и еще тише добавила: – А вот ситуация...

Молодые гости шли по залам и коридорам старинного замка, с интересом разглядывая интерьеры. Однако чем дальше, тем больше понимали, что практически все комнаты переделаны совсем недавно: слишком много резного дерева, картин и удобной мебели. В тех же помещениях, которые остались нетронутыми со старинных времен, все выглядело куда суровее: или камень, или доски на полу (никакого паркета!), рыцарские доспехи разных эпох по углам, тяжелые практичные стулья, столы, сундуки и, разумеется, фрески. Здесь их оказалось меньше, чем на втором этаже. Если там, в пустых коридорах, создавалось ощущение толпы, то тут на проходящих мимо гостей поглядывали отдельно или попарно стоящие фигуры.

– Мы так и не узнали про фрески, – напомнил Сандор, сняв это замечание буквально с языка остальных. – Невероятно интересное интерьерное решение.

Джанос заметно поморщился.

– Это условие завещания самого первого владельца Сольгера.

– Вельгарды? – разумеется, не промолчала Марика.

– Конрада Сзекереса, – ответил управляющий.

– Это имя нового воплощения Вельгарды? – не унималась та.

– Это имя его отца, – так же ровно удовлетворил ее любопытство Джанос. – Вельгарда в тот раз родился под именем Лука.

Произнесено это было таким образом, что в голове у слушателей невольно возник вопрос: «А под каким именем он родился в этот раз?» Леа принялась судорожно вспоминать, есть ли какая-то закономерность возродений Вельгарды, но поняла, что никогда о таком не слышала. Скрывали, или оной нет?

– Так что за условие? – вернул их к первоначальному вопросу Сандор.

– Изображать всех более-менее долго живущих в замке людей, – с деланным равнодушием ответил Джанос. – Или просто выдающихся гостей, какое-то время гостящих в Сольгере. Например, если вы, виконт, станете великим героем или архимагом и проживете в замке хотя бы несколько месяцев, его стены украсятся фреской с вашим обликом.

У Сандора сразу стало такое лицо, что все мигом поняли, как борются в нем желание стать великим и опасение заполучить этакий сомнительный подарок.

– Значит, надо постараться не застревать здесь надолго, – весело отозвался Матьяш.

Разрозненные смешки показали, что эта мысль возникла у многих.

– Отчего же? Вам не по нраву наше гостеприимство?

– Что вы... Просто жутковато, признаться.

«Тебе-то что бояться? – подумала Леа. – Ты же себя в зеркало каждый день видишь». Девушка тут же устыдилась, не такой уж, в конце концов, он и демонический. Вполне даже симпатичный. Просто у нее какие-то не те ассоциации.

– Какое странное условие, – заметила Шарли.

Джанос пожал плечами, потом все же ответил:

– Конрад Сзекерес слыл известным чудаком, да и к искусству питал немалую слабость. Особенно к фресковой живописи.

«Конрад ли?» – подумала Леа.

– Хорошо, хоть не к скульптуре, – усмехнулся Сандор, и все тут же представили заставленные статуями коридоры и синхронно передернули плечами.

– Стиль, – вдруг произнесла Кларисса, – очень... реалистичный.

– Это тоже прописано в завещании.

– Удивительно, – выразила общее впечатление Шарли.

– Меня больше удивляет, что условия завещания выполняются, – заметил давно молчащий Анталъ. – Не поймите меня превратно, лаор Хэри, но ваш род получил эти владения не в наследство.

– Конфискация! – громко прошептала Марика и получила от брата шипение в ответ.

– Да, прямая линия наследования прервалась, – кивнул Джанос. – Но мы уважаем волю первого владельца Сольгера.

– Возможно, имеет место магическая печать? – тонко улыбнулся Анталь и, судя по дернувшейся щеке Джаноса, угадал. Иногда составители завещаний не доверяли доброй воле потомков, способных найти лазейки в законах и не выполнить одно из условий, и нанимали магов, которые накладывали на имущество – как правило, недвижимость – особые заклинания, способные немало навредить нарушителям воли усопших.

– Сольгер – место с собственной удивительной магией, – управляющий явно подбирал слова. – Такие места – это сокровище Летних земель, беречь которое – великая честь, и мы всегда с огромнейшим уважением относились и к самому замку, и к воле Конрада Сзекереса.

– Однако владелец Сольгера не живет здесь? – с самым что ни на есть дружелюбным выражением лица продолжил расспросы Анталь.

– Мой дядя, маркиз Ритерский, предпочитает службу при дворе.

– В гвардии или при чиновничьем корпусе? – заинтересовался Сандор, однако в этот момент они подошли к очередным дверям, на этот раз закрытым. Возможно, чтобы гости оценили удивительную резьбу по темному дереву, и Джанос, откашлявшись, торжественно произнес:

– Сейчас мы с вами окажемся в сердце Сольгера, самом красивом и торжественном его зале, наполненном магией и чарующим удивительной работой древних мастеров...

Леа потеряла нить его речи уже на этой фразе, а мужчина говорил немало. Что ж, пробудить любопытство ему удалось. Когда гости разве что не били копытами от нетерпения, двери наконец открылись.

Глава 11

Зал оказался огромен. Никаких ковров, гобеленов или картин в нем не обнаружилось, но молодые люди ахнули от восторга. Причина его – резьба по камню, поднимающаяся от черных гранитных плит пола до сводчатых потолков, таких высоких, что приходилось щуриться, чтобы их рассмотреть. В этот раз ни о какой реалистичности говорить не приходилось. Со стен на зрителей скалились всевозможные чудовища и химеры, как существующие, так и придуманные богатым воображением мастеров. Создали этот шедевр явно несколько веков назад, когда подобные мотивы звучали везде – от книжного оформления до росписи храмов. Грубовато выполненные, порой до полной невозможности опознать, что за зверь подразумевался, существа причудливо перемежались со столь же странными растениями и непонятными знаками. Впечатление усугублялось еще и тем, что мастера того времени не любили отделять одно изображение от другого: крылатый лев мог запросто перетечь в цветок василька огромных размеров, а какая-нибудь фантастическая птица оказывалась частью чертополоха. Разглядывать подобную причудливость хотелось бесконечно, гадая, что имели в виду создатели и не заключена ли в этом какая-либо магия.

Кстати, в зале имелись высокие окна, что ставило под сомнение, что замок вообще собирались когда-нибудь использовать для обороны. Или их пробили уже когда надобность в его защитной функции отпала? Впрочем, возможно, тут были какие-то свои резоны: позже выяснилось, что данная стена возвышалась над пропастью. Эта сторона холма была практически отвесной.

Потрясенные молодые люди с самыми ошарашенными лицами осматривали стены, чувствуя, что хоровод чудовищ и химер кружит голову сотнями идей и образов, но, как оказалось, на этом сюрпризы не закончились. Убедившись, что гости в достаточной степени поражены, управляющий предложил им пройти к дальнему краю зала. Когда будущие маги оказались шагах в шести от него, слуги потянули тяжелые портьеры, и глазам молодых людей предстал огромный витраж. Цветное стекло пронизывал свет, тут же заиграв множеством

бликов на мордах чудовищ. Из-за этого зрители не сразу смогли разобрать сюжет.

Никаких великих подвигов или религиозных мотивов, нет, изображение было светским, в некоторой степени даже бытовым, если можно таким назвать изображение празднества. Девять фигур в маскарадных костюмах смотрели стеклянными цветными глазами на гостей, будто оценивая.

Брюнет в наряде демона – бордовом камзоле с наростами в виде шипов, таком же плаще и красной маске – глядел на девушку с огненно-рыжими волосами в национальном наряде анцытов – загадочного кочевого племени, испокон веков промышляющего гаданием пополам с шарлатанством, цирковыми представлениями и воровством. Почти морковный цвет их волос особенно вызывающе смотрелся на фоне красно-черных одежд и золотых монист.

Руку прекрасной анцытки подносил к губам сереброволосый остроухий куури. Этот народ можно смело считать еще загадочнее хотя бы потому, что он не был человеческим. Куури называли себя Дети Луны, в отличие от людей – Детей Солнца. В разное время бытовали разные теории происхождения этой расы. Самая популярная: куури – дети Лунного Короля или Лунной Королевы. Никаких доказательств, только сходство названий.

Куда страшнее для истории оказалась версия, что куури созданы не богами, а родились из осколков той материи, которую рвал Тханн в своей ярости, и по сути демоны, воплощенная тьма, которая легко в человеческих умах превращалась в зло. Тогда-то и начались гонения на куури. Дети Луны никогда не отличались воинскими достоинствами. Они – мастера: кузнецы, ткачи, портные, сапожники, ювелиры, артефакторы, строители. Вещи, которые они создавали, всегда удивляли людей, ведь в их основе лежала совершенно другая логика. Человеческие ремесленники, как правило, создавали предметы, которые мог использовать любой. Какой смысл делать стул, на котором может сидеть только кто-то один? Куури же шли от обратного. Если продолжить аналогию, то они сделали бы такой стул, на котором конкретно этому человеку сидеть было удобней, чем на чем-либо еще на всем белом свете. На такой сядешь еле живой от усталости, пройдет четверть часа – и снова полон сил. Но только ты один. И так во всем.

Стоили подобные работы невероятно дорого, создавались долго, однако на них всегда находились покупатели.

Однако когда куури объявили порождениями тьмы, подлежащими уничтожению, они не стали бороться. Они просто ушли. Никто не понял куда, как, но в одну – разумеется, лунную – ночь весь народ просто исчез. Никто до сих пор так и не узнал, где куури теперь – в другом ли мире, или особом измерении, или на каком-нибудь неисследованном континенте? Кто знает? За все века, что прошли с тех пор, Летние земли посетил лишь один из них, да и то, скорее всего, был шарлатаном – слишком открыто говорил о своем происхождении, слишком быстро набрал популярность (даже при дворе короля) и слишком резко исчез. Вместе с какими-то безумно дорогими побрякушками.

Рядом, но отдельно от куури, на витраже изобразили удивительной красоты блондина в старинном доспехе, похожем на змеиную чешую, которая никак не ассоциировалась с рыцарством, на каковое намекало классически правильное лицо и одухотворенное его выражение. На руки мужчины опирались две женщины. Красотка с длинными светлыми волосами смотрела на зрителей разноцветными глазами: правый походил на изумруд, а левый сверкал серебристо-металлическим блеском. Вторая девушка имела и вовсе странный наряд: одна его сторона отливала чернотой, другая радовала глубоким изумрудно-зеленым цветом.

Слева от этой группы на стуле, опершись на колени, сидела кукла с кончившимся заводом. Из ее спины торчал здоровенный ключ. Детское платье и огромный бант странно смотрелись на взрослом теле. Да и сам сюжет казался неправильным – когда же создавался этот витраж, если механика только недавно научилась делать подобных кукол?

Сидящий на подоконнике шут в золото-багряном наряде то ли наблюдал за персонажами, то ли участливо наклонился к кукле. Леанора так и не поняла. И не сразу заметила еще одну фигуру – справа, у самого края, вытянувшись по струнке, стоял мужчина в темной форме, то ли часовой, то ли просто военный. Он напряженно вглядывался в веселящихся на маскараде, выискивая что-то. Или кого-то.

Леа заворуженно рассматривала витраж. Да, его свойства обусловили немалую схематичность изображения, но девушку не оставляло ощущение, что ей показывают какой-то сюжет, что-то очень важное, ключевой момент некой истории. Солнце играло цветными бликами, меняя выражения лиц, подсвечивая или наоборот затемняя какие-то части стеклянного полотна, добавляя ему смыслов, нюансов, задавая вопросы и загадывая загадки.

Взор Леаноры невольно скользнул к спутникам. Сандор до сих пор с восторгом смотрел на витраж. Взгляд Шарли метался от изображения вниз, к присутствующим, и обратно. Матяш и Этьен уже о чем-то тихо переговаривались, вернее, в очередной раз ругались. Кларисса хмурилась. Лица брата и сестры выражали равнодушную сосредоточенность. А вот Анталь смотрел на витраж так, будто слушал завораживающую историю, причем про что-то прекрасное и очень важное. Леа даже позавидовала ему. Она прекрасно осознавала, что знающему человеку произведение искусства могло рассказать куда больше, чем простому зрителю. Здесь же явно зашифрованы многочисленные символы.

Например, та же маска. Сколько тут можно найти смыслов! Если подумать, она – это способ скрыть свою истинную личность и одновременно стать кем-то другим. Изменение и тайна, воплощение желания, способ преодолевать грань собственной природы. Но что здесь имеется в виду – свобода, которую получает человек в маске: от общества, от самого себя, даже от ограничений физического тела, или обман, желание оставить остальных в дураках? Демон изображен в маске. Выражает ли она его истинную сущность или, наоборот, желание показаться более грозным, чем есть на самом деле? Девушка с разноцветными глазами снимает изящную маску, но не полностью. Что это – желание открываться миру или кокетство? Или что-то другое?

А если вспомнить про цвета, которые могут подчеркнуть значение или перевернуть его... Леа мотнула головой. Наверное, Анталь лучше понимает этот символический язык. У него, похоже, нет сложностей в расшифровке. Девушке даже стало обидно. Учила, учила это искусствоведение, а толку?

Гости наконец отмерли и начали забрасывать Джаноса словами восхищения, будто он был автором этой грандиозной работы. Леанора

тоже поддакнула, чтобы не заподозрили в чем-нибудь. Почему Шарли и Кларисса хмурятся?

– А что означает этот витраж? – не стала гадать первая. – Сцена из какой-то пьесы? Никак не могу сообразить. Освежите мою память?

– С вашей памятью все в порядке, виконтесса, – солидно покивал управляющий. – Увы, не сохранилось каких-либо записей об исконном замысле мастера. В классической же литературе подобный набор персонажей не встречается. Смею предположить, что для понимания образов нужно было жить в то время и знать каких-то конкретных людей, например, гостей замка. Сольгер – место во многом волшебное. Как в плане заклинаний, так и в плане ощущений, – Джанос обвел рукой вокруг, указывая на каменных чудовищ и витраж. – Даже после многих лет видишь что-то новое. А теперь позвольте показать вам самое магическое, что есть в этом замке.

Глава 12

Джанос театрально повернулся, встав боком к противоположному концу комнаты, и указал в ту сторону.

– Прошу вас.

Гости дошли до дверей и вошли в следующий зал, явно когда-то являвшийся частью предыдущего: те же резные стены, те же высокие стрельчатые окна и потолки, уходящие в бесконечность.

Здесь обошлись без витражей, да и вообще комната не отличалась размерами. Очевидно, ее отделили только ради то, что хранилось внутри стеклянного параллелепипеда, поставленного на узкую тумбу. В нем на бархатной подушечке лежал серебристого цвета мужской браслет с некрупным – с ноготь – желто-зеленым камнем.

Стоило Леа войти в комнату, как по телу прошел жар, будто резко выходишь из прохлады в летний полуденный зной. Неприятное ощущение. Судя по лицам, остальные испытали что-то схожее. В висках кольнуло, и девушке показалось, что где-то далеко, так далеко, что едва-едва слышно, поет женщина. Высокий чистый голос, наслаждение в чистом виде, постепенно меняющий тональность настолько, что уже кажется мужским – красивым лирическим тенором, от которого сладко сжимается сердце и пробуждаются мечты.

– Такой же стиль, – уже реальный мужской голос разорвал странную иллюзию, заставляя передернуть плечами. – Как в зале.

Матьяш обвел взглядом стены. Остальные тоже заозирались. Марика даже потрогала разделяющую две комнаты стену. Леа придвинулась к уже стоящей рядом со стеклянным коробом Шарли. Браслет действительно был выполнен в виде двух стилизованных химер, вцепившихся в камень, по краям которого вились те же чудовищные цветы, что и в зале с витражом. И то же ощущение магии без заклинаний. Хотя, скорее всего, какое-то колдовство все же было влито в украшение. Мужчины того времени редко носили ювелирные изделия просто так. Даже сейчас многие предпочитали дополнять их магической составляющей. У Натана, например, в обручье таилось несколько боевых заклинаний, а в кольце – защитных.

– Да, – кивнул Джанос, – только браслет создали намного раньше.

– А какое значение у этих фигур? – спросил Этьен.

– Никакого. Просто красивое решение. Дань тогдашней моде.

Шарли и Леа переглянулись, им обоим не верилось в подобное. Сандор рядом тоже тихо хмыкнул.

– А что за камушек? – Кларисса стояла рядом со стеклянной защитой и с интересом вглядывалась в украшение.

– Диаспор, – с не особо понятной насмешкой ответил Джанос.

– Какой? – захлопала ресницами девушка.

– Султанит, – не сдержалась Леа.

– Что?

Все присутствующие посмотрели на нее, отчего ей мигом стало неудобно. В глазах Матьяша промелькнуло настолько презрительное выражение, что смолчать уже не представлялось возможным.

– Диаспор – это научное название, – начала она. – А обычно называют султанит. У нас его мало, везут в основном с юга. А там его могут позволить себе, считай, одни султаны. Он очень хрупкий, при обработке легко крошится. Испортить его – как нечего делать. Зато если удастся огранить, получается потрясающе, – Леа сама не заметила, как стала говорить, пожалуй, даже излишне эмоционально. Все же любимая тема. – Это же камень-хамелеон: меняет цвет в зависимости от освещения. Например, на солнце становится желтым, а в сумерках – ярко-зеленым. При свечах – шоколадным. В общем, каким только не бывает.

– Ого, – восхитился Сандор. – Вы явно разбираетесь в драгоценных камнях.

– Женщина! – прозвучало от кого-то.

Леа смутилась, но тем не менее вздернула подбородок. Поймала подбадривающий взгляд от Марики, стоящей по другую сторону от стойки с браслетом.

– Мне нравится читать про их свойства, особенно про лечебные и магические.

Смешков стало больше, а кто-то еще и спросил:

– Только читать?

Но Леа смотрела только на Сандора. Он мягко улыбнулся, так же демонстративно не замечая «комментариев».

– И какие свойства у султанита? – спросил виконт, и девушка была благодарна ему за это.

– Основное свойство – это усиливать магию владельца. Второе по силе – убирать последствия от проклятий и порчи. Так же я читала, что скандалы при владельце такого самоцвета возникают намного реже, но тут мнения расходятся. А еще говорят, что диаспор помогает находить оригинальные решения. В общем, удивительный камень. Я в первый раз вижу его не на картинке.

Молодые люди еще переваривали сказанное, когда Джанос заговорил:

– Все верно, ла-орита Орманди. Вельгарда действительно обладал магией невероятной силы. И ему в самом деле постоянно требовалась защита от проклятий и порчи, которые посылали в его адрес превеликое множество. Да и как вы знаете, из всех возможных решений он всегда выбирал самое нестандартное. Мыслить не так, как все, он умел.

Тут мужчина явно намекал не на многочисленные военные победы Вельгарды, для которых он придумал множество хитростей, а на предательство, страшно сказать, самих богов. И тех людей, кто погиб из-за его идей.

– Это точно, – внезапно засмеялся Матьяш, – он обманул даже смерть.

– Смерть как раз не обманул, – покачал головой Антадь.

– Я слышал, – заметил Гараи, явно помешав что-то сказать сестре, – что поначалу Вельгарда не помнит себя из других жизней. Вспоминает только, когда просыпается магия.

– То есть им может оказаться любой человек? – заинтересовалась Шарли.

– Я слышал только про мужчин, – мягко улыбнулся Гараи, и Марика строптиво фыркнула за его плечом, отвернувшись к окну, будто ее действительно заинтересовал открывающийся вид.

– История показывает, – иронично глянул на присутствующих Сандор, – что это всегда молодые люди из старой знати. По крайней мере, с изрядной долей древней крови.

– Хм... логично, – подумав, кивнула Шарли. – А почему не бастард какой-нибудь?

– Очевидно, непризнанные бастарды редко добиваются таких высот, чтобы ими заинтересовались ньяльцы.

Хмыкнули, кажется, все, только управляющий налился негодованием.

– Веселье в этом вопросе неуместно, молодые люди. Возрождение Вельгарды всегда означает множество бед, смертей и предательств. Раскол общества и гибель множества достойных людей.

– И обогащение недостойных, – шепнула Шарли подруге. Та приснула, хоть совершенно не желала попасть на момент возвращения легендарного воеводы прошлого. Нет уж, пусть такие передраги обойдут ее стороной.

– Султанит отлично подходит Вельгарде, – продолжал, все больше распаляясь, управляющий. – Он не выбрал благородный сапфир, или изысканный изумруд, или символ чистоты помыслов – бриллиант. Нет, он выбрал камень, который постоянно меняет цвет, стоит чуть дрогнуть свету. Так и его хозяин менял свои планы и предпочтения, стоило ситуации хоть немного повернуться в сторону. Только расплачивались за его изменчивость те, кто ему верил. Жизнями, здоровьем, состоянием, рассудком. Вот о чем нужно помнить, молодые люди, думая о Вельгарде, этом биче наших земель.

– А зачем же тогда вы храните его браслет? – нахмурился Матьяш. – Выставляете его напоказ.

– Потому что историю нужно помнить, чтобы она не повторилась.

– И потому, что вы не можете убрать его отсюда, не так ли? – Сандор поднял брови. – Я читал эту историю. Браслет не подпускает к себе никого. Все, что удалось, это поднять его на высоту в половину человеческого роста. Дальше никак, верно?

– Увы, это так, – скривился Джанос и внезапно успокоился. – Проклятый браслет никого к себе не подпускает. Но любой недостаток можно превратить в достоинство. Теперь это символ памяти о тех, кто вверил свою верность предателю.

– То есть вы повернули ситуацию на пользу, – задумчиво протянул Антадь и, когда управляющий кивнул, добавил: – Себе на пользу, как и делал Вельгарда?

Леа за время разговора подошла еще ближе к браслету и сейчас разглядывала искрящийся в солнечных лучах камень. Увлечшись, она оказалась вплотную к коробу. В следующее мгновение, почувствовав сзади чье-то неловкое движение, невольно подалась вперед и, очевидно, случайно коснулась стекла. То тут же вспыхнуло

красноватыми искрами, раздался какой-то вой, и через минуту ошарашенного молчания в комнату ворвалась стража. Джанос остановил их резким взмахом руки.

– Простите... – только и смогла проговорить пораженная ситуаций Леанора, покраснев мало не полностью. – Я случайно.

– Лаор Хэри, – с великолепным спокойствием Шарли обратилась к управляющему, – о таких впечатляющих эффектах стоит предупреждать заранее.

– Согласна с милой Шарлоттой, – хрипло поддержала Кларисса, нервически обмахиваясь веером. – Будьте добры, скажите, сколько еще сюрпризов у вас подготовлено? Еще одного мое сердце может и не выдержать.

– Ваше сердце в полной безопасности, виконтесса, – поклонился нисколько не смущенный Джанос, жестом отправляя стражу прочь из комнаты, – если вы, конечно, не будете трогать короб вокруг браслета. Он укреплен особыми чарами, как вы видите.

– Но зачем? – удивилась Шарли. – Браслет и так же никто не может взять.

– Для безопасности, – пояснил управляющий, однако пояснять чьей не стал.

Глава 13

До обеда времени оставалось еще немало, и Джанос повел экскурсию по замку дальше, но перебить впечатление от залов с витражом и браслетом ничему не удалось. Скоро молодые люди разбрелись по замку поодиночке и небольшими группами. Шарли и Леа решили выяснить, что с дорогой. Слова управляющего – это хорошо, но хотелось бы знать правду от того, кому доверяешь. Отправить решили Лайха посмотреть.

Отдав распоряжения, Шарли ушла к себе в комнату. Леа, признаться, этому даже обрадовалась. Она еще не привыкла к такому частому общению с чужими людьми. Все же дома девушка вела довольно закрытый образ жизни – гимназия, обед с родными, считай, в девяти случаях из десяти с одной мамой, иногда куда-нибудь выбраться после этого, ужин с семьей (это уже обязательно!), раза четыре в месяц вечер у друзей или какое-то мероприятие вроде похода в театр, бала или приема. Вот и все. Леанору это устраивало, а сейчас вся эта упорядоченная жизнь пошла кувырком. А ведь в академии придется общаться с другими людьми много-много больше. Девушка вздохнула и отправилась искать своих вечных спасителей – книги.

Слуги указали ей путь в библиотеку. Правда, как оказалось, не только ей пришла в голову эта идея: Сандор бродил между стеллажами. Леа сделала книксен, он обозначил поклон.

– Похоже, это путешествие свело меня исключительно с любительницами книг, – обронил юноша, возвращая на место том в красной обложке и вытаскивая еще один.

Девушка не совсем поняла, что имелось в виду, и решила использовать прием отца, вернее, вопрос сам прыгнул на язык:

– В самом деле?

– Несомненно, – листая книгу, кивнул Сандор, но заметил непонимание на лице собеседницы и пояснил: – Только что здесь была виконтесса Зилийская.

– Кларисса? – удивилась Леа. – Она не показалась мне любительницей чтения.

– Мне тоже, – с иронией ответил виконт. – Подсказать и вам, где стоят романы о любви?

Слова и намек задели Леанору. Она страстно пожалела, что острословие не входит в список ее достоинств. Как же хотелось сказать что-нибудь искрометное, чтобы и он и посмеялся, и устыдился. А вместо этого произнесла:

– Лучше детективные.

Этого ответа молодой человек от нее явно не ожидал.

– Простите?

Леа все-таки покраснела. Ей не раз пеняли на неподобающее для девицы чтение.

– Ну, знаете... такие истории... про преступления, убийства, кражи.

Сандор недоуменно посмотрел на нее.

– Вы думаете, я не знаю, что такое детективные романы?

Девушка поняла, что сморозила глупость.

– Простите. Я... – «Что я?» – мысли метались в голове, не находя способа, как выкрутиться из ситуации, – неправильно поняла ваше удивление.

Юноша окинул ее оценивающим и даже несколько подозрительным взглядом, потом прошел пару рядов и остановился у одного из дальних стеллажей.

– Как насчет вот этой? – Виконт снял с полки одну из книг и показал подошедшей Леа. – Прекрасная интрига.

– В самом деле? – девушка удивленно уставилась на обложку. Да там убийца на третьей странице ясен!

– Вы так не считаете? – Сандор не отрывал взгляда от собеседницы.

Леанора поколебалась между воспитанностью и правдой. Ставить юношу в неудобное положение не хотелось.

– Мне больше понравилась интрига вот в этом романе, – девушка вытащила другую книгу с полки и показала виконту. – Здесь я до самого конца не смогла понять, кто главный злодей и каковы его мотивы. Может, читали?

– Может. И как вам мотивы убийцы?

Тут Леа вновь захотелось прикусить себе язык. Мотивы в произведении строились на скрытой зависти младшего брата к

старшему и болезненной любви, даже вожделению к невесте последнего. Можно ли такое озвучивать?

– Написано убедительно, – постаралась обтекаемо ответить девушка. – Мне понравилась смелость автора и его умение передать эмоции.

Сандор усмехнулся.

– Только зачем же они на обложке, – он погладил золотое тиснение в виде кинжала на книге, – указывают орудие убийства? Раскрывают сюжет.

– Так о кинжале говорится в первых же главах. А убили на самом деле ядом, – Леа пожала плечами. – Как по мне, ничего страшного в такой подсказке нет.

Виконт какое-то время разглядывал девушку.

– Вы и правда читали.

Тут опешила уже она.

– А вы думали – нет?

– Прошу прощения за это, – не особо убедительно произнес он.

Леа нахмурилась. Ее в чем-то подозревают? Стало обидно. Девушка вытащила следующую книгу и показала ее Сандору.

– Убийца – кузен и сослуживец жертвы, – поставила на полку, достала вторую. – Убийца – жена. Прекрасные описания природы.

В руках у нее оказался еще один роман.

– Убийца – сосед. Не помню точно, но что-то лошадиное в фамилии. Причина – наследство. Он хотел жениться на сестре жертвы, которой по новому завещанию доставалось все, – Леа взялась за следующую книгу: – Самые роскошные диалоги, какие я только читала. Убийца...

– Остановитесь, ла-орита, – засмеялся юноша. – Вы меня убедили.

Он вынул том из ее рук и улыбнулся.

– Ее-то я и почитаю. И я действительно приношу извинения за недоверие. Необычный вкус в литературе для барышни. Такой я встречал только у матушки и, – он снова ухмыльнулся, – у девиц с матримониальными планами на меня.

Леа ахнула, наконец сообразив, в чем ее заподозрили.

– Я недостаточно хорошо знаю вас, виконт, – процедила она, а потом улыбнулась: – Но теперь я точно буду иметь успех среди оных

девиц, ведь мне известны ваши вкусы. Что вы еще любите? А то маловато сведений для свахи.

Сандор засмеялся вновь.

– Говорите всем, что мне нравится экзотика. Перья в волосах, дикие танцы и езда без седла.

– Последнее уже опасно для здоровья, – с деланной укоризной заметила Леа. – Давайте заменим ездой на пони. Мол, нет ничего умильнее девушки на пони.

– Пони жалко.

– Действительно. Тогда, м-м-м, элѐфанты?

– Где же их у нас достать?

– И то правда. Тогда пусть будут кобылы белой в коричневых пятнах расцветки. Как у коров. Я слышала, такие плохо продаются. Поможем конезаводчикам.

– А вы добрая душа, ла-орита Орманди.

– Еще и магией владею. Сплошные достоинства, – улыбнулась она. – Приданого только нет.

– Совсем? – удивился Сандор.

– Абсолютно, – Леанору вдруг охватило пьянящее чувство свободы. – Ни приданого, ни благословения отца, ни могущественных родственников.

– Звучит волшебнo. Вы умеете демонстрировать свои достоинства. Я восхищен, – виконт отсалютовал ей книгой. – А магией хорошо уже управляете?

Девушка вспомнила свой булыжник и со смешком покачала головой:

– Опасна для врагов и своих. Особенно своей неожиданностью. А вы уже много умеете?

– Наши земли находятся близко к границе, – Сандор вдруг стал серьезным. – Магов пытаются обучить как можно быстрее. Так что кое-что я умею.

Леа тоже вспомнила про манеры.

– Уверена, Академия разовьет ваши способности.

– Я всегда мечтал, что буду это делать в академии. Правда, не в Окатавской, – признался Сандор и этому смутился. – А вы?

– Я упаду еще ниже в ваших глазах, если скажу, что нет? – Леа улыбнулась. Ей так понравилось в кои-то веки общаться в свое

удовольствие. Почти запретное наслаждение, если подумать.

Юноша приподнял брови, ожидая продолжения.

– Раньше я... не думала вообще об учебе. О магической академии уж точно, – Леа только покачала головой и сконфуженно засмеялась. – Моя жизнь в один момент перевернулась с ног на голову. Все планы и мечты оказались зачеркнутыми, а будущее стало совершенно непредсказуемым. Я и выдохнуть не успела, как оказалась на пути в магическую академию. И вот сейчас в Сольгере.

– И как – пугает вас страшный-престрашный, – голос стал нарочито зловещим, как бывает, когда пугают детей, – замок Сольгер?

– От него, признаться, – Леа глянула на юношу веселыми глазами, – я в полном восторге.

Молодые люди хихикнули и переглянулись, будто заговорщики. Потом девушка немного смутилась и вытащила книгу с полки.

– Вот эту я еще не читала, – похлопала по ней и добавила: – Главное есть. Интересно, у них есть книги по минералогии?

– Хотите освежить знания про султанит?

Девушка покаянно глянула на него.

– Виновна. Я серьезно про него не читала. Только интересовалась, потому что, согласитесь, камни, меняющие цвет, редки. Но хотелось бы узнать побольше.

– Зачем?

Вопрос поставил Леа в тупик.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Хочется.

– Самая главная причина.

Как ни странно, книжка по минералогии тоже нашлась. Правда, Леанора видела издания и посерьезней. Ну да лиха беда начало.

– Вот ты где! Я тебя по всему замку ищу, – Шарли, как всегда, появилась вовремя. Шла она под руку с Гараи Дерехом. – О, виконт, и вы здесь. Я украду у вас Леа на маленькие девичьи посиделки, вы не против?

Разумеется, Сандор куртуазно был против, но девушки после многих взаимно приятных слов все же ушли. Молодые люди остались что-то обсуждать.

Глава 14

– А ты молодец, – Шарли одобрительно хмыкнула, – зря времени не теряешь.

Леа не хотела думать, о чем речь. Оправдывайся еще...

– А что за посиделки?

– Хочу выпить чаю. Представляешь, у них есть прелестная веранда – или балкон? Может быть, веранда на втором этаже? В общем, там есть воздух, милейший столик и крыша. И туда подадут чай. И, увы, нас там уже ждет Кларисса. Она услышала, как я говорила со слугами, и напросилась.

– Кларисса так Кларисса.

Взгляды обеих девушек невольно скользили по стенам.

– Все-таки эти фрески жутковаты, ты не находишь?

Задержав взгляд на изображении блондина в старинном облачении, Леанора передернула плечами.

– Выполнены талантливо. Знаешь, я сейчас, кажется, поняла, почему в храмах изображения куда менее реалистичные.

– Платят меньше?

– И это тоже, – хмыкнула Леа. – Зато и нет этого ощущения, что на тебя смотрят и... ты в опасности.

– Ты думаешь, они опасны? У тебя какое-то плохое предчувствие? – Шарли спрашивала серьезно. – А пророки или оракулы в роду были?

– Боги с тобой, ни одного. Это просто мнительность. Чувствительная натура, как это принято говорить.

Шарлотта с некоторым удивлением оглядела чувствительную натуру.

– Что-то непохоже. – Девушки оказались около лестницы. Шарли посмотрела в сторону «чудовищного» зала. – А что скажешь насчет витража?

– Это шедевр, – вырвалось у Леа. – Ты не хотела бы, кстати, на него еще раз глянуть?

– Просто читаешь мои мысли.

Подруги свернули к так поразившему их витражу, думая, что и на браслет хотелось бы посмотреть тоже. Похоже, эта идея пришла в голову не только им. В зале уже находились Кларисса и Этьен. Они о чем-то переговаривались, весьма эмоционально. Потом виконтесса Зилийская вдруг отшатнулась от рыжего, в одно мгновение оказавшись от него в паре шагов.

– Не смейте даже думать, лаор Плеймонд! Никогда! Я не принимаю ваши ухаживания, и не смейте больше подходить ко мне! – голос девушки дрожал то ли яростью, то обидой, то ли вообще слезами.

Все присутствующие опешили. Этьен выглядел потрясенным, растерянным. Постепенно его лицо становилось пунцовым и болезненно скривилось. Кларисса же устремилась навстречу девушкам, взяла их под руки и буквально потащила к лестнице.

– Чай! – тараторила она. – Очень хочу чай. Шарли, милая, ты же говорила про чай?

Виконтесса Зилийская так спешила, что зацепилась за порожек и покачнулась. Ее, разумеется, поддержали, вот только от неожиданности Леа разжала пальцы и уронила книги. Тут же присела, чтобы их собрать. Кларисса опустилась на корточки рядом.

– Простите, я такая неловкая.

Из ее весьма скромного, но все же имеющегося декольте выскользнул изящный медальон темного золота с тонким гравированным узором.

– Ерунда, не стоит внимания. – Леа поспешила перевести тему: – Какая изысканная вещица. Подарок возлюбленного?

– Скорее, память о доме, – чуть смутившись, ответила Кларисса и протянула ей вторую книгу.

– Выглядит весьма утонченно. Мне с детства нравились медальоны и... – Леа замерла, потому что в голове вновь раздалось пение. То самое – красивый женский голос, переходящий в мужской. Только очень, очень тихое. Едва-едва на грани слышимости. Девушка сглотнула, и звук пропал. Ошарашенная, она медленно поднялась, прижимая к себе книги, – медальоны.

– С тобой все в порядке? – спросила Шарлотта, видя растерянность подруги.

– Д-да. – Откашлявшись, та повторила: – Да. Просто на миг голова закружилась.

«Вот что это было?» – Леа знала, почему слышит пение тогда, когда другие его не слышат. Но сейчас-то почему? Девушка оглядела Клариссу. Украшения на ней были из золота: медальон, сережки, колечко из переплетенных металлических нитей. Без камней. Хм... совсем непонятно.

Какое-то время девушки пили чай втроем, потом Зилийская ушла, зато вернулся Лайх, слуга Шарлотты, доложив, что мост и правда подмыло. Пока ливень не прекратится, починить не получится, но потом обещают быстро управиться.

– Ты расстроена, – прозорливо заметила Шарли, когда они остались вдвоем.

– Думаю, не отправил ли отец погоню, а если отправил, то сколько у меня форы?

– Подумай, так ли силен его гнев, чтобы в угоду ему отправить от себя наследника. С учетом всех сомнений по поводу этого указа.

Разум убеждал Леанору в том, что отец только порадуетя такому исходу дела, однако перед глазами раз за разом вставал тот момент в коридоре, когда барон Орманди отбросил ее руку, и вновь хотелось плакать. Но приходилось давить в себе эти чувства и держать лицо.

– И, кстати, кареты наши, барышни, – продолжил Лайх, – сразу, как нас высадили, уехали. Даже часть денег отдали за то, что не до академии довезли.

– Вот так номер, – нахмурилась Шарли.

– Узнали, что мост подмыло?

– Кто ж их, окаянных, знает-то. Да только уехали. Я пошептался с конюхами. Они сказали, что вызовут откуда-то кареты, как мост починят. Мол, не в первый раз такое.

Девушки переглянулись.

– Возможно, стражники или кто-то еще их пугнули, а эти новые кареты часть оплаты им отдают, – предположила Шарлотта. – Пользуются плохой славой замка.

– Очень хочется верить, – пробормотала Леа и мысленно добавила: «В реалистичное объяснение». – Но признаться, это все больше и больше похоже на ловушку.

- А по мне – на приключенческий роман.
- Ловушки в них не редкость.

Обед подали в покои, предоставив гостей самим себе, а вот на совместный ужин позвали. Оставшееся до него время Леа бродила по замку, разглядывая фрески и прочие изыски. К вечеру девушка решила принарядиться. Горничная ее в этом горячо поддержала. Подготовила платье, достала захваченные с собой драгоценности, вооружилась гребнями и заколками.

- Тебя удобно разместили, Матиша?

Взгляды хозяйки и служанки встретились в зеркале. Вторая задорно улыбнулась, ловко орудуя расческой, что с учетом упрямства волос Леа говорило о немалом опыте и стальной воле.

- Более чем, не волнуйтесь. Комната не меньше вашей. И вся моя!

– Ого! – престолярно удивилась Леанора. – Повезло! Немалая щедрость со стороны хозяев.

– Да никакой особой щедрости. В комнатах для слуг живут только те, кто приехал вместе с гостями. – Матиша потянула и дополнительно закрепила особо вольную прядку.

– А хозяйские слуги где тогда? – нахмурилась Леа, припоминая немалое количество работников.

– Тут есть пристройка позади замка. Во втором дворе. Его не видно, когда въезжаешь с моста. Вполне пристойный дом на два этажа. Вот там живет управляющий и некоторые из слуг, человек семь, а остальные ежедневно приходят из ближайшего селения. Какая-то деревенька, даже не на основной дороге, – Матишка фыркнула, выражая свое мнение.

– Но это же неудобно. Да и управляющий же из рода хозяев. Дворянин. Почему он не живет в замке?

– О-о-о, – горничная округлила глаза – надо отметить, прехорошенькие. – Говорят, замок проклят!

Леа не удержалась от смеха.

– Разумеется. Это же замок самого Вельгарды!

– Вот вы смеетесь, а народ действительно боится. И фресок этих, и витража, и браслета!

– А чудовищ в зале с витражом?

– И их!

– А витража-то почему?

Матиша пожала плечами, пристраивая заколку с хризолитом так, чтобы лучше было видно спереди – подчеркнет зеленые глаза барышни.

– Молчат, только глазами вращают. Деревня, что возьмешь.

– Ты же только что говорила, что замок проклят.

– Ну да. Но ведь не объясняют ничего. Мага бы, что ли, наняли. Этих... ну есть же специальные для этого.

– И то правда.

Матиша протянула хозяйке пузырек с духами.

– Странно, да? И страшно.

– Тебе это как будто нравится, – Леа возмущенно посмотрела на горничную. Та проказливо улыбнулась.

– Немного. А еще весь третий этаж – хозяйский – закрыт! Там никто не живет, и гостей не пускают. Во там пыли, небось!

Леа подивилась причудливости хода мыслей горничной. А та тем временем закрепила последнюю заколку и чуть отстранилась, оценивая свою работу.

– Смотрите, какая вы хорошенькая, барышня!

Леа оглядела игриво уложенные волосы, милое зеленоглазое личико, платье в зеленых же цветах и довольно разулыбалась. И ведь и правда, хорошенькая! Не хуже, чем красотки Шарли и Кларисса. И уже точно много симпатичнее Марики!

Глава 15

Болтовня с Матишкой всегда поднимала настроение Леаноры. Вот уж неунывающее существо. Так с улыбкой девушка и выплыла из своей комнаты. Почти одновременно с ней в коридор вышел Анталь. Оглядел ее и приятно улыбнулся. Девушка же подумала, что, несмотря на некоторую вольность этого взора, он ей понравился. Наверное, потому что оценили явно высоко. При этом не было в нем пошлости или высокомерия, зато мужского интереса – с лихвой.

– Вы прекрасны, Леа, – улыбнулся Анталь, склоняясь к ее руке для поцелуя. После одного юноша выпрямился, но ладонь собеседницы не выпустил. – Смотрю на вас, а кажется, гляжу на луну.

– На луну? – даже испугалась Леанора. Ее темные волосы и зеленые глаза с ночным светилom никогда не сравнивали. – Почему?

– Потому что и она реальна, и вы реальны, но и она – тайна, и вы – тайна.

Леа даже засмеялась от облегчения: он просто флиртует.

– Боги с вами, Анталь, разве есть во мне тайна? – понимая, что кокетничает, девушка ничего не могла с собой сделать.

– Есть. И не одна, – галантно, но, пожалуй, слишком серьезно ответил юноша и предложил ей локоть. Леа его приняла.

Молодые люди уже отправились к лестнице, когда Анталь вдруг притормозил.

– Кстати, о луне. Помните тот витраж?

– Да, – удивилась вопросу Леа.

– Там длинноухий сереброволосый куури.

– Целовал руку рыжей анцытке.

– Так забавно. Ведь куури именно такими и представляют – с острыми длинными ушами и серебряными волосами. Как на витраже.

– Все верно.

– А на фреске я нашел изображение, как на самом деле они выглядели.

– Разве они иначе выглядели? – сделала вид, что совершенно не разбирается в теме Леанора.

– Таких ушей у них точно не было. Идемте посмотрим, – увлек Анталь ее в другую сторону.

Нужная фреска располагалась в самом конце коридора.

– Вот это куури? – разыграла удивление девушка, разглядывая мужчину с длинными прямыми волосами темного цвета и совершенно обычными ушами. – А почему не острые?

– Куури давно уже ушли. Стали сказкой. – Анталь посмотрел на фреску. – Но в нашем поместье множество старых книг, там их описывали именно такими. Они очень любили... м-м-м... как называются такие украшения на уши, для которых не нужно их колоть?

– Клипсы?

– Нет, как-то иначе.

– Каффы!

– Точно! Причем такие, крупные, на верхнюю часть уха. Может, поэтому?

– Может, – с сомнением протянула Леа.

– Да и не важно. Посмотрите на его глаза!

– Голубые вроде. Непонятно. Бирюзовые?

– Они могли быть любого цвета, кроме карего, но смотрите... сейчас... – и принялся стягивать с себя камзол. Леа опешила и, возможно, именно поэтому не издала ни звука.

В этом углу коридора естественного света почти не было, и девушка оторопело подумала: «Уже надо кричать или попозже?» Анталь же против ожиданий отошел на шаг и накрыл один из магических светильников камзолом. Леа шагнула чуть в сторону. Так к лестнице ближе бежать.

Не ведая о ее крамольных мыслях, Анталь тем временем подошел ко второму светильнику и накрыл его ладонями. Свет все еще пробивался, но стало значительно темнее.

– Посмотрите, – юноша кивнул ошарашенной Леаноре в сторону фрески.

Девушка недоверчиво глянула на Анталя, но все же повернула голову. И вздрогнула. Из сумрака, который юноша организовал, на нее смотрели две крошечные луны на месте глаз нарисованного мужчины.

– Собственно, именно так я его и обнаружил, – с восторгом поделился Анталь. – Правда, потрясающее мастерство?

– Не то слово, – пробормотала пораженная Леа.

Поколебавшись, девушка протянула руку и коснулась стены. Но глаз на фреске так и не смогла заставить себя коснуться. Это все равно что трогать лунную дорожку на воде. Бесполезно и немного кощунственно.

Еще немного полюбовавшись, задумчивая Леанора и довольный Анталь спустились на ужин.

Наряжаясь в своей комнате, Леа переживала, не переборщила ли она с украшениями. Все-таки изумрудные сережки, кулон и кольцо – совсем не для дороги. С другой стороны, они и не в таверне. Увидев Клариссу, девушка успокоилась. Боги, ну зачем столько бриллиантов-то? В ушах, на пальцах, запястьях, в волосах, а на шее – вообще целое колье. Не говоря уже о том, что для юной девушки бриллианты – это слишком. В приличном обществе решили бы, что это выставление богатства напоказ. Тем более в пути.

Зато Матьяш и Этьен прямо глаз не сводили. Что и говорить, выглядела Кларисса весьма эффектно. Голубое платье подчеркивало светлое золото волос, чистую кожу, глубокий серый цвет глаз.

– Дорогая! – виконтесса Зилийская протянула к Леаноре руки и наклонилась, чтобы расцеловать воздух около ее щек, будто девушки расстались с месяц назад, и теперь радости от встречи нет предела. Впрочем, одноклассницы тоже этим грешили. Ведь это так ми-и-ило! Да и как сказала одна ее подруга: «Когда рядом три красивые девушки, каждая из них становится в три раза краше». Леа пыталась понять, ради кого представление, но отвлеклась на хихиканье. Создавалось впечатление, что рядом стоит минимум с десятков прелестниц и все жеманно смеются, постреливая взглядами на собравшихся молодых людей. Однако в зале никого из женщин, кроме Клариссы и ее самой, не было. Леанора почти сразу сообразила, что это значит, и ей самой стало смешно. Разумеется, никто больше хихиканья не услышал, а ее улыбку приняли за вежливость или даже флирт.

В зал вошла Шарли, ослепительная в желтом платье и с солнечным сапфировым гарнитуром. Вот эти камни звучали правильно!

Со смешком в глазах расцеловалась с Клариссой, чем явно вызвала неудовольствие Марики, то ли отрицающей этакое жеманство, то ли обиженной, что ее поприветствовали всего лишь вежливыми улыбками. Платье девушки оказалось строгим, хоть и с пикантным узким вырезом.

Появился управляющий, и все расселись за богатым столом. Ужин пошел своим чередом. Матьяш и Этьен отпускали шпильки в адрес друг друга. Первый старательно ухаживал за Клариссой. А вот его сосед отводил взгляд, хотя тот снова и снова возвращался к ней. Или к ее бриллиантам. Марика спорила с Джонасом, а остальные были вовлечены в беседу о будущих планах. Рассказали о своих чародейских силах, в том числе и об особых магиях – тех колдовских умениях, что не связаны со стихиями. Таким волшебством изначально обладала только старая знать, но ее представители далеко не всегда ограничивались законными женами, вот и проявлялось порой там, где не должно. Впрочем, случалось и обратное – в семье аристократов рождались дети без особых способностей. Что уж говорить о родах, где старая кровь перемешалась с обычной. У Натана, например, никаких этаких умений не было, что злило его невероятно. А вот у Леаноры... У Леаноры были. Но мама сказала, что их лучше скрывать. По крайней мере, от случайных людей.

Девушка подозревала, что подобные советы получили все, ибо под внимательными взглядами слишком честно ответили, что не имеют никаких особых магий, и тут же перевели тему. Леа разве что не скрутило от любопытства. Какие же у них способности?!

– А у меня есть нестихийная магия, – задумчиво вертя в руках бокал, произнес Гараи. – Весьма неудобная, должен признаться.

Все замерли, чуя какой-то подвох. Юноша поднял на собеседников ироничный взгляд.

– Я чувствую ложь.

Давно Леа не ощущала такого стыда.

Вечер шел своим чередом. Компания оказалась на редкость приятной. Однако постепенно народ начал расходиться. Первой ушла Кларисса, отговорившись утомлением. Через какое-то время отправился к себе и Этьен. За ним выскользнула Марика, однако потом вернулась и что-то на ухо сказала брату. Тот кивнул, и девушка наконец

ушла. Через какое-то время комнату покинул Матьяш. Остальные задержались выпить вина, девушки же решили, что, пожалуй, и им пора.

В коридоре, ведущем от зала к лестнице, Шарли почему-то посмотрела в противоположную сторону.

– Тебе не показалось... – начала она. – Там кто-то был.

Леа нахмурилась. В той стороне находился «чудовищный» зал и... браслет Вельгарды.

– Даже если так, – пожала она плечами, – что с того?

– И правда, – вздохнув, согласилась Шарлотта.

Они начали подниматься по лестнице.

– А ты знаешь, что управляющий не живет в замке... – Леа пересказала разговор с горничной.

– А еще тут фактически нет стражи, – поделилась в свою очередь Шарли. – Нет, я понимаю, что замок давно не оборонительный, а до границы дней десять ехать. Или плыть? Неважно. Но замок без стражи – это просто... моветон!

Подруги засмеялись.

– Тут и вещей много ценных, – заметила Леа. – Стоит он в глуши. Наверное, охранительная магия толковая.

– А я думаю, репутация. Вельгарда и прочие страшилки.

В этот момент подруги как раз дошли до своего этажа и услышали, как двое беседуют. Причем женщина мало ни рычала, да и мужчина явно злился. Однако при этом говорили тихо, слов не разобрать. Каково же было удивление Леа с Шарли, когда они обнаружили на лестнице, ведущей на третий этаж, Клариссу и Матьяша.

Она уже спускалась по ступенькам, но успела сказать что-то такое, что юноша схватил ее за запястье. Однако девушка вырвалась так резко, что Леа с Шарли испугались за ее равновесие и ускорили шаг. Кларисса же спустилась еще на пару ступенек и отчетливо произнесла то, что заставило Матьяша замереть:

– И не смейте преследовать меня, лаор Варга. Если, конечно, не хотите, чтобы все, особенно ваш милейший сосед, узнали, в каком на самом деле положении находится ваша семья.

Девушка с довольным видом оглядела будто молнией пораженного Матьяша и добила:

– Жизнь такая забавная: оказывается, вы на самом деле мало отличаетесь от – как вы там шутили в детстве? – рыжего нищebroда?

Кларисса вздернула подбородок и устремилась вниз, потом повернула в коридор, ведущий к ее комнате. Девушкам она только кивнула. Матьяш выдавил пару каких-то полузадушенных фраз и тоже сбежал к себе. Подруги же остались стоять за пару ступеней до нужного этажа.

– Что-то она мне перестала нравиться, – наконец отмерла Шарлотта.

– И бриллианты у нее фальшивые, – сказала Леа и тут же пожалела об этом.

– Правда?! – загорелась виконтесса. – Как ты узнала?!

– Ну-у... я немного разбираюсь...

– Не ври! Тут что-то другое! Рассказывай!

Поняв, что Шарли не отстанет, да и предположения, которые та начала строить, оказались куда хуже правды, Леа вздохнула.

– Только поклянись...

– Никому! – выпалила Шарлотта, приложив руку к сердцу. – Не скажу! Клянусь! Без твоего разрешения, конечно.

Леа посмотрела в ее смеющиеся глаза и махнула рукой. В конце концов, скоро все в академии раскроется.

– У меня есть особая магия. Я... чувствую некоторые камни. В основном драгоценные и полудрагоценные. Пока еще только ограненные. Причем чем мощнее камень в плане магии, тем сильнее ощущаю. Я имею в виду камни из амулетов или какие-то такие... с историей. Для меня разные камни звучат по-разному.

– Звучат?

Девушки, стоя близко друг к другу, шептались у лестницы, потому что дальше им нужно было идти в противоположные стороны.

– Да. Я их не столько чувствую, сколько слышу. В основном как человеческие голоса. Конечно, они не поют сами, это я... так воспринимаю. Обычно ассоциируя с чем-то знакомым. – Леа хмурила точеные бровки, она много думала про свою способность. – Так вот бриллианты поют прекрасным женским голосом... Таким... храмовым сопрано... Что душа рвется ввысь, и хочется стать лучше, чище, будто с тебя все плохое смывается, – девушка остановилась. О камнях и музыке она могла говорить бесконечно. – Знаешь, когда поют по-

настоящему сильные певицы, порой кажется, что они и рот еле открывают, а звук такой... чистый, естественный, без усилий. Вот и бриллианты, ограненные, без изъяна, дорогие камни, они звучат так же. Я их так слышу. Невероятным женским храмовым сопрано. А вот камни Клариссы...

– Не пели? – вклинилась в паузу Шарли, не желая показать, насколько на самом деле впечатлена.

– Они хихикали. Знаешь, как жеманные барышни на выданье перед кавалерами. А так я слышу топазы, – Леа и сама хохотнула. – Когда Кларисса меня целовала, я думала, оглохну от их хихиканья.

– Думаешь... Зилийские разорены? – Шарлотта восприняла все всерьез.

– Необязательно, – покачала головой Леанора, пытаюсь успокоиться. Собственная откровенность дарила какой-то дурной, хмельной задор. – Многие делают копии фамильных украшений. И носить можно, где хочешь, и не страшно, что украдут. Да и она же в академию едет, охраны мало, может, оригиналы решила не брать. А, может, – веселье вновь прорезалось, – камушки давно уже украдены, а она не знает об этом. Знаешь, доверенные лица порой совсем не стоят доверия.

– Знаю. Но это настораживает. Что она делала на третьем этаже? Там же все закрыто.

Леа развела руками.

– Может, любопытная. Или с Матьяшем хотела поговорить.

– Станный выбор. Она ушла с полчаса как. Где она была в это время? Она в том же наряде, что и на ужине. Даже украшения не сняла.

Девушки еще немного пошушукались, ни до чего толком не додумались и разошлись. Правда, Шарли, сделав пару шагов в сторону своей комнаты, обернулась и спросила:

– А камень в браслете Вельгарды ты слышишь? И каков он?

– О-о-о! – поделилась восторгом Леа. – Он меняется.

Подруги уже зашли к себе в комнаты, когда из тени на повороте лестницы вышел юноша. Он слышал почти все и понял еще больше. И собирался по этому поводу предпринять совершенно определенные действия.

Глава 16

Леа честно собиралась выспаться в свое удовольствие. Мало ли, вдруг завтра уже удастся двигаться дальше. Лучше поскорее добраться до академии. Там она будет спокойна, что отец не вернет ее домой. Девушка с помощью Матишки приготовилась ко сну. Однако что-то пошло не так. Свечи давно уже погасили, горничная унеслась к себе, а сон все не шел. Леа вертелась, крутилась и никак не могла заставить себя успокоиться. События сегодняшнего дня калейдоскопом всплывали и выстраивались в причудливые узоры. Идеи, эмоции, впечатления переплетались внутри, мешая уснуть. В конце концов девушка не выдержала, откинула одеяло и встала из кровати. Покружила по комнате, выпила воды, открыла и закрыла окно. Подошла к столику и взяла любимый браслет с камнями, раньше прячущимися в коробке из-под конфет. Погладила его, прислушалась к их слаженной песне и решительно надела на запястье.

— Я только погляжу, — сообщила она тишине. — Без чужих глаз. Наедине послушаю его.

Девушка поспешно натянула на себя домашнее платье, с которым можно было справиться без помощи горничной, и скользнула к двери. Осторожно потянув ее на себя, Леа прислушалась. Вроде бы никого. Держа подсвечник с одной зажженной свечой, девушка вышла в коридор и сделала пару шагов. Наткнулась взглядом на понимающий взор женщины с фрески и вздрогнула. Повела рукой чуть в сторону и уставилась уже в осуждающие глаза мужчины в костюме позапрошлого века. Повернула голову и увидела тревогу в глазах той девушки с пухлыми губами и в скромной одежде. Откуда в этом взоре столько волнения? Рука дрогнула — и вот на нее смотрит та самая дама в синем бархате, как всегда зло улыбаясь, а рядом с ждущим выражением лица высились брюнет и рыжий. Демоны побери...

Леа вернулась в комнату, задула свечу и снова вышла в коридор. Магические светильники еле-еле освещали пару мест в коридоре. Девушка знала этот эффект: считалось, что после определенного времени свет в общих местах уже не нужен, чародейские фонари гасили, но от них едва-едва все же шел свет, к утру и вовсе сходящий

на нет. Но лучше так, чем видя эти проклятые фрески. Самообман, конечно, но ведь и ее реакция – всего лишь пустые страхи. «Надеюсь, что пустые», – подумала Леа и скользнула вперед.

Дверь за ее спиной закрылась без единого скрипа, но девушка все равно вздрогнула. И невольно посмотрела в ту сторону, где был изображен черноволосый куури с глазами-лунами. На миг ей показалось, что она вновь видит их серебряный блеск. Юная чародейка сжала кулаки, заставляя себя успокоиться. Ночь – время страхов. Но чего ей бояться за высокими стенами? Надо просто пересилить себя, вот и все.

Мягкие туфельки сделали шаг Леаноры почти бесшумным. Девушка устремилась вниз, к «чудовищному» залу, будто слышала чей-то зов. В чем-то так и было. Браслет с султанитом манил ее со страшной силой. Так невероятно сильно хотелось взять его в руки, рассмотреть, потрогать причудливых металлических химер. Интересно, серебро или платина? И камень. От мыслей о нем все внутри сжималось в предвкушении. Еще раз услышать его. Понять. Ощутить. Неразгаданная тайна. Браслет, который касался кожи самого Вельгарды! Многоликий камень, даже поющий на разные голоса. Вернее, меняющий голос. Страшно подумать, какая мощная в нем магия. А если Вельгарда действительно стал демоном? Возможно ли это в принципе? Но если да, то... то... как это повлияло на камень? Надо обязательно на него посмотреть внимательно, без всех этих людей вокруг, послушать его. Мама говорила, что способности развиваются, особенно если использовать часто и каждый раз прикладывая чуть больше усилий. Может, и она, Леа, однажды сможет не только слышать камни, но и узнавать их историю? От этой мысли в крови закружились пузырьки лихости, будто от игристого вина.

Определенно нужно, обязательно нужно пообщаться с этим камнем. Он сильный и древний, он ей точно поможет.

Вот уже осталась позади лестница, большинство коридоров, поворот на библиотеку. Леа сбавила шаг около входа в зал с витражом. Надо выдохнуть, проявить уважение. Негоже являться перед древним артефактом запыхавшейся и растрепанной. Леа постаралась успокоиться и пригладила волосы, будто перед важной встречей.

Стараясь ступать еще тише, девушка вошла в зал. В окна лился удивительно яркий лунный свет. В нем причудливые лики чудовищ

казались еще более странными и при этом почти живыми. Леа посмотрела на витраж и с трудом смогла выдохнуть: цветные стеклышки пропускали свет неравномерно, будто выделяя какие-то определенные части в фигурах. Например, у светловолосой женщины горели глаза, будто два магических фонаря – зеленый и серебряный. У ее спутника подсвечивалась чешуя доспеха. Колпак на голове шута стал похож на праздничную гирлянду, очерченную разноцветными огоньками по контуру.

Леа и дальше, замирая от восторга пополам с ужасом, продолжила бы разглядывать витраж, но услышала какой-то звук, никак не вяжущийся с тишиной замка. То ли что-то упало, то ли вообще окно открылось. Вроде ничего такого невероятного, но... что же там происходит? А ведь как раз там браслет!

Инстинктивно стараясь держаться в тех местах, куда свет луны не доставал, Леа двинулась к комнате с реликвией. Шаг, еще шаг. Дверь оказалась приоткрыта. Стремясь сюда, девушка не задумывалась, что будет делать, если комната окажется под замком, и, только увидев не полностью затворенную створку, сообразила, что на ночь такую ценность должны запирать. Сейчас там что-то явно происходило. Леа видела мечущиеся тени, но не понимала, что это означает. Может, за окном дерево близко, и его шатает от ветра? Нет, там же пропасть. Тогда что же?

Через пару шагов Леа встала так, что смогла рассмотреть происходящее. В комнате боролись двое. В лунном свете девушка увидела две фигуры в черном,двигающиеся быстро-быстро. Один – мужчина, а вот вторая – явно женщина. Нижние части лиц у обоих скрывались полосками ткани. Леанора в первый раз видела, чтобы особы ее пола носили настолько обтягивающую одежду без юбок. Даже акробатки или балерины, на которых постоянно ходил пялиться брат, такого себе не позволяли. Однако грудь не оставляла сомнений, что это именно женщина. А вот движения, скорость и нож в руке шокировали.

Неизвестно, что бы сделала Леа, если вдруг на ее рот не легла бы чья-то ладонь. Она заглушила панический возглас. При этом кто-то дернул ее, обхватив за талию, в сторону, в темный угол между дверью и окном. Никогда раньше девушку никто из чужих людей не хватал. Да

и свои – братья и кузены разве что. Леанора забила в держащих ее руках отчаянно, с силой, удивившей ее саму.

– Тихо! – яростно шепнул незнакомец голосом Сандора в самое ухо. – Услышат – убьют.

Леа замерла, пытаясь осмыслить происходящее. Юноша тем временем отступил еще чуть дальше, в самую тьму, особенно густую по сравнению с освещенным пространством. Место оказалось весьма удобным – в узкую щелку между дверью и косяком можно было рассмотреть хоть немного из того, что происходило рядом с браслетом. Двое по-прежнему дрались. И это пугало. Леа видела, как дерутся кузены или мужики в деревне, даже на улице как-то наблюдала за дракой, но все это теперь казалось игрой, чем-то несерьезным по сравнению с тем, что творилось в комнате. А ведь один из противников – женщина! Все казалось слишком быстрым, слишком резким, невероятно опасным. «Это по-настоящему, – как-то особенно ясно поняла девушка. – Не напояк, не для обучения, не из-за обиды или просто поразмяться». Внезапно Леа осознала, что если бы Сандор ее не оттащил, то она стала бы следующей. Кто бы ни победил, он не оставил бы свидетелей. И неизвестно, как все повернется. Вдруг их все-таки заметили? Конечно, сейчас с ней Сандор, но каков он как боец? Сможет ли противостоять этим двоим? Ужас просто парализовал Леанору. Она невольно уперлась рукой в стену, сжав пальцы прямо на морде одной из каменных химер, стискивая так, что от напряжения заболела вся ладонь, зато ей удалось ни единым звуком себя не выдать.

В этот момент неизвестный мужчина ловко, молниеносным, неуловимым глазом движением метнулся в сторону, потом так же быстро оказался позади противницы, перехватил сзади – и кровь черным фонтаном рванула из ее горла. В лунном свете сверкнул медальон, слетая с порванной цепочки. Женщина захрипела. С нее спал крепко завязанный под волосами, закрывающий лицо шарф, и стало видно светлую косу и лицо девушки. Кларисса!

Убийца уложил свою жертву на пол и что-то поднял оттуда же. Потом повернулся и отошел, судя по всему, к браслету, потому что больше в комнате ничего не было. Леа с Сандором замерли, стараясь ни вздохом, ни шелестом не выдать себя. Мужчина за стеной двигался совершенно бесшумно. Это было так жутко – каждую секунду вслушиваться в тишину и ожидать, что перед тобой появится убийца с

ножом. Девушке казалось, что она прямо здесь умрет от этого ужаса. Чудилось, что ее дыхание раздается на сотни шагов вокруг, а сердце стучит – на тысячи! И попутно стали приходить в голову мысли, что она ничего не может, ничего не умеет, и если сейчас ее жизнь прервется, то ничему и не научится. Так и останется ничего не сумевшей и ничего не добившейся пустышкой. «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!» – молила она всех богов разом и каждого по отдельности.

А потом Леа с ужасом увидела, как камни из ее браслета выбрались из предназначенных для них паз и кружат вокруг запястья. А ведь они подвижны ее магией! Сейчас невольной, но тем не менее! Что если убийца ее почувствует? От страха девушка едва сама не обратилась в камень.

Время шло, но ничего не менялось. Ни звука, ни движения, зато и убийца перед глазами не появлялся тоже. Леа начала считать про себя, сообразив, что время могло, как на неприятных уроках, растянуться в восприятии. Возможно, что-то подобное сделал и Сандор, потому что на седьмой минуте от момента, когда девушка начала отсчет, опустил свою ладонь с ее рта и осторожно скользнул вперед. Девушка уже сама зажала себе рот, чувствуя, что ее трясет от страха. Камни из браслета торопливо вернулись в него, будто испуганные мышки в норку.

Сандор, помедлив пару мгновений и сделав замысловатый жест рукой, пошире приоткрыл дверь. Леа с ужасом ждала нападения. Парень сделал еще пару пазов и так заглянул в комнату, но не входя в дверь.

– Его нет, – наконец шепнул он.

– Как нет? – еле слышно удивилась Леа, с трудом оторвав руки ото рта.

– Ушел.

– Но мы же...

– Через окно.

– Эмм... а зачем?

Леа буквально заставила себя отмереть и подойти. Она хотела заглянуть в комнату, но Сандор не позволил, попросту вытянув руку перед девушкой.

– Не входи. Ты же любишь детективы. Упадет волос там или пуговица с платья, не отговоримся.

Девушка нахмурилась и вынуждена была согласиться.

– К тому же, почему он ушел через окно, действительно хороший вопрос. Думаю, – парень задрал голову и прошелся взглядом по косяку двери. Потом хмыкнул, – да, по периметру встроено заклинание. Что-то похожее стояло у нас в кладовых. Защитное ставить там, где ходит слишком много народу, нерационально, а вот то, что запоминает всех входящих, – самое то.

Тем временем взгляд Леа все-таки нашел то, что она предпочла бы не видеть. Кларисса лежала на животе, поэтому раны было не видно, а вот кровь... и запах...

– А... может, ей еще можно помочь?

– Ей перерезали горло, Леа. Я отсюда вижу, что она уже мертва.

– Тогда надо, наверное, кого-то позвать...

Юноша помолчал, потом нехотя произнес:

– Я бы не стал этого делать.

– Почему?

– Потому что обязательно подумают, что мы приложили к этому руку.

– Мы?! – Леа открыла рот и тут же его захлопнула. Да, в романах так и происходит.

– Начнут разбираться. Как ты объяснишь, что здесь делала ночью? Кстати, да, почему ты тут?

– Я... посмотреть хотела, – девушка даже без его скептического выражения лица поняла, насколько подозрительно это звучит. – Но как же мы... так ее и оставим? Это как-то... неправильно, что ли.

– Ты хочешь, чтобы тебя задержали для разбирательств в этом замке или каком-то другом месте? Вызвали родителей? Допрашивали с особым, эм, тщанием?

От ужаса у Леа чуть волосы не поднялись. Вызвали родителей... Вот подарок-то отцу будет.

– Надо уходить отсюда, – мгновенно решила она. – Только...

– Что? – Сандор явно пришел к тому же мнению, но сотрудничество и полное одобрение девушки было необходимо.

– Вот тут сбоку, совсем близко к двери, – Леа указала рукой в сторону нужного участка стены, – лежит что-то. То ли браслет Вельгарды, то ли... что-то еще. Может, если чем-то подтянуть? Не руками, ясное дело, а чем-то типа, – она огляделась, – подсвечника?

– Откуда ты знаешь? Не видно же.

– Потом расскажу. Так можешь? Или заклинание нас опознает?

Сандор задумался. Видно было, что колебался, однако ему явно тоже хотелось достать эту вещицу.

– Давай рискнем. Один момент.

На миг Леа стало страшно, что он оставил ее одну, однако через минуту юноша вернулся с кочергой. Девушка оживилась и начала указывать, где именно лежит вещица. Пришлось повозиться, чтобы и порог не пересечь никак, даже рукой, и подтянуть ее к себе.

– Это не браслет, – Сандор явно оказался разочарован. Достал носовой платок и поднял с пола овальное украшение.

– Этот медальон был днем на Клариссе. Но на нем же нет камня. А должен быть!

– Почему?

– Я его слышу, – Леа услышала голос камня, когда медальон слетал с шеи только что убитой девушки. В этот момент голос камня – сначала женский, потом мужской, и обратно – стал слышен. Она тогда подумала, а вдруг все-таки это браслет или его часть.

Удивленно глянув на девушку, Сандор подцепил край украшения и раскрыл. Внутри оказался камень. Султанит, сейчас отливающий красным, хищно глянул на них.

– Это... камень из браслета? – хриплым шепотом спросил юноша.

– Похож, – зачарованно ответила Леа, не отрывая взгляд от самоцвета. Тоже достала носовой платок и взяла им диаспор. – Нет, – спустя какое-то время произнесла она.

– Нет?

– Видишь, на нем руна, – девушка повернула камень нужным боком к Сандору. – На браслете ее не было.

– Откуда ты знаешь?

– Я же рассмотрела.

– Она неявная. Могла и не заметить.

– Не могла. Я такие вещи всегда подмечаю. И... слышу.

Сандор снова удивленно посмотрел на нее, но удержался от вопроса.

– Пошли отсюда. Не дай бог, еще кто-то захочет в одиночестве посмотреть на браслет. Или убийца вернется. За тем же медальоном.

Леа вздрогнула, инстинктивно сжав ладонь. Потом нехотя ее раскрыла.

– Надо, наверное, его тут оставить.

– Медальон оставим. – Сандор вытер украшение на всякий случай и положил прямо у двери на пол. – А про камень все равно никто не знает, – юноша взял из руки девушки самоцвет и еще раз посмотрел на него. Чего-то нового не нашел, завернул камень в свой платок и отдал ей. – Если будут искать, подкинем куда-нибудь. Пошли.

Он взял Леа за запястье и потянул к лестнице.

– Мне тоже хочется его оставить. Но зачем это делать? – страстно зашептала девушка, сунув камень в карман и подстраиваясь под его шаг, хоть это явно был не ее темп.

– С этим всем замком, браслетом, местным и приезжим народом явно что-то не так. Камень этот... Это же руна «ключ», не так ли?

– Так. И камень очень похож на тот, что в браслете Вельгарды. Я еще, конечно, почти не имею опыта, но мне кажется, это два камня из одного месторождения. Проклятье, я знаю...

Глава 17

Они прошли уже несколько коридоров, когда Сандор приоткрыл дверь какой-то комнаты. Небольшая совсем, явно мужская. Крепкие напитки и подходящие для них бокалы стояли на одном из столиков. Рядом лежали карты. Несколько кресел вокруг.

– Надо поговорить, и так, чтобы нас не подслушали. – Юноша закрыл дверь и исследовал всю комнату, не пропустив ни одного места, где мог укрыться человек. – Порядок, никого. Так что ты поняла?

– Это только мои догадки.

– Я понял, – внезапно улыбнулся Сандор. – Побольше уверенности, Леа.

– Я постараюсь, – сглотнула девушка, внезапно пораженная тем, насколько эта искренняя улыбка меняла его лицо. – В общем, нам же говорили, что браслет не подпускает к себе никого.

– Кроме хозяина.

– Надеюсь, все же это был не Вельгарда, – нервно хихикнула Леанора.

– Сомневаюсь, что ему потребовалось бы лезть в окно.

– Боги, а он что, прям по стене взбирался? Ну, убийца.

– Нет, думаю, из библиотеки.

– Из библиотеки? Но она же далеко.

– Нет, не особо, просто из-за того, что коридор виляет, кажется, что она вообще под другим углом, а на самом деле между ней и залом с браслетом всего ничего. И там есть небольшой карниз. При должной подготовке можно добраться до нужного окна.

– А ты откуда это знаешь? – подозрительно спросила девушка.

– Я закрывал окно в библиотеке. Теперь мне думается, что его открыла Кларисса, но быстро или незаметно не смогла закрыть. Вот оно и открылось. Я тогда немного полюбовался видом и обратил внимание на этот выступ, а сейчас вот представил себе планировку и понял.

Леа посмотрела на Сандора с восхищением. Парню это явно понравилось, но не сбило с мысли:

– Так что с камнем?

– С камнем?.. А, с камнем. Знаешь про лерский мрамор для стражеских башен?

За порядком в Ланьберге в городах смотрела стража, состоящая как из обычных людей, так и из магов. В их обязанности входила в том числе и ловля преступников. Для этого и для многих других дел зачастую требовалось связываться с коллегами из разных земель королевства. Приказы опять же получать. Обычные методы вроде голубиной почты и гонцов никого не устраивали. Лет шестьдесят назад группа чародеев доказала, что камни из одного месторождения, особенно из одного массива, обладают определенной памятью, и если их обработать определенным образом и наложить изобретенное заклинание, то между ними устанавливается связь, которой можно пользоваться для передачи информации. Идея оказалась настолько завлекательной, что король не поскупился на продолжение эксперимента. Результаты впечатляли.

Теперь в каждой стражеской башне^[9] был установлен постамент с косым навершием, очень похожий на узкую цельную кафедру. На этой скошенной части и появлялось изображение – иллюзорный текст, лицо начальника или какой-то предмет, который демонстрировали зрителям. Также небольшие кусочки из того же месторождения в Лерии носили маги на соответствующих должностях. Мелкие осколки не передавали картинки – максимум несколько символов, но нагревались, когда чародеев требовался начальству. Тогда его задачей было в максимально короткое время добраться до стражеской башни и выйти на связь. Чтобы оснастить все земли королевства, потребовалось почти до дна выгрести крупное месторождение мрамора. И несмотря на то что части из разных его концов связывались друг с другом плохо, лучше так, чем голубями.

Заклинания приходилось регулярно обновлять. И это при том, что практически все стражеские башни стояли в магически богатых местах, а чародеи носили амулеты вплотную к коже, подпитывая своей силой. Обычные люди пользоваться этой технологией, увы, не могли.

На волне этого открытия стали пытаться найти связь между разными камнями. Тогда и оказалось, что без дополнительной подпитки связь быстро исчезает. Определенные ритуалы, весьма и весьма затратные, с разной степенью эффективности могли ее восстановить, но, право, проще было купить только что добытые

камни. Аристократия и богатое купечество тогда так и сделали. Правда, быстро выяснилось, что подобная передача информации – дело затратное, и по факту сейчас она осталась лишь в королевских или магических учреждениях и самых состоятельных родах. В семьях попроще какое-то время носили амулеты, нагревающиеся, когда кто-то пытался связаться с родственником, но постепенно эта мода прошла. А вот знания о возможности связи между камнями остались.

– Амулеты для связи, ты это имеешь в виду? – мгновенно вспомнил Сандор.

– Именно. Раньше, до открытия связи между камнями из одного месторождения, никто не следил за тем, куда ушли одновременно добытые самоцветы. Поэтому старые украшения практически бесполезны в этом плане, разве что повезет, и какой-нибудь гарнитур сделали разом. Сам понимаешь, это не частое явление, хоть и бывает. А султанит и так трудно добывать. Там почти все идет в брак. Но если допустить, что кто-то все же нашел, скажем так, брата камня из браслета Вельгарды, провел заклинания восстановления связи. М-м-м... – глаза Леа горели от восторга. Тема абсолютно ее захватила. – Руна тоже наверняка как-то на это влияет. Так вот... Если все действительно так, то браслет мог и подпустить вора поближе.

Сандор полюбовался вдохновленной девушкой, тщательно обдумал ее слова и повертел перед глазами камень, внимательно его рассматривая.

– Похоже на вполне приличную версию, – юноша вернул довольной Леа султанит и, вновь улыбнувшись, продолжил выпытывать информацию: – Как ты его почувствовала? Что значит «слышишь камни»?

«Вот тебе и сохранила тайну», – расстроилась девушка, однако вспомнив ситуацию и то, что фактически Сандор ее спас, вздохнула и пересказала ему то, что недавно поведала Шарли про свою способность. Глаза юноши загорелись от любопытства.

– Прямо все-все чувствуешь?

– Не все, я же сказала. Только обработанные, лучше всего, давно. Чем старше камень, тем лучше слышно. И тоже не всегда, иногда само происходит, а порой надо перестраиваться, входить в особое состояние.

Юноша кивнул. Типично для любой магии. А потом шагнул ближе, осторожно взял руку девушки и положил себе на грудь. Леа растерянно захлопала глазами.

– Чувствуешь? – тихо произнес Сандор. Девушка залилась краской, хорошо, что в темноте не особо видно. – Какой камень?

Леанора ощутила себя совершеннейшей дурой и попыталась настроиться на самоцвет. Похоже, под одеждой у виконта находился какой-то кулон, но что именно? Кровь стучала в висках, мешая сосредоточиться. Волнение сказывалось. Леа невольно сделала шаг ближе, будто это помогло бы убрать раздражающие помехи. «Ну же!» – ругнулась она на себя. Пальцы девушки дрогнули, будто пытаясь прощупать форму камня под тканью. На миг стало страшно, что тот не ответится. Сандор ей тогда не поверит или будет подозревать.

Внезапно все мешающее пропало. Больше не отвлекали ни стук сердца, ни дыхание, ни недавние страхи, ни такая двусмысленная ситуация. Потому что камень запел для нее. Сначала тихо, немного рвано зазвенел какой-то инструмент вроде бубна с металлическими маленькими тарелочками, а потом зазвучал женский голос – мягкий, звонкий, немного детский, но такой родной... Леа вслушивалась, вслушивалась, не в силах оторваться от нежной, ласковой песни, сама не заметив, как начала тихо подпевать, не словами, а просто ловя ритм и повторяя пару случайных слогов.

Не сразу ей удалось вынырнуть из этой волшебной песни, обволакивающей и пленяющей. Даже слезы навернулись. Она подняла взгляд на Сандора и увидела его потрясение. И только сейчас заметила, что у юноши удивительные янтарно-медовые, будто подсвеченные изнутри глаза.

– Лунный камень, – прошептала Леа, не в силах оторваться от них. Она понимала, что стоит неприлично близко к юноше, но отступить сил не хватало. – Женский.

– Мамин, – хрипло выдохнул Сандор. – Ее песня. Любимая. Она часто ее поет.

Леа подняла на него полные сходного потрясения глаза.

– Я... когда-то ее слышала. Но не этим голосом. Раньше камни звучали только теми голосами, какие я слышала... в театре или где-то еще. Не передавали чего-то из своей истории.

– Развиваешься, – говорить юноше явно удавалось с трудом.

Сообразив, что ее ладонь все еще лежит у него на груди, Леа отступила и опустила руку. Пение оборвалось, оставив чувство потери. Сандор тоже сделал шаг назад.

— Оч-чень сильный камень. Наверное, амулет. Возможно, даже родовой. Даже если нет, то его напитали такой силой... или любовью.

Парень кивнул, но комментировать не стал. Вместо этого он перевел тему:

— Леа, мы должны молчать о том, что видели.

— Я не против, — хотя бы потому, что иначе до нее доберется отец. — Но как же убийца?

— А что мы можем про него сказать? Что он мужчина?

— Очень хорошо дерется... лазают через окна... м-да, — Леа признала, что и рост озвучить не может. Выше Клариссы, это точно, но почти все мужчины выше нее.

— Я думаю, они и сами сообразят. Судя по всему, этот убийца весьма опасен. Не нужно, чтобы он заподозрил в нас угрозу.

Тут Леа вновь стало страшно, она обхватила себя руками и кивнула.

— Нас будут допрашивать.

— Мы дворяне, нас никто не имеет права допрашивать, кроме нескольких людей в государстве. Но мы не будем отказываться от беседы с представителями властей. Главное — говорить правду. Первое — ты вечером пошла спать. Второе — кто убил Клариссу, ты не знаешь. Старайся обходить прямую ложь. Не «я не видела, кто ее убил», а «я не знаю, кто ее убил». Поняла?

Какое-то время они обсуждали, что отвечать и как себя вести. Потом замолчали, осмысливая произошедшее и вообще всю ситуацию.

— Как думаешь, Зилийские будут искать камень? — Леа похлопала по карману.

— Я сомневаюсь, что Зилийские вообще отправляли свою дочь в этот замок.

На этом месте Леанора вновь почувствовала себя дура душой.

— Она слишком хорошо дралась для виконтессы, — озвучила она только что понятое, удивляясь, что ей самой не пришла в голову эта мысль.

— И скорее всего, она тоже влезла через окно.

Молодые люди помолчали еще немного, потом Сандор немного смущенно произнес:

– Леа, я... эм... без твоего разрешения перешел на ты, – он легонько улыбнулся, – но мне кажется, после всего произошедшего это более чем уместно.

Несмотря на шок, Леа почувствовала немалое желание засмеяться.

– Ты прав, – ответила она на улыбку.

Сандор протянул руку и предложил возвращаться в комнаты. Идти назад было дико страшно. За каждым углом чудились убийцы, а любые пятна темноты на полу воспринимались как кровь. Фрески, если попадали в полосы света, пугали до жути, выглядя сейчас особо зловеще. Но юноша довел Леанору до ее комнаты, подождал, пока она проверит, нет ли там кого, и после, убедившись, что все в порядке, отправился к себе. Дошел без происшествий. Разве что один раз ему показалась, что невдалеке цокнула, приоткрываясь, чья-то дверь.

Глава 18

К утру Леа, уснувшая только к рассвету, оказалась не готова. Как и к тому, что вместе с Матишкой в комнату ворвется Шарли. Оказалось, они уже знали про убийство.

– Представляешь, – вещала виконтесса, – ее нашли в зале, где браслет! Клариссу! – дальше шел пересказ про одежду, перерезанное горло и слуг, чуть там же не улегшихся в обморок. Леа очень натурально побледнела, в отличие от подруги прекрасно теперь представлявшей, как это выглядит в реальности. Матиша тоже охала в нужных местах. – Получается, Кларисса на самом деле не Кларисса, – сделала вывод Шарли. – И фальшивые бриллианты, как ты и говорила, это именно подделки, а не копии в дорогу.

– Невероятно, – пробормотала Леа. – Я совершенно не заподозрила.

– И я! – досадливо поморщилась Шарлотта. – Матиша, вот тут пряжку пропустила. Знаешь, надо было еще по тому, как она с Матьяшем и Этьеном разговаривала, догадаться. Это вот совсем не типично для севера! И уж тем более для Зимних!

– Зимние – строги и чопорны. Это не я, это моя тетя говорит. Ее одно время туда сватали.

– Все верно, они такие. Не, ну есть нормальные, конечно, но поначалу именно такими кажутся.

– Слушай, но зачем же она была в таком наряде? Увидел бы кто-то, это ж никак не объяснить. А так... можно было сказать, что в библиотеку идет или еще что придумать.

– А слуги на что? – удивилась Матиша, ловко цепляя локоны невидимками. – Такая бы служанку, скорее, позвала.

– Не добудилась. Или не захотела будить.

– Барышня, – всплеснула руками горничная, от чего все заколки мгновенно посыпались на пол, – вы только никуда по ночам не ходите. Лучше меня будите, если книгу там или еще что! Недобрый это замок, ой не добрый, – и полезла под стул собирать невидимки.

– Матиша, – поморщилась Леа и с раздражением подумала, что слова горничной запоздали. Она не только ночью вышла из комнаты,

так еще и попала в историю.

Девушка покосилась на стул, которым подпирала дверь, потому что ей чудились толпы убийц, бродящие по коридору.

– Говорят, она спустилась с третьего этажа! – не дала себя отвлечь Шарли. – Недаром мы ее с Матьяшем на лестнице застали! Наверняка ходила изучать, откуда слезть.

Это было что-то новенькое.

– Ужас какой! Прямо с третьего этажа! Но он же закрыт.

– Если она за браслетом пришла, то что ей замок на двери?

– Действительно... Но кто же ее убил?

– Давай заканчивай уже быстрее и пойдем. Может, уже что-то известно!

– Твой энтузиазм меня пугает. Ты не боишься, что рядом с нами убийца?

– Ужасно боюсь. Поэтому очень надеюсь, что его найдут побыстрее!

Девушки вышли из комнаты, и Леа покосилась на фрески. Сегодня ей показалось, что они как-то особенно насмешливо выглядят – молчаливые свидетели ее ночных блужданий. Она передернула плечами: надо успокоиться, и так всю ночь почти не спала.

У лестницы они вновь столкнулись с Матьяшем и Анталем. Первый сегодня вырядился в бордовый камзол с серебряными пуговицами – явное подражание демону с витража. Леа даже вздрогнула, когда увидела. Шарли же только усмехнулась:

– Отличный выбор.

Юноша оскалился в улыбке в ответ.

– Если уж я вынужден носить такое лицо, то надо это обыграть.

Шарлотта рассмеялась и взяла Матьяша под руку. Леа же вцепилась в локоть Анталя и благодарно ему улыбнулась. Он проникновенно посмотрел на нее и тихо произнес:

– Лаор Варга выбрал на том витраже демона. А кого выбрали бы вы?

Леа удивленно посмотрела на него, продолжая спуск по лестнице.

– Пожалуй, тоже демона, – усмехнулась она.

Анталь засмеялся.

На самом деле Леа пугал и манил образ разноокой блондинки. Но пусть лучше она скрывает лицо маской.

Постепенно все гости подтянулись к одной из гостиных. Кто-то еще не знал, что произошло, кто-то слышал частичную версию, и самые знающие снова и снова повторяли все имеющиеся на эту минуту сведения. В какой-то момент Леа стало казаться, что она услышала все подробности уже сотню раз. Разговоры, версии, споры, даже обвинения, вопросы... Девушка почувствовала, что просто не может это выдержать, отвернулась, дошла до окна и тяжело опустилась в стоящее там кресло. Раньше она никогда не падала в обморок, но начинала подозревать, что это состояние – его предвестник.

Ее позеленевшую кожу и помутневший взгляд заметили Шарли с Сандором и подошли. Юноша принес воды, а виконтесса помахала найденными рядом нотами. Веер никто не захватил.

– Проклятье, столько глупости, – высказалась Шарлотта, – тут любой не выдержит.

Девушка злилась не зря: Марика доказывала Анталю, что Клариссу убило проклятье Вельгарды, рядом ругались Матьяш и Этьен, обвиняя друг друга, Гараи периодически задавал дурацкие вопросы типа «А точно ли ее нашли в брюках?» или «Можно ли устроить спиритический сеанс и вызвать дух убиенной?»

– А ведь Этьен знал Клариссу и до замка, – вспомнила Леа, отчаянно стараясь не переглядываться с Сандором и вообще никак не выдавать укрепившиеся отношения.

– А Матьяш преследовал ее на третьем этаже, – подхватила Шарли и быстро пересказала юноше увиденные ими сцены.

Тот внимательно оглядел обоих парней. Леа догадывалась, что он сейчас пытается сравнить их с фигурой убийцы, но наверняка у него не получится. Что они там разглядели-то? В обманчивом лунном свете... Смешно.

– Может, не он ее преследовал, а они там столкнулись? – предположил Сандор.

– Запросто! – азартно подтвердила Шарлотта.

– Матьяш выглядит зловеще, – признала Леа. – Но если Этьен плыл с ней на одном корабле, то, возможно, там он знал ее не как виконтессу, а под другим именем.

– О-о-о! – восхитилась Шарли. – Поэтому она и упала в обморок. А потом выгадала время и объяснила ему, что сделала это для безопасности.

– При всех не сделала, потому что мы бы тогда сразу отнеслись к ней с подозрением. О! И тогда яснее становится, почему она напросилась к нам. Три дворянки вызывают больше доверия.

– Значит, мы точно уверены, что она не Зилийская?

Все трое переглянулись. Пожалуй, пока они еще не были к этому готовы.

Тут вошел Джанос Хэри, и все разговоры разом стихли. Он поклонился и озвучил явно специально подготовленный текст:

– Доброе утро, дамы и господа. Наверняка вы уже слышали о трагическом событии, которое произошло этой ночью в Сольгере. Виконтесса Кларисса Зилийская действительно погибла. Смерть эта неоднозначная, поэтому в Сольгер вызван дознатчик из стражи. К счастью, оказалось, что недалеко от Тамсина находится один из королевских дознатчиков. Нам обещали, что к вечеру он будет в замке. В связи со всеми обстоятельствами я прошу вас и дальше быть гостями Сольгера, тем более мост еще не починили. А сейчас позвольте пригласить вас на завтрак.

Прошу.

Сделав изящный жест, управляющий первым направился в столовую.

– Нет, ты посмотри, каков жук, – шепотом восхитилась Шарли.

Остальные тем временем переглядывались и тонким ручейком следовали за Джаносом.

Через какое-то время все расселись, причем стулья и приборы поставили так, чтобы места Клариссы вроде как и не существовало. Леа уставилась на еду и почувствовала, что мутит от одного ее вида. Шарли подобным не страдала, быстро наполняя тарелку. Конечно, ей-то полночи вспоминать не пришлось, как вырывается кровь из располосованного горла!

Леа попросила крепкого чая и нацелилась на кекс с изюмом.

– Правда ли, что виконтесса Зилийская хотела похитить браслет Вельгарды? – дрожащим то ли от нервов, то ли от возбуждения голосом спросила Марика, вперившись в управляющего своими огромными глазами и откровенно пугая.

– Мы этого не знаем, – мужественно выдержал тот.

– Но ее убили рядом с браслетом? – уточнил Гараи.

– Да, это так.

– Она точно собиралась его похитить! – торжествующе сверкнула глазами Марика. – И проклятье Вельгарды убило ее!

– Браслет может взять только его хозяин, – поморщился Джанос. – Я уже рассказывал вам об этом.

– Так браслет на месте? – спросил Анталь, потеряв запястья под камзолом. Юноша тоже выглядел бледнее обычного и казался каким-то взбудораженным.

– Разумеется!

Вот тут Леа не выдержала и переглянулась с Сандором, а потом для конспирации – с Шарли.

– Это... успокаивает, – кивнул Анталь и добавил: – Но зачем же тогда ее убили?

– Это проклятье! – вставила Марика.

Управляющий пожал плечами. Но не выдержал почему-то Матьяш:

– Ей перерезали горло! Какое проклятье?!

– Весьма эффективное, судя по всему! – не сдавалась та.

– Проклятье – это воздействие на энергетическое тело человека с помощью ритуалов, магии или ведьмовства, – прорычал Матьяш официальное определение. – Оно может ослабить естественную защиту человека, как физическую, так и духовную, но оно действует постепенно, подспудно, а не вот так в лоб! Это убийство, а никакое не проклятье!

– Бывают и смертельные проклятья!

– Бывают! И это часто охранные чары. Однако они бьют магией, а не ножом! И фон от этой магии такой, что ощущается шагов на двести вокруг!

– Здесь толстые стены!

– Но они не увешаны защитными заклинаниями, чтобы нейтрализовать такие постэффекты!

Леа с Шарли и Сандором снова переглянулись: а Матьяш-то не так прост.

Несомненно, спор продолжился бы и дальше, однако тут в зал буквально влетела одна из служанок. Судорожно огляделась и, с

видимым усилием замедлив шаг, подошла к Джаносу Хэри и зашептала ему на ухо. Гости даже не стали изображать деликатность, с превеликим интересом наблюдая за ними. Управляющий очень умело держал лицо, но что-то его все же выдало. Хотя тут, как ни старайся, а резкий уход не замаскируешь вежливыми манерами. Не прошло и минуты, как присутствующие, включая слуг, последовали за ним.

Глава 19

Джанос направлялся в «чудовищный» зал. Молодых людей хотели притормозить у дверей, но куда там. Вся толпа ввалилась внутрь и не сразу сообразила, куда смотреть – прежде всего, притягивал взгляд вход в комнату с браслетом. Кровь, конечно, смыли, но юные маги отчетливо ощущали недавнюю смерть.

А вот потом раздался женский вскрик. Гости перевели взгляд на Марику, а она смотрела на витраж. И было на что...

За ночь тот изменился. Невероятно, но это действительно произошло. Стекло, перемычки между его кусочками поменяли места, как бы нереально это ни звучало. И все с ужасом смотрели на произошедшие метаморфозы.

Витражная картина изображала те же девять фигур, но теперь рыжая анцытка лежала на полу. Красный цвет стекла у ее горла отчетливо показывал, что девушка убита. Рядом по-прежнему стоял серебряноволосый остроухий куури, но сейчас он в ужасе прижимал руки к лицу. Блондин в чешуйчатых доспехах и девушки по обе стороны от него явно повернулись к убитой и выглядели такими же потрясенными или даже испуганными. А вот кукла и мужчина в темной форме остались равнодушны. Шут на окне теперь явно смотрел на убитую. Но второе разительное изменение касалось брюнета в наряде демона и краснокожей маске. Его руки по запястья стали красными – как будто он запятнал их в крови. Того же цвета, что и у горла девушки.

Как-то так получилось, что взгляды всех скрестились на Матьяше. Тот, похоже, был совсем не рад уже, что выбрал сегодня такой наряд. Чем дольше смотрели люди то на витраж, то на молодого чародея, тем больше находили сходства. Вслух обвинения не прозвучали, но парень сам не выдержал:

– Да что вы на меня смотрите?!

– Это ты ее убил! – дрожащим от эмоций голосом провозгласила Марика. – Ты! И руки у тебя по локоть в крови!

– По запястья, – забавляясь, поправил Антадь.

– Что за бред?! – возмутился Матьяш. – Я ее не трогал!

– А почему руки в крови?!

Будто зачарованный, он посмотрел на ладони, и многим показалось, что отсвет с витража действительно открасил их в алый, пусть на мгновение, но все же.

– Марика, не надо, – Гараи было неудобно за сестру. – Лаор Варга, она ничего такого не имела в виду...

– Имела! – тут же возмутилась та. – Почему вы все молчите?! – требовательным взглядом она обвела присутствующих. – Даже замок – замок! – не остался равнодушным! А вы готовы смолчать?! Неужели потеря человеческой жизни не тронула ваши души?!

В другое время Леа на столь пафосные речи только бы поморщилась, но вспомнила уверенное движение убийцы, темную в свете луны кровь, брызнувшую из горла девушки, и ощущение ужаса от ожидания. Тишина, наполненная страхом... Как их только не засекли... Боги, неужели это и правда произошло именно с ней? Произошло на самом деле? Но был ли тот человек Матьяшем?

– Марика, прекрати, – вновь поморщился Гараи.

– Этот витраж раньше проделывал подобные трюки, лаор Хэри? – обратился к управляющему Сандор.

Тот явно тянул с ответом. Да и когда заговорил, явно врал:

– Только по легендам. Якобы такое случалось. Не уверен...

Гараи усмехнулся, но промолчал. Да в принципе никто особо и не поверил в сказанное.

– Волшебный витраж, – покачала головой Шарли. – Я и не представляла, что такое существует.

– Здесь жил Вельгарда! – переключилась с гнева на восторг Марика.

В этот раз поспорить с ней не получалось. Чем еще объяснить подобные чудеса?

– Но можем ли мы принять на веру это такое свидетельство? – продолжил Сандор. – Вельгарда всегда славился своими злыми шутками. Однако подозрения никогда на пользу не шли. Матьяш, давай лучше обсудим этот вопрос, прежде чем он разрушит доверие.

Нельзя сказать, что кто-то тут особо доверял парню с демоническим лицом, но выслушать его никто не отказался. Сам Матьяш зачем-то бросил взгляд на Этьена, но тот рассматривал

практически одинаковые плитки пола. Потом Варга увидел лица остальных и тяжело вздохнул.

– Давайте обсудим. Но я ее не убивал! Более того, я ее пытался спасти! Но было уже поздно!

– Спасти?

– Да, это я ее нашел, – сжав кулаки, ответил Матьяш. – Я всегда рано встаю. Решил прогуляться, посмотреть еще раз на зал, браслет. И увидел ее. Я... пытался помочь, но было поздно. Давно поздно.

– Тогда и замарался в крови?

– Да демоны тебя побери, Сандор! Я сразу понял, что она мертва, но проверить же надо было! Если бы я ошибся, то счет шел на секунды!

– А ты смог бы ей помочь? – удивился виконт.

– Не уверен, но я должен был попытаться!

– Почему?

– А что, вот так все оставить? Я целитель! Я клятву давал!

– Ты целитель?! – выдохнули, кажется, все.

– Да! Да, демоны побери! – почти орал Матьяш. – Это мой «нестихийный» талант! И дар у меня один из сильнейших! Этьен, подтверди! Или, как обычно, пакостить будешь?!

Рыжий вскинул голову и злобно уставился на соседа. Поединок взглядов длился не меньше минуты.

– Матьяш Варга действительно целитель, – скривился Этьен. – Один из сильнейших в наших землях в своем поколении, – процедил он явно через силу. – И самомнение у него такое же!

– И буду еще сильнее, когда выучусь!

– Самомнение так точно вырастет!

– Завидуешь?

Взгляд Этьена полыхнул.

– Твой дар не означает, что ты не убивал. Вот уж чем-чем, а выдержкой ты никогда не славился, не так ли, Матьяш? Сколько раз тебя собирались исключить из гимназии? Пять или шесть, напомни?

– И четыре из них из-за тебя! И твоих выходок. Тут тоже решил нагадить?

– Всегда только в ответ! Так что отвечай за себя.

– Я тебе ща отвечу. – Матьяш шагнул вперед, но перед ним будто из ниоткуда вырос Гараи.

– Не надо, лаор Варга. Драка никому не поможет.

– А я и не собираюсь драться. Этому уроду и пары тумачков хватит, чтобы он побежал жаловаться.

– Господа, прекратите, прошу вас! – Марика встала рядом с братом. – Тут же девушки.

Леа с Шарли переглянулись, и вторая наклонилась к подруге, шепнув:

– А я бы послушала.

Та кивнула. Фраза Шарлотты насмешила, но, признаться, у Леа тряслись поджилки при воспоминании о том, как она стояла вон в том углу и дрожала от ужаса.

– Однако же вы общались с ла-оритой Зилийской наедине, не так ли, лаор Варга? – внезапно улыбнулся Анталь.

– Не было такого, – тут же отшатнулся Матьяш.

– В самом деле? – сложив руки на груди, смотрел на него Ференц. – Может, все-таки вспомните?

– Не помню, – продолжил упорствовать тот. – Может, пару минут перед обедом или ужином, не помню, в общем. В любом случае это ничего не значило.

Молодые люди уставились друг на друга, скрестив взгляды как мечи. И никто не собирался отступить.

– На лестнице на третий этаж, – решила влезть в это противостояние Шарли. Матьяш вздрогнул и яростно посмотрел на подруг, но виконтессу это не остановило: – Вы ругались.

– На третий этаж? – ехидно спросил Этьен. – А что ты там делал, а, сосед?

– Тебя не спросил! – окрысился тут же Матьяш, потом попытался взять себя в руки. – Я не поднимался на третий этаж. Я увидел там Клариссу и захотел с ней поговорить.

– О чем же?

– А вот это никого из вас не касается, – высокомерно процедил Матьяш. – Я не на допросе, а вы не дознатчики. – Сообразив это, он выпрямился и напустил на себя неприступный вид, совершенно не вязавшийся с его огненным темпераментом. – И то, что я вам отвечал, объясняется моим хорошим к вам отношением как к будущим сокурсникам. Но все имеет свои пределы. Обвинять меня ни у кого из вас права нет.

– Вас никто и не обвиняет, лаор Варга, – откашлявшись, заявил управляющий. – Скорее, нами движет желание разобраться в этих непростых обстоятельствах. Кстати, а вы не были знакомы с ла-оритой Зилийской до приезда в Сольгер?

– Я – нет, – злорадно ответил Матьяш, – а вот рыжий – да. Да так знаком, что при виде него девушка упала в обморок. Что ты ей такое сделал, а, Этьен?

– Ничего я ей не делал! Мы просто плыли на корабле вместе. Я, разумеется, заинтересовался ею, – покаянно признался тот, – а кто бы не заинтересовался? Мне поначалу даже казалось, что Кларисса весьма благосклонно принимает мои ухаживания. Но в Сольгере она ясно дала понять, что не заинтересована в них. Я не стал настаивать, – говорить все это Этьену явно удавалось через силу. Он отлично держался, однако обида все-таки вылезла: – Наверное, увидела кандидатов по... интереснее, – и глянул на Сандора, явно имея в виду «побогаче» или «познатнее».

Виконт спокойно кивнул.

– Я тоже сначала принял нашу беседу в библиотеке за, скажем так, матримониальный интерес со стороны девушки, которую мы знаем как Клариссу Зилийскую, – он невольно скосил взгляд в сторону комнаты с браслетом. – Но теперь мне кажется, что она искала разные способы пробраться к реликвии.

– А почему нельзя было через дверь войти? – удивилась Марика.

Тут и выяснилось, что Сандор прав в своих выводах по поводу заклинания на косяке двери: оно действительно фиксировало всех заходящих в комнату.

– В обычной ситуации мы не проверяем эти данные. Но если бы браслет действительно похитили, то это было бы первым же действием, – охотно делился Джанос.

– Здесь речь идет об убийстве, – нахмурилась Шарли, – куда более серьезном преступлении. Вы же проверили данные? – Она огляделась. – Я так понимаю, убийца не среди нас?

– Уверен в этом. Ночью в комнату никто не входил, – кивнул управляющий. – Через дверь, разумеется. Даже ла-орита Зилийская. Получается, она действительно пробралась или через третий этаж, или из библиотеки.

– Или заклинание сломалось, – вставил Анталь. – Его могли испортить или обмануть.

– Поверьте, лаор Ференц, проще по веревке сверху спуститься.

Юноша с какой-то непонятной иронией глянул на управляющего и пожал плечами.

– Как скажете, тут вам лучше знать, – получилось на редкость двусмысленно.

Леа же подошла к одному из открытых – явно пытались спешно проветрить, брр – окон и выглянула. Голая стена, ни единого выступа. Тот же, про который говорил Сандор, еле проглядывался, но это из-за угла обзора. Девушка задрала голову вверх. В целом, если привязать там веревку, то ничего невозможного нет. Кузены Леаноры, даже не упираясь в стену, лазили по канату не хуже белки. А убийца был отлично подготовлен. Похоже, и Кларисса тоже. Интересно, кто она на самом деле? Акробатка? Профессиональная воровка? Леа посмотрела на витраж. Там у убитой девушки – рыжие волосы и костюм анцытки. Этих с детства учат практически как мальчишек.

Еще раз покосившись на витраж, Леанора поймала себя на том, что ужасно трусит, но одновременно хочет оказаться поближе к месту убийства. Этакое не самое приличное желание посмотреть на драку, хотя разумнее оказаться от нее как можно дальше. Вот и сейчас... А еще браслет. Она ночью так и не дошла до него. Девушка невольно шагнула вперед, но уйти из зала все же не решилась. Вместо этого она оказалась на том месте, где они вчера с Сандором стояли в темноте, ожидая убийцу. Жуть какая... Вот и химера, или кто она там, в которую она вчера упиралась. Похожая на львенка, с куцыми крылышками и какими-то наростами на спине, она сейчас показалась Леа более живой, чем остальные, и с любопытством глядящей на происходящее. Девушка дотронулась до забавной мордочки и погладила. Хорошо, что этой химере не пришлось видеть еще и их убийство.

– А что на втором этаже над залом? – поинтересовался Гараи.

– Там ничего нет. Этот зал по высоте занимает два этажа, – откликнулся Джанос.

– А на третьем? – спросил Сандор.

– Комнаты хозяина, – с застывшим лицом ответил управляющий. – Сейчас пустующие.

В зал решительно зашел кто-то из стражей и направился к Хэри.

– Мы нашли место, откуда убийца спустился, – отрапортовал
войка.

– Значит, все-таки третий этаж, – поморщился Джанос.

– Не так все просто. Не хотите ли взглянуть?

Глава 20

Хотели все. Управляющий отправился за стражником, а гости потянулись следом. Он, может, и собирался от них избавиться, но не получилось. Никакие увещания не действовали. А вот Леа в толпе прочих не пошла. Что она там не видела? Зато выпала чудесная возможность посмотреть-таки в одиночестве на браслет. Леанора сначала сделала вид, что идет за остальными, дождалась, когда все выйдут, и вернулась к месту, где они ночью с Сандором прятались. Как же близко к убийце они стояли! И как близко друг к другу! Девушка вспомнила, что мама говорила ей перед отъездом. Проклятье, не прошло и нескольких дней, а она уже умудрилась нарушить почти все ее заветы! Раньше Леа действительно была очень покладистой девочкой, которая весьма редко доставляла неприятности. Самые большие – это с глазами, но это даже не ее вина. И вот тебе раз! И недели не минуло.

«Ладно, я подумаю об этом потом. Сейчас браслет... Где я еще такую ценность увижу?» Леа застыла перед проемом двери. Именно в этот деревянный короб встроено заклинание. Но она же ничего такого не собирается делать, только посмотрит... Взгляд уперся в каменные полы. Совершенно чистые. Кто-то из прислуги немало постарался, похоже. Леа передернула плечами. Быстро местные подсустились. Раз – и никаких следов. А в книжках место преступления всегда изучал дознаватель. Видимо, это в крупных городах, а в глуши предпочитали скоренько все скрыть. Девушка немного еще поколебалась, потом подошла к стойке с браслетом, обойдя так, чтобы избежать места, где лежал труп и куда попала кровь. Трусила Леанора изрядно, но устоять перед любопытством не могла.

И вот он снова перед ней. Химеры вцепились в желтоватый – сейчас – камень. Какая же интересная работа. Откровенно мужской, но такой привлекательный... Она хотела бы такой иметь. Владеть им... Девушка всматривалась в переплетения узоров, поражаясь их прихотливости и пытаясь поймать тот настрой, в каком слышала голос камня. Как же все-таки сложно... Иногда ничто не предвещает, а он звучит так, что кажется реальным. А порой напрягайся не напрягайся –

ничего. Кстати, странно, в прошлый раз он не молчал. Да и его брат пел очень активно. Может, какие-то заклинания дополнительные поставили? Девушка понятия не имела, может ли чужая магия ей помешать. Потом Леа сделала еще одно усилие, и голос все-таки зазвенел в сознании, наполняя радостью и ощущением чистой красоты...

– Все-таки удивительный стиль, – от прозвучавшего замечания Леанора подскочила на месте. Сердце зашлось как бешеное. Несколько жутких мгновений ушло на то, чтобы осознать, что перед ней Шарли. – Такой... загадочный. Смотрю – и не оторваться. А ты наверняка на камень налюбоваться не можешь?

Леа вновь вздрогнула и уставилась на стойку с браслетом.

– Это не он.

Теперь ошарашенно смотрела уже Шарлотта.

– Поясни, – наконец взяла она себя в руки.

Предварительно оглянувшись и не заметив никого чужого, Леа озвучила свою догадку:

– Это не тот камень, что был вчера, – девушка серьезным взглядом дала понять, что не шутит. – Или заменили камень, но зачем? – или... весь браслет – подделка.

– Подделка?

– Похоже, кто-то его все-таки украл.

Теперь оглядывалась уже Шарли, даже метнулась к двери и подозрительно оглядела «чудовищный» зал. Удовлетворившись его пустотой, девушка вернулась к стенду.

– Убийца?

– Или Кларисса.

– Ты уверена?

– Это султанит, хорошего качества, но голос другой. Тот был сильнее.

– Ты же говорила, что различаешь только типы камней.

– Похоже, уже не только.

– Ого. Это явно от потрясения.

Леанора вспомнила, как стояла с зажатым ртом буквально в паре шагов от убийцы, мгновение назад хладнокровно перерезавшего горло молодой девушке, и согласилась. Потрясение, еще какое.

– Возможно, Клариссе удалось снять браслет со стенда, а убийца забрал его, – рассудила Шарли, разглядывая браслет с новым интересом.

– Не просто снять, а заменить на подделку. У кого-то из них была подделка.

– Может, даже у обоих. Слушай, похоже, два вора столкнулись на месте кражи.

– Залезли из разных окон... Или оба из библиотеки. Если с третьего этажа, то один заметил бы веревку другого и дождался бы с добычей.

– Действительно. Чего напрягаться-то? Самому лезть.

Девушки переглянулись, одновременно подумав, что речи, мягко говоря, не для барышень. Леа передернула плечами.

– Два вора, влезшие из разных окон и столкнувшиеся у предмета кражи, – это очень в духе Вельгарды, – заметила Леа.

– Это точно. Его шутки всегда плохо заканчивались, – согласилась Шарли. – Как думаешь, убийца – Матьяш?

«Кажется, я начинаю привыкать к разговорам об убийстве», – скептически подумала Леанора и вспомнила фигуру мужчины, виденного только в изменчивом свете луны. Представила на его месте Матьяша.

– Не знаю, – она едва не сказала «не похож». – Но как-то не представляется он в роли вора драгоценностей.

– Я думаю, браслет украли не ради его ювелирной ценности. – Шарли замерла там, где лежала убитая. Леа поспешила отвести взгляд. – Скорее, это какие-то поклонники Вельгарды. Фанатики, может, даже.

– Если поклонники, то это Марика, – усмехнулась Леа.

– Слишком откровенно, – поморщилась Шарлотта.

– Думаешь, игра?

– Может, и нет. Но если бы замышляла кражу, то вела бы себя потише.

– Может, это хорошая маскировка. – Леанора пыталась понять, мог ли убийца оказаться тоже девушкой. Грудь у Марики небольшая. Но все же нет, там была мужская фигура. Или нет? Плечи вроде бы широкие, а бедра узкие, но не игра ли эта ее воображения, подогнавшая воспоминания под представления о злодее? С другой

стороны, картинку в голове будто выжгли, настолько она была ярка. Если мозг может заменить даже ее, то он силен.

– Хорошая маскировка – это у Клариссы. У меня и сомнения не возникло... Даже после ее ссор с Матьяшем и Этьеном. Слушай, а может, убийца – Сандор?

– Точно не он, – не подумав, выпалила Леа.

– Я так и знала, что он тебе понравился! – засмеялась Шарли.

– Дело не в этом!

«Проклятье, а что сказать-то?»

– В общем, я точно знаю, эм, где он был во время убийства.

Шарлотта уставилась на нее с восторгом.

– Только не говори, что ты уже и... роман завела!

– Да какой роман, Шарли?! Нет!

– А что же ты с ним по ночам общаешься?!

– Это случайно!

– Ага! Значит, ты ночью с ним встречалась!

– Шарли! Я приличная девушка! Что ты говоришь?!

– А я и не говорю, что специально, но где-то же вы пересеклись ночью. И откуда ты знаешь, что это было именно во время убийства? Мы же точное время не знаем. Или вы всю ночь где-то заседали?

Леа тихо взвыла. Проклятье! Вот так и попадаютсся!

– Так, похоже, нам нужно согласовать наши показания, – в комнату с усмешкой вступил Сандор.

Бесшумное появление, да еще с настолько книжно-детективной фразой произвело немалый эффект. По крайней мере, обе девушки застыли с открытыми ртами. Потом Шарли его с отчетливым щелчком захлопнула, подозрительно оглядела обоих и спросила:

– А не вы ли в паре отправили Клариссу на тот свет?

Глава 21

Леанора испытала жгучее желание побиться головой о стену. Вот прямо о какую-нибудь из химер. Лоб в лоб. Сандор же откровенно веселился.

– Леа, считаю, в сложившейся ситуации мы можем рассказать Шарли правду. Твое мнение?

«Это он намекает, что я уже проговорила, и боится, что подозревающая нас Шарли выложит все дознавателю», – подумала девушка.

– Ты прав, – смиренно кивнула она.

– Отлично, – Сандор с улыбкой повернулся к Шарлотте. – Если ты докажешь нам, что действительно та, за кого себя выдаешь.

Обе девушки опешили. Потом подозрительно друг на друга уставились. А ведь и правда...

– У меня есть документы, – неуверенно произнесла Шарли, уже представляя, что ей ответят.

– Уверен, у Клариссы они тоже были, – не разочаровал ее Сандор.

Тем не менее виконтесса возмущенно уставилась на него.

– И что ты предлагаешь?

Парень явно придумал ответ на этот вопрос, еще только поднимая тему, но мстительно выдержал паузу.

– Идемте в сад. Уверен, там найдется нужное дерево.

Через полчаса блужданий по парку троица нашла то, что искала.

– Не понимаю я местной архитектуры, – в процессе поисков проворчала Шарли, оглядывая замок. Им пришлось выйти за стены: сад действительно разбили, но снаружи. – По всем правилам фортификации деревья не должны расти так близко к замку. Враг же может подобраться незаметно!

– Этот замок построили, – начал Сандор, – когда необходимость в подобной фортификации уже отпала. А может, переделали. Но я бы ставил на первое. Слишком много в нем того, что мешает обороне. Да и от кого тут обороняться? До моря далеко. Войска могут прийти только оттуда. По факту это просто стилизованный дворец.

– Но зачем тогда строить замок вместо дворца? Дорого же.

– Может, нравится? – пожал плечами Сандор.

– Или мы чего-то не знаем, – Леа нахмурилась. – Возможно, есть от кого защищаться. Нечисть или нежить, к примеру. Какая-нибудь местная. Которая не возьмет крепость штурмом, но может перебраться через забор и воспользоваться большими окнами, какие непременно будут во дворце. Однако это не повод отказываться от парка.

Онный кстати располагался справа от основной дороги и выглядел больше похожим на сад. Никаких тебе статуй или беседок. Узкие дорожки, устланные каким-то мелким пористым красноватым камнем, простые деревянные лавочки и много-много плодовых деревьев.

– Кстати, да. Когда мы сюда ехали, почувствовали что-то этакое, – Шарли покрутила рукой в воздухе. – Может, и воображение, но возницы гнали коней на износ.

– Но при этом в замке не остались, – вставила Леа.

– Может, остались рядом. Там, где живут некоторые слуги. Кстати, вот она.

Все трое уставились на старую яблоню, пытаясь найти известные признаки. Шарлотта, разумеется, просто узнала вид – по форме листьев, плодов и прочее, а вот Леа с Сандором принялись искать на стволе характерные пятна, которые при должном воображении складывались в княжеский герб. Нашли.

Именно такие деревья окружали Яблоневый Храм, в котором князья подтверждали чистоту своей крови и право на Летний трон. Найденное дерево выглядело старым, но явно принадлежало к числу тех, что не перестают плодоносить никогда. Толстый ствол на высоте в половину человеческого роста разделялся на несколько тонких. На один из них Шарли уверенно положила руку. Сандор, сам предложивший эту идею, вдруг заколебался, но потом тряхнул головой и тоже прижал ладонь к коре дерева. Та оказалась шероховатой и немного теплой. Леа сцепила руки сзади и смущенно улыбнулась.

– Князей Лета в роду не было, – со смущенным смешком пояснила она.

Ее спутники просто кивнули и поглядели друг на друга. Этот вид яблонь назывался Княжеским. По легенде именно около такой красавицы боги вручили власть первому правителю над Летними землями. Якобы с тех пор и появилась на ее стволе отметка в виде его

герба. Так же этот сорт отличался удивительной особенностью: ни один маг, чародей или ведьма не могли заставить его расти быстрее, чем заложено природой.

Сандор, стараясь прогнать из головы внезапно возникшие сомнения, крепче сжал пальцы на стволе и четко произнес:

– Зову живых.

– Зову мертвых, – тут же подхватила Шарли, не отрывая ладони от шершавой коры.

– Весь свой род, сколько его есть.

– Весь свой род, сколько его будет.

– Клянусь кровью князей рода моего, – юноша вдохнул поглубже, – я – Александр Чард, сын Гиозо Чарда и Ксиллы Чард, урожденной Толнай.

Во время этого ритуала назывались только настоящие имена, никаких титулов. Какое-то время ничего не происходило, отчего занервничали все трое. И так же втроем ощутили изменение. Походило оно на толчок крови в висках, от которого внутри что-то задрожало, полыхнуло, как от глотка крепкого алкоголя. Кора под рукой Сандора сдвинулась, и рядом с его ладонью появился росток еще одной веточки. Она тянулась, тянулась, крепла, выросла до длины в локоть и обзавелась кокетливым цветочком.

Виконтесса уважительно кивнула юноше и, глубоко вдохнув, произнесла:

– Клянусь кровью князей рода моего, я – Шарлотта Имре-Натъярская, дочь Золтана Имре-Натъярского и Эвайны Имре-Натъярской, урожденной Лантос.

В этот раз яблоня не стала делать драматических пауз и вырастила веточку почти сразу, украсив цветком и ее.

Да, никакой маг или ведьма не мог заставить княжескую яблоню изменить ход своего роста, но любой человек, в жилах которого текла кровь князей, мог это сделать. Если не врал. Дерево отзывалось в ответ на важные вопросы или клятвы и не реагировало, если произнесли ложь. Ни магией, ни наукой это действие никак не подтверждалось. И в суде подобное доказательство не приняли бы. Однако старая знать верила в этот ритуал. О нем рассказывали только своим – родне и вассалам с древней кровью. Леа узнала о нем от матери, та – от своих

родителей. А вот барон Орманди мог и не ведать о подобном «дикарстве».

Признаться, Шарли оказалась немного уязвлена тем, что их с Сандором веточки выросли практически идентичными, а значит, степень близости к князьям Лета была примерно одинаковой. А ведь в родословной Имре-Натъярских насчитывалось восемь князей и княжон! И это только официально. Получается, Чарды столь же часто роднились с правящей семьей. Но точно не в последнюю пару веков, иначе она бы запомнила. Учили же! Девушка потянулась, сорвала яблоко и, по-простому обтерев его о платье, откусила. Сандор только усмехнулся, сорвал два плода и один из них – покраснее и посимпатичнее – протянул Леа. Считалось, что собирать урожай прямо с веток тоже могли только люди с княжеской кровью. Для остальных – паданцы. Обе девушки оценили жест.

– Если мы выяснили, кто есть кто, то давайте разберем и остальное, – предложила Шарли.

– Я не доказала, – просто сказала Леа, но ее подруга только отмахнулась.

– Итак, рассказывайте, – Шарлотта показательно огляделась. Здесь, посреди сада, никто подслушать не мог, все на виду.

Сандор с Леа посмотрели друг на друга. Девушка пожала плечами. Как правильно поступить, она не знала. Шарли она доверяла, но тайна на то и тайна, чтобы о ней молчать. Однако подозрения от подруги – это плохо. Юноша же давно понял, что эти двое идут в комплекте, хоть и познакомились не так давно. Дружба, родившаяся в студенчестве, зачастую проходит через всю жизнь. И ему отчаянно хотелось, чтобы у него тоже появились такие друзья. Правда, раньше он представлял, что это будут парни. Но, может, так даже лучше.

В конце концов, они с Леа ничего плохого не сделали, а Шарли – точно не убийца. Грудь, судя по декольте, у нее не накладная, а такую не утянешь даже самым жестким бельем. Девушка, конечно, может, оказаться сообщницей, но Сандор в это не верил. Впрочем, если и сообщница, то пусть знает, что они толком ничего не видели.

И он рассказал.

– Вот вы даете, – с завистью выдохнула Шарли.

– Мне теперь кошмары снятся, – поделилась Леа.

– Я тебе настойки накапаю. И теперь ты утверждаешь, что браслет – подделка?

– Правда? – заинтересовался Сандор. – Почему?

– Не тот голос, – пожала плечами Леа и описала свои ощущения.

– Получается, убийца все-таки украл браслет, – расстроился юноша.

– Мне это тоже не нравится.

– Слушай, Леа, – выдохнула пораженная идеей Шарли, – а ты же сможешь почувствовать браслет на человеке?

– Да. Если он, конечно, запоет, это не всегда случается, – кивнула та. – И если окажусь достаточно близко. Хотя...

– Хотя? – подтолкнула задумавшуюся подругу виконтесса.

– Тогда, на постоялом дворе, когда садились в кареты... Мне кажется, я услышала султанит тогда. Просто не поняла. А расстояние было приличное. Демоны, совершенно не понимаю, как это все работает, – увидев по лицам собеседников, что ее сейчас будут утешать, поспешила перевести тему. – Ты же не думаешь, что убийца будет носить краденый браслет Вельгарды на руке? Даже если найдут в комнате, можно сказать, что подкинули, а на руке – это демонстративно заявить, что ты преступник.

Шарлотта вздохнула, признавая ее правоту.

– Хотя я бы не удержалась, – призналась сама Леа. – Не носить, но хотя бы примерить. Он будто звал меня весь вечер и ночь. Я, конечно, понимаю, что это собственное любопытство, но нам рассказывали, что есть некоторые артефакты, которые могут влиять на сознание.

– Вельгарда был тот еще шутник, я бы не удивился, вложи он в своей браслет дурманящие чары, – поморщился Сандор. – Но все же не стал бы надеяться, что убийца так глупо попадется.

– А вы точно не поняли, кто это? Хотя бы примерно?

– Точно не ты, – засмеялась Леа.

– Почему? – даже немного обиделась Шарли.

Ее подруга выразительно опустила взгляд ей в вырез платья, и виконтесса поняливо хмыкнула.

– А вот Марика могла бы и подойти.

– Не хотелось бы, чтобы это была ла-орита Дерех, – произнес Сандор.

– Почему? – удивилась Леанора.

– Я, хм, испугался тогда, – признался он. – Нет, обнаружь нас убийца, я бы сражался, но тогда подумал, что он более умелый в борьбе, чем я. По моему мужскому самолюбию, – усмехнулся юноша, – ударит, если столь искусным бойцом окажется девушка.

– Я бы на нее, кстати, не поставила, – задумчиво ответила Шарли. – Но я и Клариссу не подозревала. А как вам ее брат?

– У Клариссы был брат?

– Нет, я про Гараи Дереха.

– А-а. Запросто, – кивнула Леа. – Мы про него все равно ничего не знаем. Но вообще Матьяш и Этьен мне кажутся более перспективными, – усмехнулась она, – как убийцы.

– А Антадь?

– Он тоже. Но эти двое с ней явно как-то взаимодействовали. Причем наедине. Может, те ссоры, что мы видели, – это попытки скрыть отношения или напарников, или, наоборот, соперников.

– Но не любовников? – спросила Шарли.

На этом месте Леа задумалась.

– Возможно. Этьену она явно нравится. Он злился, когда Кларисса флиртowała с Матьяшем.

Они немного помолчали, осознав, как мало знают про людей, с которыми делили кров и стол. В этот момент молодые люди дошли до небольшого открытого пятка, на котором устроили огородик с травами. Шарлотта с интересом подошла их изучить.

– Кто-то тут неплохо дружит с целительством, – сообщила она, отвлекая Сандора от дарения ромашки смущающейся Леа. Тот проделывал все картинно куртуазно, а девушка так же показательно жеманничала, что веселило их обоих. – Или с ведьмовством.

– Ужас какой, – не отрывая взгляда от розовеющих щечек Леаноры, признал виконт, а та добавила:

– Кошмар просто.

– С другой стороны, тут далеко до больниц и городов, обязательно должен быть свой лекарь, – продолжила Шарли. – Или хотя бы знахарь. О, какая интересная травка!

– И что с ней? – Сандор так приложился губами к пальчикам Леа.

– Ее мало кто знает. Вы чем там занимаетесь? – виконтесса вернулась к компании и решительно развела парочку, дабы

продолжить конструктивный диалог. Через какое-то время он и правда возобновился.

– Меня очень тревожит, – признался Александр, – витраж. И сам факт, что он изменился, и то, как он это сделал.

– Меня тоже, – кивнула Шарлотта. – А что если он действительно волшебный, и те девять фигур на них – мы?

– О, мне кажется, Антадь что-то на эту тему говорил, – вспомнила Леа. – Но мы успели обсудить только то, что Матьяш выбрал себе фигуру демона.

– Немудрено, – хмыкнула Шарли. – Но он целитель.

– Целители тоже бывают с руками по локоть в крови, – заметил Сандор. – Правда, это все же вариант не типичный.

– Меня он пугает, – призналась Леа. – Слишком много в нем всего...

– Какое точное определение, – пробормотал юноша.

– А мне именно поэтому он кажется хорошим, – Шарли чуть нахмурилась. – Я знаю такой тип мужчин. У нас таких много. Они смелые до дури, сильные до перебора, громогласные, шумные, нетактичные и зачастую раздражающие. Но большинство из них – верные и хорошие. И, как правило, они не способны на подлость. Убить – да, могут, даже женщину. Но не ножом по горлу и не спустившись по веревке для кражи браслета. С другой стороны, такой ли Матьяш или меня подводит незнание людей? Мы склонны искать знакомое в чужих. Так те становятся чуть менее подозрительными и опасными.

– Надо с ним поговорить, – задумчиво заметил Сандор. – Может, расскажет что-нибудь интересное.

– Если он виноват, то вряд ли, – не согласилась Шарли. – Но поговорить надо.

– Знаете, а может, все же Этьен? – Леа поежилась. – Он еще с корабля имел на Клариссу виды.

– Тогда зачем убивать?

– Этьену постоянно достается по самолюбию, – задумчиво проговорила Шарлотта. – Обратили внимание?

– А Гараи соврал насчет своего умения, – вдруг произнес Сандор. – Про то, что чувствует ложь.

– С чего ты взял? – обе девушки очень удивились и немного, признаться, обрадовались.

– После его признания я два раза ему соврал, а он даже не поморщился.

– Может, не хотел тебя уличать во лжи?

– Или работает не всегда? Как у меня с камнями.

– А может, и правда... – Сандор оборвал себя на середине фразы и остановился. Подруги удивленно посмотрели на него. – Девушки, постойте-ка здесь минутку. Прошу вас.

Глава 22

Голос юноши прозвучал настолько серьезно, что Леа, а за ней и Шарли, и не подумали воспротивиться. Сандор пошел вперед без них. Чем привлек его этот участок сада, девушки пока не понимали. Яблони – но не княжеские, сливы, груши, побеленные стволы, разлапистые ветки, наливающиеся соком плоды, зеленая травка. Юноша же шел вперед так, будто ожидал чего-то плохого. Не нападения, но... близко. Леа вдруг тоже все показалось подозрительным. Никаких работников в саду. Тишина, обманчивая в своей безопасности, – напади кто, никто не услышит. Крик затеряется в кривых ветвях, сольется с голосами птиц. Полдень подкрался незаметно. Его зной давил даже через листву. Оттого и попряталось все, только тяжелый гул насекомых нарушал дневное молчание. Если так подумать, то это время подходило для убийства почти так же, как ночь.

Тряхнув головой, Леа попыталась выбить из нее мысли об убийствах, убеждая себя, что подобное в обычной жизни случается очень редко. Большинство и вовсе никогда не сталкивается с такими ситуациями.

– Там кто-то лежит, – тихо произнесла Шарли, за пару минут отсутствия Сандора извертевшаяся на месте. Сейчас она тянула шею и так сильно наклонилась влево, что Леа взяла ее под руку, дабы удержать, если будет падать, и только потом осознала ее слова.

– Лежит? – произнесла она трагическим шепотом, от которого самой стало стыдно. Где ее выдержка?

– Похоже на женскую юбку... Или это плащ?

Там, где стоял Сандор, трава росла где-то по щиколотку, а землю изрыхлили канавки в полшага глубиной и пару локтей в ширину. И вот частично в одной из них непонятное нечто и лежало. Бесформенное пятно темного неяркого цвета.

Девушки бочком сдвинулись в сторону для лучшего обзора. Виконт подозрительно оглядывался вокруг. Потом присел, рассматривая находку.

– Ну что там, Сандор?

Парень только отмахнулся, Шарли чуть ли не зарычала от нетерпения. Леа же вертела головой в разные стороны. А ведь тут и правда тихое место. Со стен никто не разглядит, что происходит. А зайти и уйти можно множеством способом. Из замка наверняка есть не один выход. И на дорогу можно выбраться. Где-то тут еще деревня. Девушка положила ладонь на толстую ветку яблони, растущей совсем близко. Убегать здесь непросто. Земля неровная, тропинок мало, ветки низкие, а с утра наверняка еще и роса была. Или дело случилось позже?

Леанору самому поразило, как спокойно она рассуждает об убийстве. Потом она подумала, что на самом деле до равнодушия ей далеко. Внутри все дрожит от напряжения. Это и страх, и волнение, и даже азарт, но самое главное чувство – какое-то иное. Леа пыталась разобраться, не сразу узнав. Ведь раньше ей не приходилось бороться за себя. А сейчас – хотелось. Она не покорится чужой воле, не даст себя сломить, не попадется в руки убийце. Она будет сражаться за себя. Она выживет. И не дастся сломать свою жизнь никому. Есть множество возможностей. Главное, не пасовать, не сдаваться. А еще нужны друзья. Леа перевела взгляд с подпрыгивающей на месте Шарли на сосредоточенного, даже мрачного Сандора. И, кажется, она их нашла.

«Спасибо», – прошептала девушка богам. Странно в такой ситуации испытывать подобные чувства, зато они были настоящими. Никакой фальши, в которой она раньше жила.

Пока Леа определялась в жизненных ценностях, юноша повернулся и, стараясь ступать в свои же следы, вернулся к девушкам.

– Убита. Это кто-то из служанок, судя по одежде.

– Это служанка Клариссы! – тут же возвестила Шарли.

– Не вижу, – разрываясь между любопытством и неприятием, поделилась Леа.

– Да точно это она!

– Тебе тоже не видно.

– Да демоны на тебя!.. Сейчас!

Сандор не успел ее удержать, и Шарли, до самых колен поднимая юбку, прошла по следам юноши.

– Ничего не трогай! – одновременно произнесли Леа и Сандор, переглянулись и хмыкнули, а виконтесса только досадливо фыркнула. Однако, судя по ее лицу, стремящемуся по цвету к окружающей

зелени, свою стойкость девушка переоценила. Вернулась она очень быстро и прошла мимо друзей. Чуть в отдалении обхватила ствол одной из яблонь и прижалась к нему лбом. Ерничать ни Сандору, ни Леаноре не хотелось.

Через некоторое время Шарлотта все-таки пришла в себя и вернулась к остальным.

– Да, это служанка Клариссы.

Несмотря на то что это было ожидаемо, Леа все равно передернула плечами. Ощущение – будто чем-то холодным провели по спине в самую жару. Обычно это означало солнечный удар, сейчас ситуация – куда хуже.

– Убита так же, как Кларисса, – со своей стороны добавил Сандор. – Перерезали горло сзади. И я еще заметил кровоподтеки и синяки на руках, лице и шее.

– Ее били? – ужаснулась Шарли.

– Возможно, – помедлив, ответил юноша. – Не особо в этом разбираюсь, но обычно давние синяки – другие.

– Значит, ее бил убийца? Но зачем?

– Скорее всего, дрались. Или выбивал сведения, – Сандору, хоть и выглядел он спокойно, тоже явно непросто давался этот разговор. – О хозяйке или тех, кто заказал кражу, а может, и какие-то вещи искал. Вариантов множество. Но сейчас нужно сообщить о... – парень покосился на тело в траве, – о нашей находке.

С этим спорить никто не стал, и троица отправилась к замку.

– Интересно, а где украшения Клариссы? – вдруг спросила Леа. В ответ на недоуменные взгляды девушка пояснила: – Да, это были не бриллианты, но подделка очень качественная. Да и другие украшения. Там же целый арсенал был. Где это все?

Ее спутники обдумали мысль, потом Шарли предположила:

– Если комнату сразу не закрыли, да даже если закрыли, то логично предположить, что горничная, сбежав, унесла их.

– Сумки рядом с ней не было, – заметил Сандор, – разве что в одежде где-то.

– Но кто сбегает совсем без вещей? – пожала плечами Леа, вспоминая, как ее собрали за пару часов, запихнув в багаж чуть ли не всю комнату.

– Если мало времени, то могла и налегке побежать, – не согласилась Шарли.

– На то, чтобы сунуть в декольте украшения, много времени не надо, – ответила Леанора.

– Я бы все-таки поставил на то, что какие-то вещи, хоть самая легкая сумка, у нее должны были быть. Вопрос, где они?

Они шли по саду, лавируя между деревьями, направляясь к воротам замка.

– Тут три варианта, – начала Шарли. – Или у убийцы, или сумка там, где убийца напал на девушку, или она выронила, бросила ее, когда пыталась от него скрыться.

Леа в красках себе представила оба последних варианта и поежилась. Потом мысленно отмотала время назад и задумалась. Вот служанка решила бежать. Как-то вышла из замка. Вопрос как? Хотя без разницы, ведь в итоге, скорее всего, вышла на дорогу. Идти по саду неудобно, а значит, долго.

– Вряд ли ее выпустили через главные ворота, – задумчиво заметила Леанора.

– Скорее всего, есть выход для слуг, – обдумав ее слова, ответил Сандор. – Может, даже не один.

– А потом?

– Или через сад, или на дорогу.

– Сад мы не исследуем, слишком долго. Может, выйдем на дорогу и посмотрим? – шалея от собственной смелости, предложила Леа.

– Мы можем просто пройтись по ее следам, – фыркнула Шарли.

– Тогда мы обязательно затопчем что-то важное, – покачал головой Сандор. – Давайте действительно выберемся на дорогу. Если увидим что-то – хорошо. А нет – так нет. Это, строго говоря, совсем не наше дело.

На том и порешили. Юноша повертел головой и потащил подруг в сторону. Через несколько минут они оказались на дороге, по которой ехали в замок. Прошли по ней до края сада и ничего не увидели. По хорошему надо было возвращаться в замок, однако, помявшись немного, троица вернулась и направилась в другую сторону, внимательно оглядывая придорожные кусты.

– Вот здесь что-то пошло не так, – Шарли уверенно указала на место, где виднелся проход в сад. Он начинался не вплотную к дороге.

Около нее рос какой-то кустарник вроде бузины или орешника, но еще невысокий. Было хорошо видно, что некоторые ветки его поломаны, будто кто-то весьма неаккуратно шел. Или бежал. – Но если пойдем след в след, то точно затопчем все на свете.

Подумав и покружив вокруг, молодые люди решили пойти параллельным курсом с разницей шагов в пятнадцать. С такого расстояния сумку заметить вполне реально. Собственно, так и произошло. Они продирались через высокую траву совсем недолго, когда увидели небольшой дорожный чемоданчик, который Леа помнила еще по поездке сюда. Тогда, у таверны после обеда, его тоже несла служанка.

Сандор, ступая максимально осторожно, подошел к нему и руками в перчатках приоткрыл.

– Ну что там? – снова изнывала от нетерпения Шарли.

Юноша немного подумал и вернулся с добычей к девушкам. Оказалось, что чемоданчик полон украшений. Похоже, именно для этого его и использовали.

– Да, ты прав, нельзя его тут оставлять, – согласилась виконтесса. – Леа, посмотри, настоящие?

Определять подлинность золота или серебра та не могла, а вот камни – да. Все дорогие вроде бриллиантов оказались заменены полудрагоценными.

– Тут не все, – оглядела находку Леанора. – Я точно видела на Клариссе больше украшений. А вот этих некоторых не видела.

Девушка вытащила из чемоданчика кольцо, которое все помнили по вчерашнему вечеру.

– Смотрите «бриллианты» оставили. А если бы человек не разбирался, то его в первую очередь прихватил бы. Однако нет того комплекта с жемчугом, что Кларисса надевала утром. Я жемчуг не слышу, но выглядел он натурально. Похоже, забрали, – она еще покопалась в драгоценностях. – Оставили только стекляшки и дешевые полудрагоценные камни. Все стоящее унесли. Хотя вот этот перстенок дорогой.

Леа показала приятелям сверкнувшее красным колечко.

– Похоже, убийца спешил, – подумав немного, высказался Сандор. – Быстро отобрал то, что заранее приметил, но детально не стал разбираться.

– Мог все взять.

– Может, некуда было положить? Он же догонял ее. Вряд ли у него с собой была сумка. Что самое ценное, по карманам распахал. Но все перстеньки не стал перебирать.

– Звучит правдоподобно. Интересно, знала ли служанка про подделки? – задумалась Шарлотта.

– Да какая разница? – пожал плечами юноша. – Важно, от кого она бежала.

– У них еще был начальник охраны, – заметила Леа, припомнив средних лет мужчину, сопровождавшего Клариссу в тот вечер, когда подруги с ней познакомились. – Как-то его звали... Бен... Бенджох?

– По-моему, как-то там Тох, – не очень уверенно произнесла Шарли. – Интересно, где он?

– Как бы не на полпути к порту, – пробормотал Сандор.

Так переговариваясь, они дошли до замка и сообщили охране о своей неприятной находке. Стражники побледнели, и один из них отправился искать начальство. Молодые люди же вошли внутрь, намереваясь найти управляющего. Джанос Хэри оказался в одной из гостиных вместе с остальной компанией. Атмосфера ощутимо давила. Явно за время их отсутствия все переругались. Управляющий уже начал высказывать какие-то замечания пришедшим, как вдруг раздался громкий звук, будто грохнули дверью размерами не меньше, чем на воротах, а потом у всех заболели зубы. Отпустило быстро, но за эти мгновения на глазах едва ли не слезы появились.

Джанос встрепнулся и устремился куда-то. Гости потянулись за ним. Идти оказалось недалеко, и, хотя управляющий недовольно зыркнул на молодых людей, возражать против их присутствия не стал. Скоро все они поняли, что перед ними открывается портал. Телепортация была делом непростым. От мага требовалась не только недюжинная сила на пару с немалыми умениями, но и знание определенных данных о месте, куда он собирается переместиться. Обычно координаты всех более-менее важных точек хранились в стражеских башнях.

Портал открывали обычно из дома в дом. Для телепортации было важно понятие грани: полночь, полдень, равноденствие, порог, ворота – что-то, что отделяет одно от другого. Поэтому, как правило, порталная арка повторяла проем двери, ведь ее косяк – это тоже

грань. Но старались все же не делать это с входной дверью, ведь, по сути, такое колдовство разрывало всю магическую защиту дома. Знающие люди вообще строили отдельную комнату, часто башню для телепортации, которую было легко отрезать от остального жилища. Опасались даже не столько людей: в пространственную дыру запросто могла пролезть какая-нибудь нежить или нечисть. Хорошо, если безобидная или хотя бы видимая, а если нет?

Такое колдовство очень сильно ощущалось всеми магами, а порой даже обычными людьми. Словно мерзкий, резкий скрип проходил по нервам, зачастую отдаваясь в зубах, заставляя передергиваться и морщиться. Говорили, умелые чародеи могли сглаживать эффект, но Леа таких никогда не встречала. Да и никто не встречал, по правде говоря.

Возможно, в этом имелся свой смысл – сразу хотелось пойти и проверить, кто пожаловал, в идеале, чтобы еще и можно было какую-нибудь гадость ему сделать. Как говорит Натан, морду начистить.

В Сольгере, как в лучших домах, под телепортацию отвели две отдельные комнаты. Странно даже, что не башню!

Девушек ненавязчиво оттеснили назад. Леа заметила характерные движения кистями: мужчины готовили заклинания. Похоже, даже боевые. Вот и верь после этого людям: говорили же, что почти ничего не умеют. А еще они все выстроились перед дверью в ближнюю комнату так, будто их уже учили взаимодействию в военных условиях. Может, это у мужчин инстинктивное?

Двери в дальней комнате не было, хотя косяк имелся. Именно он, как замкнутый прямоугольник, сейчас разгорался алым. Сначала цвет казался еле заметным, потом все сильнее и сильнее, а в какой-то момент стал похож на раздутые угли. Именно тогда в центре начала проявляться темная фигура, тоже сначала бледная, но потом все более и более насыщенная. Со стороны казалось, будто кто-то прорывается сквозь что-то вязкое. Воля неизвестного мага наконец сломила пространство, и в комнату тяжело шагнул мужчина. Леа с Шарли захотелось застонать.

Они его знали.

Глава 23

Джанос Хэри шагнул ему навстречу и протянул руку для приветствия. Похоже, они с гостем были знакомы, хоть и не близко. Потом новоприбывший представился и остальным, назвавшись королевским дознатчиком.

– Как-как его зовут? – тихо уточнил как-то вновь оказавшийся рядом Сандор.

– Вакко Мец, – не очень уверенно ответила Леа. – Или все-таки Нец? А, Шарли?

– Венец? Песец? – хихикнула та вместо приличного ответа.

– Телец? Подлец? Зубец? – включился в игру Сандор.

– Птенец? Слепец? Малец? – разулыбалась Леа и, не подумав, добавила: – Ловец?

Почему-то настроение как-то разом упало.

– Трындец, – веско вставил в паузу Анталь. От слова, которое употреблять при дамах запрещалось категорически, Леа покраснела и тут же повторила его про себя. Словарный запас определенно пополнялся.

– Давайте сойдемся на «конец», – резюмировала, давась от смеха, Шарли.

Королевский дознатчик очень удивился, когда услышал смешки с этой стороны комнаты. Обычно присутствие человека его профессии не вызывало такой реакции. Однако разглядев весельчаков, он только поморщился.

– Виконтесса Имре-Натьярская, ла-орита Орманди, – маг поклонился, девушки сделали книксен, – а я нисколько не сомневался, что мы еще встретимся.

– Ах, лаор к... Мец, ваша галантность поражает, – взмахнула ресницами Шарли.

Дознатчик подозрительно на нее глянул и веско произнес:

– Скорее, профессиональное чутье.

Шарлотта приняла максимально оскорбленный вид, хотя глаза ее смеялись.

– Вы хотите сказать, что мы преступницы?

– Не исключено, – позволил себе помечтать Мец. И за мгновение до ответа девушки, несомненно, страстного и обличительного, добавил: – Но скорее всего, вы просто из тех людей, которые постоянно влипают в разного рода истории. Иногда очень дурного толка. И, кстати, весьма часто заканчивающиеся прискорбно. Буквально вчера пострадала одна девица, а ведь просто сидела в карете и ждала свою подругу-вертихвостку, муж которой решил, что с него хватит. Перепутал барышень в потемках и напал не на жену, а на ее приятельницу. Девушку удалось спасти, а вот ее красоту – нет. А вы сразу ввязались в дело с убийством! Что дальше будет?

– С двумя убийствами, – невозмутимо поправила Шарли.

– С двумя? – поразились управляющий и дозначик.

– Мы нашли в саду служанку, – скромно вставила Леа, когда оба мужчины уставились почему-то на нее. Видно, ее разговорить было проще, чем Шарлотту.

– И вот, кстати, улика, – Сандор отвлек набирающего в грудь воздух, не иначе как для обличительной речи, Меца и потряс чемоданчиком.

– Улика должна лежать на том месте, где вы ее нашли! – Дозначик не сразу определился с тем, за что ругать.

– Там драгоценности, – пояснила Леа.

– Такие улики, – добавил Сандор, – обычно умеют делать ноги.

– И мы запомнили нужное место, – добавила Шарли.

– Посмотрим, – прорычал Мец максимально зловеще. – Мне нужен кабинет и тот, кто нашел первое, демоны побери, тело!

Разумеется, сразу допросы не начались. Сначала дозначик, взяв подмогу из стражи, отправился на место, где обнаружили второе тело. Сандор показывал, а девушки остались в замке. Спустя пару часов мужчины вернулись, и вот тогда уже потянулись «беседы». Дозначик вызывал всех по одному и долго, муторно расспрашивал. Пока ждали своей очереди, виконт шепнул подругам, что толком ничего не нашли. Преступник применил какую-то то ли магию, то ли технику и не оставил следов в самом буквальном смысле этого слова. Мастер!

Сандор с Шарли научили Леа, как говорить так, чтобы и правду сказать, но и лишнего не выдать. Признаться, она очень боялась ляпнуть что-то не то. Знала она за собой такую черту: спешить

ответить. А нужно сначала успокоиться, подумать, потом уже говорить. Пусть лучше считают медлительной, чем дурой... или убийцей. «Боги, как же я в этом всем оказалась?» – девушка вспоминала всю предыдущую спокойную жизнь и только поражалась, насколько быстро и кардинально все изменилось. Если бы ей кто-то сказал еще пару недель назад, что она будет давать показания по делу о двойном убийстве и, более того, опасаться, что ее в нем обвинят или что убийца сочтет ее опасной, пожалуй, она решила бы, что над ней зло шутят. И вот...

«Леа, приведи мысли в порядок!» – приказала девушка себе. Мысли в порядок не хотели: они разбредались в разные стороны любопытными котятками. Сосредоточиться никак не удавалось, но она не сдавалась, заставляя себя снова и снова обдумывать формулировки фраз. Сандор правильно сказал: прямой лжи лучше не говорить. Правда, Гараи дозначик выставил в первую очередь:

– Ваша «особая» магия подтверждена комиссией из пяти магов, из которых минимум двое являются специалистами в определении магии, а один – представителем схожей магии?

– Эм... нет. Но я могу доказать!

– Вот комиссии и доказывайте! И как только она подтвердит, а вы пройдете обучение, в том числе и в стражеском корпусе, тогда и приходите! – и захлопнул за ним дверь.

– Чинуша! Ретроград! – ярился Гараи.

– Сосунок! – слышалось из-за двери, и юноша заткнулся. Гордо вскинул подбородок и направился к сестре, полностью разделявшей его возмущение.

Леа переглянулась с Сандором и Шарли.

– Ситуация упрощается, – тихо-тихо шепнул юноша. – Но у дозначика может оказаться артефакт со схожими свойствами. Действуем по прежнему плану.

На самом деле, виконт уже поговорил с Мецем, пока они добивались до тела несчастной горничной, но теперь его все равно позвали для беседы. Юноша не показывал, но тоже волновался. Несмотря на то что его семья в последние столетия была верна королю, ничего хорошего он от его гончих не ждал, а тайны имелись у всех. Впрочем, к его удивлению, разговор вертелся только вокруг

нынешних убийств. Какой-то особой прозорливости или излишней осведомленности дозначик не выказал, и Сандор подумал, что, если Леа не проболтается, то удастся скрыть их роль во всей этой истории. Его только смущало желание девушки рассказать Мецу про подмену браслета.

Эта идея и Леаноре казалась весьма сомнительной, но промолчать она не могла. Вызвали ее, к слову, последней. Девушка злилась, но ничего не могла поделать. Она подозревала, что причина в том, что Мец еще на корабле для себя определил уровень ее интеллекта, и его показатель Леа бы не обрадовал. Хотя если подумать, как многие из мужчин воспринимали ее серьезно?

Когда девушку так пригласили на беседу, уже смеркалось. Дозначик выглядел устало и нервно.

– Может, приказать, чтобы подали чай для вас? – Леа даже стало жалко его. Она общалась с приятными людьми в уютной гостиной, обедала, пусть напряжение и летало в воздухе, а человек работал. Причем ему явно пришлось вынести гонор всех присутствующих. Сандор и ее учил, мол, если будет давить или угрожать, вставать в позу и напоминать, что дворян допрашивать нельзя без особого королевского приказа, и то, что с дозначиком сейчас беседуют, это только из-за обостренного чувства долга, которое может и притупиться, если Мец не будет вежлив. Шарли поглядела на Леа с сомнением и посоветовала: «Сразу плачь».

– У меня этот чай уже из ушей льется. Садитесь, ла-орита Орманди, и рассказывайте, чем ночью занимались.

Невесть почему, Леа в этой фразе слышался намек на какие-то непотребства, отчего она, только сев, тут же вскочила.

– Я приличная девушка, лаор Мец! – рыкнула Леанора, сама не ожидая от себя подобной экспрессии. – И по ночам сплю!

– Или успокаиваете шторма, – усмехнулся дозначик. – Вчера никого не успокаивали? Садитесь-садитесь, ла-орита, – повторил он покрасневшей до корней волос Леа. – Так что? Не упокаивали, то бишь не успокаивали?

– Нет, – буркнула Леа, решив, что ни одно ее действие не подходит под такую формулировку. – Я не убивала ни Клариссу, ни ее горничную, если вы про это. И не знаю, кто это сделал.

Маг покосился на свою руку, и Леа подумала, что один из перстней наверняка артефакт определения лжи. Интересно, какой и как работает?

– Не сомневался в этом. А теперь расскажите про разговор между погибшей и лаором Варга.

Да, Матьяш явно не давал покоя никому. Леа пришлось в подробностях описать тот разговор. Потом еще и про Этьена. Это все дозначик явно уже знал, однако честно выслушал, даже что-то пометив в своих записях. Девушка немного помялась, но потом все же решилась:

– Я уверена, – начала она, никакой уверенности на самом деле не испытывая, – что браслет Вельгарды украли.

Мец поднял голову от своих записей, оглядел как химеру из «чудовищного» зала:

– Браслет Вельгарды лежит на своем месте, можете убедиться в этом, когда выйдете из этой комнаты.

– Это не он. Копия. Настоящий подменили.

– Вот как? – откинулся маг на спинку стула. – И как, позвольте полюбопытствовать, вы это поняли?

Леа сжала руки, держа их на коленях как примерная девочка.

– Камень в браслете, – она вдохнула поглубже, как перед прыжком, и заставила себя договорить, – не так поет.

– Что, простите?

– Нам показывали вчера оригинал, – видя в глазах дозначика нарастающее раздражение, Леа поспешила договорить: – Моя магия воспринимает драгоценные и полудрагоценные камни как бы со звуком. В виде человеческого голоса или музыкального инструмента. Я таким образом различаю разные виды камней и, как выяснилось, отдельные камни. И вот вчерашний и сегодняшний камни в браслете поют по-разному, – победно закончила девушка. Она таки сказала! Все объяснила!

Однако Мец явно не разделял ее восторга. Более того, смотрел на нее уж слишком неприязненно. «Может, я что-то непонятно пояснила?» – подумала Леа. Мысленно повторила речь. Да нет, все так. Только чего он злится так? Маг же разгорался, как раздуваемые угли.

– Поют, значит? – прошипел он.

– Да, – пискнула Леа, следя взглядом за мужчиной, вызывавшим у нее все больше опасений. – По-разному.

– По-разному, значит? – в голосе прорвалось совсем уж нехорошее рычание.

– Да, – девушка невольно села так, чтобы бежать при первой же опасности. Успеет ли она до двери?

– Да вы издеваетесь?! – все-таки полыхнул Мец. – Камни поют! Что именно?! Арию Веербаха или, может, на скрипочке играют?!

– Просто голос... – побледнела Леа. Уже пора бежать?

– Голос?! Голос?! Ла-орита, а вы знаете, что положено за вранье королевскому дознатчику?! Вы думаете, это игрушки?! Двух людей убили! Вы думаете, у меня есть время на ваши игры?! Тут что, сбор пациентов скорбного дома?! Одна кричит, что виконтессу убило проклятьем! Другой в припадке вопит, что замок проклят и пожирает всех, кто в нем живет. У третьего Вельгарда возродился! У этой еще и камни поют! Знаете, что я сейчас со всеми вами сделаю?!

– Не надо! – Леа подскочила-таки на стуле и бросилась к двери.

– А ну назад!

Девушка могла поклясться, что в нее полетело какое-то заклинание, однако или маг от ярости промазал, или просто пуганул, потому что Леа успела-таки открыть дверь и выскочить за нее. Правда, за ее спиной явно что-то упало, но девушка схватила ожидающую ее Шарли и побежала прочь. Сандор устремился следом самостоятельно. Ну их к демонам, этих нервных дознатчиков. Совсем рехнулись на своей работе!

Глава 24

В одной из гостиных, выдохшись, Леа буквально упала в кресло и обхватила себя руками. Шарлотта встала рядом.

– Он тебя обидел? – ее карие глаза гневно сверкали.

Сандор оглядел коридор на предмет преследователей и закрыл двери.

Леа повертела в голове мысль пожаловаться друзьям и решила не доводить до греха.

– Он не поверил, – резюмировала девушка и, старательно излагая только факты, пересказала «допрос».

– Хам! – возмутилась Шарли. Но уже бежать мстить обидчику, к счастью, не собиралась.

– Интересно, у кого это Вельгарда возродился? – спросил Сандор.

– А другое тебя ничто не волнует?! – уперла руки в боки Шарлотта.

– Да нет вроде, и так ясно. Про проклятье еще утром Марика всем и каждому излагала. Про проклятый замок наверняка говорил Джанос Хэри. Судя по тому, что слуги и он сам не живут в таком прекрасном месте, что-то этакое здесь есть. И мне кажется, нервы лаора Хэри уже на пределе. А вот про возрожденного Вельгарду я еще не слышал.

– Это Гараи, – голос был мужской, и от него дернулись все трое. Обернулись на дальний угол комнаты и с ужасом обнаружили там дверь, так искусно замаскированную под стену, что ее стало видно, только когда открыли. Сейчас, опершись плечом о косяк, там стоял Антадь и с легкой, так характерной для него иронией рассматривал троицу. – Его пробило на эту идею, когда вы искали второй труп.

– Мы не искали, – пискнула Леа.

– Как ты тут оказался? – одновременно с ней спросил Сандор, явно уязвленный проваленной безопасностью, которую организовал.

– А что вы там делали? – посмотрел Антадь на Леанору. – Это ход из библиотеки. Там такая же дверь, только ее лучше видно. Стало интересно, куда ведет. Не мог же я пройти мимо потайного хода!

Юноша острозубо улыбнулся, и всем невольно захотелось ухмыльнуться в ответ.

– Что ты слышал? – тем не менее строго спросила Шарли.

– Только пересказ финальной речи лаора Конца, – хмыкнул он. Прошел к противоположной стене и открыл небольшой буфет, выуживая бутылку вина. Дверь за его спиной медленно закрылась, вызвав у троицы страстное желание пощупать ее и найти, как открывается. – «Грозовой закат», – назвал Антадь вид вина. – Эшское. Кто будет?

– Все, – решила Шарли.

Ференц удовлетворенно кивнул и достал четыре бокала.

После второго круга красно-синего вина с нотками черной смородины атмосфера разрядилась, будто грозу они и правда выпили.

– Почему Гараи решил, что Вельгарда возродился? – мысль явно не оставляла Сандора в покое.

– Такой же сумасшедший, как его сестра, – немедленно отозвалась Шарли.

Леа согласна кивнула и добавила:

– Семейное.

– Мне кажется, он кого-то прикрывает, – заметил Антадь. – Или от чего-то отвлекает внимание.

– Согласен, – кивнул Сандор. – Вельгарда – традиционное пугало. Стоит кому-то крикнуть «Вельгарда!», как все – доказательства не нужны, суды тоже, знай себе кричи громче. А ежели не согласен, то няльцы быстро найдут тебя и в своих подвалах спросят, уж не являешься ли ты соратником Вельгарды, а ежели богат, то и вовсе не сам ли ты возродившийся Вельгарда.

– Вообще вся эта история с Вельгардой шита белыми нитками, – скривился Антадь. – Часть с Тханном вообще не выдерживает никакой критики.

– Почему? – удивилась Леа.

Оба молодых человека посмотрели на нее с некоторым удивлением, потом переглянулись. Антадь махнул рукой и отправился к буфету за еще одной бутылкой, а Сандор осторожно начал:

– Считается, что в своей всесильной ярости Тханн разорвал, хм, то, что было изначально, нечто такое, из чего потом зародилось все сущее. Из этих осколков сформировались миры, но, будучи, по сути, чистым разрушением, Тханн не остановился и продолжил крушить, пока его не остановил Ийер.

– Сандор, это общеизвестно, – фыркнула Шарли. – Что-то новенькое будет?

– Не торопи. – Юноша принял от Анталя наполненный бокал и продолжил: – Ийер якобы смог запереть Тханна в некоем дальнем уголке вселенной. Легенда же о Вельгарде рассказывает нам, что каким-то образом возжелавший власти воевода Летнего князя из незнатных дворян нашел способ обратиться к Тханну и даже договориться. И получить немалые силы! Якобы принесенные им жертвы должны были помочь Тханну вырваться из своего убежища. Я, конечно, не знаток темных искусств, но из истории знаю, что периодически возникают всякие тайные общества, ставящие своей целью разного рода разрушения и, в том числе, освобождение Тханна. В таких случаях человеческие жертвы – то, до чего все эти группы рано или поздно докатываются. Насколько мне известно, ни один из их ритуалов ни разу не изменил что-то в глобальном плане. А ведь должен был, раз Тханн настолько могущественное создание.

– Может, Вельгарда имел какие-то особые сведения? – предположила Леа.

– Или масштабы его жертв были серьезнее? – отпила из вновь наполненного бокала Шарли.

– Все, конечно, возможно, – пожал плечами Сандор. – Но больше похоже на страшилку для народа, чем на реальную магическую практику.

– Мне вообще кажется, – Анталь вновь уселся и задумчиво посмотрел на вино в бокале, – что Тханн, а, возможно, и Ийер – это некая аллегория, искусственная персонализация процесса создания вселенной с ее мирами. Сначала было нечто единое, потом оно распалось на части, некоторые из них погибли, некоторые стали мирами. Мы видим неких сверхсильных существ, богов, но иногда ветер – это просто ветер, а не гуляющий Арали^[10], а землетрясение просто землетрясение, а не игры магов.

– Хм... – Шарли явно задумалась. – Ты хочешь сказать, что не было никакого Тханна, и Вельгарде не к кому было взывать? Но за что-то же на него ополчились?

– Я не утверждаю, а рассуждаю, – повел плечами Анталь. – А ополчиться, я уверен, было за что.

– Слишком много власти в одних руках, – заметил Сандор. – Да и человеком Вельгарда был... – он замялся, подбирая слово.

– Так себе, – предложила Шарли.

– Непростым, – подсказала Леа.

– Дерьмовым, – припечатал Анталь. – Он виртуозно умел стравливать людей, если они ему не нравились, и всегда находил способ отомстить. Я порой думаю, что если он и воскрес, то только ради того, чтобы досадить всем, кому не успел нагадить при жизни. Ну и отомстить, конечно.

– Милейший человек, что сказать, – рассмеялась Шарлотта. – Такой мог и вернуться.

– Меня волнует не столько то, – сказал Сандор, задумчиво крутя бокал в руке, – что он может вернуться, сколько то, что в это верят. Не знаю уж, сколь многие, но эта идея жива, а значит, под ее флагом возможны самые интересные союзы и ситуации. Например, если люди искренне верят, что Вельгарда возродится, то они могут или пытаться помешать этому, или, наоборот, подготовить для этого почву.

– Думаешь, браслет, – Леа украдкой бросила взгляд на Анталя, – попытался украсть кто-то из первых или вторых? Одни, чтобы не дать Вельгарде до него добраться, другие – чтобы лично отдать ему в руки.

Сандор покивал.

– А мне кажется, – высказалась Шарли, – что на этой вещице просто захотели заработать.

– Или какой-то маг решил стать сильнее, – предположил Анталь. – Наверняка это мощнейший артефакт, а хозяина можно и перенастроить, если понадобится.

На лицах молодых чародеев появилось одинаково блаженное выражение: они все представляли браслет на своем запястье.

– Хоть потрогать бы, – вздохнула Леа.

В этот момент за стеной что-то разбилось.

Глава 25

Все четверо заинтересованно повернули головы. Их не разочаровали: вслед за звоном раздались голоса, разумеется, на повышенных тонах. Толком было ничего не разобрать, но слово «убил» повторилось несколько раз. Анталь, не стесняясь, вскочил и открыл дверь. Слышно стало лучше.

– Матьяш, – определила Шарли.

– И Этьен, – согласилась Леа.

Стена вздрогнула от удара.

– Как интересно, – мурлыкнул Анталь и скользнул в коридор.

Остальные последовали за ним. Юноша как раз открыл дверь в соседнюю комнату. Мимо него пролетел спиной вперед Этьен.

– ...убивал ее! Не убивал! – гремел пока еще невидимый Матьяш.

– Убил! Убил! – орал уже вскочивший противник. – Ты только ломаешь! Увидел, что я ей мил, и не выдержал! – и рванул к Варга с кулаками.

Матьяш размахнулся и тоже ударил. Этьен смог увернуться, заехал ему в бок, потом еще раз, однако и сам получил под дых и в челюсть.

– Может, их растащить? – намекнула парням Шарли.

– Разумеется, – кивнул Сандор и не сдвинулся.

– Мил?! Ты?! Рехнулся, нищебродище?! На что такая могла позариться?

Они вновь сцепились, повалили какую-то этажерку, сами упали на нее, разломав к демонам, и теперь катались по полу, мутузя друг друга кулаками.

– А вот и разглядела! – оказавшись сверху, Этьен бил, не сдерживаясь. Матьяш получил и глаз, и в челюсть, и в ухо.

– Да она прилюдно тебя послала! – Варга извернулся и сбросил противника с себя, пнув, но тот умудрился откатиться и вскочить. Матьяш тоже оказался на ногах.

– На людях послала, а без людей – очень даже нет!

Заклятые соперники закружили друг вокруг друга.

– Кого ты обманываешь, голяк? Она тебя послала, как и Аилушка, и ты сбрендил!

Упоминание о некой Аилушке явно было запрещенным ударом.

– Заткнись! Заткнись!

Удар, еще удар. Этьен бил уже без каких-либо изысков, лишь бы достать. Матьяш сейчас больше защищался, хоть и выглядел крупнее, пусть и ниже.

– Как скучно я жила раньше, – поделилась Шарли, отхлебывая из бокала, который невольно захватила с собой.

– О, та же мысль, сестра.

– Вы сестры? – удивился Сандор.

– Уже да, – кивнула Шарлотта, переглянувшись с Леа. Обе девушки прыснули от смеха.

– У мужчин при побратимстве принято отпивать вина из чаши друга и обмениваться мечами, – иронично, не отрывая взгляда от потасовки, заметил Анталь.

Девушки отдали друг другу свои бокалы и глотнули.

– Обменяемся пудрами, – решила Леа, и девушки засмеялись.

Именно этот момент Матьяш выбрал, чтобы свалить Этьена и усесться сверху, занеся здоровенный кулак над ним. Сандор и Анталь поняли, что больше медлить нельзя. Первый резким рывком дернул Матьяша на себя, а второй схватил мигом вскочившего Этьена.

– Заморожу! – рявкнула Шарли так, что подскочили даже горшки с цветами.

Все в комнате застыли, будто их уже заморозили.

– Сели! – закрепила успех Шарлотта. Анталь с Сандором опомнились и надавили на своих подопечных, заставляя их опуститься в чудом уцелевшие кресла. Леа бочком прокралась к дивану на гнутых ножках и пристроилась с краю.

– А теперь четко и внятно, почему ты, Матьяш, считаешь, что Этьен убийца?

– Слушай, виконтесса, я, конечно, уважаю женщин и титулы, но у тебя нет никакого права мне приказывать! – ожидаемо возмутился тот.

– Но ты же хочешь, чтобы о преступлении Этьена Плеймонда все узнали, – коварно улыбнулся Анталь. – Вот и расскажи.

Под таким соусом идея Матьяшу больше понравилась.

– Я не совершал никакого преступления! – выпалил Этьен.

– Еще как совершал, – ухмыльнулся его противник. – Видите ли, лаор Этьен Плеймонд совершенно не переносит, когда кто-то лучше него. А поскольку ни денег, ни красоты, ни особенных талантов за ним не водится, то он почти все время страдает и завидует, завидует и страдает! Да, чудовище?

– Это ты чудовище! Ты! Это ты, как видишь кого слабее себя, так сразу нападаешь! Ты и свора твоих прихлебателей! Ты мне всю жизнь испортил, подлец! – Этьен обвел взглядом присутствующих. Его лицо покраснелось, а на подбородке и левой скуле растекались здоровенные синяки. Левый же глаз превратился в щелочку. – Ты все годы в гимназии меня травил!

– А ты только ныл и жаловался. Все годы бегал к учителям и стучал!

– А что, мне нужно было драться со всей твоей сворой? Один против пятерых?! Ты хоть знаешь, каково это, когда на тебя насакивают пятеро здоровенных лбов?

– Друзьями не пробовал обзаводиться?

– Да все тебя боялись!

– А может, никто просто с тобой не хотел дружить, а? Ты же всем всегда завидовал! Ты думаешь, это не видно? Тебя же не зря прозвали Ли-линдалином! Рыжий куури!

– А вот с этого места поподробней, – заинтересовался Сандор. – Что за Ли-линдалин?

Этьен попытался дернуться в хватке Анталя, но тот держал крепко. Конечно, захоти рыжий вырваться всерьез, Ференцу пришлось бы нелегко, но это был, скорее, жест отчаяния. Леа с ужасом увидела, как глаза Этьена наполняются какой-то злой болью, но он не сдавался. Гордо вскинул подбородок и яростно уставился на Матьяша. Тот тоже впился взглядом в его лицо, выдерживая жестокую паузу, выкручивая из того все жилы.

– Это наша местная байка, – наконец, начал Варга, кривя насмешливо губы. – Был у нас такой артефактор, никто уже не помнит, как его на самом деле звали. Себя он назвал Линдалин. Мастер он был посредственный, но дико завидовал куури. Мечтал, просто бредил об их славе. Какая-то гадалка за его же деньги сказала ему, что в его жилах течет пусть и разбавленная, но кровь Детей Луны, и он просто помешался на этом. У нас считается, что куури были рыжие и

остроухие. Так вот он выкрасился в рыжий и стал носить накладки на уши. Имя сменил на это псевдокуурское. Ходил и всем рассказывал, что он великий куури, мастер-артефактор. А когда прошел слух, что один из них вернулся, Линдалин бросился к тому дому, где этот якобы куури поселился. С огнестрелом. И когда увидел, выстрелил, вообразив, что тот явился отобрать его славу. Вот и наш Этьен такой же. Он ненавидит всех, кто лучше его, особенно в магии. Ведь это единственное, что у него есть, не так ли, Ли-линдалин?

– Еще раз так назовешь, – процедил Этьен, – убью.

– Попытаешься, – хмыкнул Матьяш.

Противники сверлили друг друга взглядами, а Леа вспоминала витраж.

– А у вас одинаковая магия? – подумав, спросил Сандор.

Матьяш насмешливо глянул на юношу.

– Мы оба целители. Только я намного, намного лучше. И именно этого не может перенести наш Ли... ха-ха, Этьен.

Тот медленно выпрямился, Антадь не стал ему мешать, усевшись на подлокотник кресла и с интересом наблюдая за происходящим. Рыжий сверлил взглядом Матьяша.

– Может, ты и сильнее, – с трудом процедил он. – Может, я и... хотел бы иметь такие силы, но это не дает тебе никакого права ни травить меня, ни обвинять в убийстве. Вся твоя логика основывается на том, что эти две девушки, – кивок в сторону Леа и Шарли, – рассказали, что Кларисса сказала мне пару резких слов. Ты не знаешь, что она говорила мне наедине, как мы общались на корабле. А она была мила со мной! Очень! И я собирался продолжить ухаживания. Я не знаю, почему ей потребовалось сделать вид, что она не принимает их. Я думаю, потому что она застенялась своих чувств. Репутация и все такое. Но мне не было смысла ее убивать. Я надеялся на ее благосклонность! Не сейчас, понятное дело. Но попозже. Во время учебы или даже после! А вот что ты делал с Клариссой на третьем этаже, большой вопрос.

– Кстати, да, – подал голос Антадь. – Я бы тоже послушал.

– Обойдешься, – нахмурился Матьяш. Он почувствовал, что упускает из рук ситуацию, и злился. Оглядел собравшихся и процедил: – Вы, как и учителя в гимназии, слепы, как кроты, и не

видите змею под носом. И не поверите в нее, пока она не ужалит. Впрочем, это ваше дело, целительство от глупости не лечит.

Юноша поднялся и вышел из комнаты.

Этьен тоже встал. Буквально вытянулся в струнку и произнес:

– Приношу извинения, что вам пришлось наблюдать это происшествие и даже участвовать в нем. Я искренне не хотел бы, чтобы наша вра... противостояние стало общеизвестным. Надеюсь, это небольшое недоразумение не скажется на вашем отношении ко мне и, – он сглотнул и все же продолжил: – И к Матьяшу. Он... очень подвержен эмоциям, но не злой. Не подлый. Высокомерный, порой буйный, излишне шумный, но не плохой, – на этом Этьен окончательно смутился и, поклонившись, спешно вышел.

Когда звук его шагов стих, Антадь допил свой бокал и, глядя куда-то в пространство задумчивым взглядом, констатировал:

– Обожаю спектакли.

Глава 26

Ужин прошел просто ужасно. Джанос Хэри дергался от каждого звука, особенно резко реагируя, когда к нему подходили слуги с какими-нибудь посланиями, которых оказалось на удивление много. Гараи и Марика попробовали его расспросить, случались ли раньше попытки украсть браслет, но он только отмахнулся.

– А убийства? – меланхолично уточнил Анталь.

Управляющий дернулся и возмущенно посмотрел на юношу.

– Сольгер – приличное место! Никаких убийств!

Тут не выдержал уже умявший половину яств Мец.

– А как же три предыдущих?

Джанос посмотрел на него как на предателя.

– У Пера Хэри было слабое сердце и почтенный возраст. Просто случился приступ, который он, к прискорбию, не смог пережить. Аверий Хэри напился, что подтверждают и гости, и слуги, свалился с лестницы, когда ночью решил взять себе еще вина. А тот вор... – тут управляющий замолк.

Почуяв добычу, Марика вскинула голову:

– Что вор? Он пытался украсть браслет?

– Тот вор получил по заслугам, – прорычал Джанос. – Да, он пытался украсть браслет Вельгарды, но, по заключению стражи, защитная магия вступила в конфликт с какими-то артефактами, которые были на воришке, что его и убило.

– Это очень похоже на проклятье! – провозгласила Марика.

– Нет никакого проклятья! – возмутился управляющий. – Есть защитная магия и жизнь со всеми ее болезнями и случайностями.

– А разве вы сами не считаете, что замок проклят? – удивился Сандор.

Джанос огляделся, будто надеясь сбежать. Потом процедил:

– Замок не представляет никакой угрозы для гостей.

– А для остальных? – вступил Анталь.

– Ворам тут не рады!

– А род Хэри тоже воры? – острозубо улыбнулся Ференц. – С точки зрения замка, конечно.

– Замок – это просто архитектурное сооружение. Да, он овеян легендами, в том числе и о проклятье. Однако многие именитые маги исследовали его и не нашли ничего тревожащего. Да и для проклятого замка три смерти от естественных причин – это как-то маловато, не считаете?

– Уже пять.

– Вот исследованием последних двух и займется лаор Мец. Кстати, лаор, поведайте нам о своих успехах.

Вновь оторванный от кушаний дозначик побагровел от возмущения. Похоже, с успехами не заладилось. Судя по его лицу, он мысленно или перебирал ругательства, или законы, не позволяющие швырнуть в управляющего огненным шаром.

– Сейчас мы ищем начальника охраны убитой, известной здесь как Кларисса Зилийская...

– Виконтесса Кларисса Зилийская, – вставил кто-то.

Маг так яростно вцепился зубами в кусок мяса, что, когда он вновь заговорил, прерывать его больше не осмелились.

– Его не видели со вчерашнего вечера. Возможно, именно он убил служанку. А, возможно, и ла-ориту Зилийскую. А также, разумеется, мои люди разбираются, насколько подлинной является эта виконтесса.

– А есть шанс, что убийца в замке? – робко спросила Леа.

– Разумеется, – припечатал дозначик. – Я пока исключил лишь некоторых. Приятного аппетита, лаоры и ла-ориты. Давайте воздадим должное еде, – и он воздал.

Остаток ужина прошел в вымученном пустом разговоре, и Леа, сославшись на утомление, поднялась к себе. «Дай то боги, чтобы убийцей оказался этот самый начальник охраны. Как там его... Тох какой-то». Девушка с помощью Матиши разделась, распустила прическу. Уже в одиночестве закапала глаза и улеглась. Сон снова не шел. Леанора с огорчением подумала, что настойку у Шарли не взяла, но вызывать горничную не стала. Вместо этого притянула к себе книги и открыла верхнюю. Однако ни страдания романтической девицы, попавшей в детектив как кура в общип, ни, что странно, описания магических свойств султанитов не увлекли девушку.

В раздражении она потушила свечку и укрылась по самый подбородок. Не помогло. Шторы она просила Матишку не задегивать,

опасаясь остаться в полной темноте. И из-за этого комнату заполнял лунный свет. Яркий и серебряный, заставлявший все остальное тонуть во тьме. Но не однородной. Полная темнота через какое-то время обрела оттенки, более светлые и почти черные пятна, которые удивительным образом складывались совсем не в те предметы, которые, как Леа помнила, находились к комнате. Насчитав пять чудовищ только на правой половине, девушка крепко зажмурилась. «Никаких монстров нет. Это просто ночь и глупые мысли... Дневные страхи выползают и превращаются в химер»... Тишина в замке должна была бы быть абсолютной. Вокруг нет шумного города, а людей на такое большое пространство совсем мало. Однако нет. За окном чему-то возмущался ветер. Порой бился в окна, и рама так драматически поскрипывала, что Леа вздрагивала и, распахнув глаза, до рези вглядывалась в окно.

В какой-то момент Леа слышались шаги в коридоре, и она замерла, чуть ли не поскуливая от ужаса. Уставилась на ручку двери и ждала, ждала, когда та пойдет вниз. Конечно, девушка заперла комнату, но в этом замке собралось слишком много непонятных людей.

Но шаги стихли, а ничего не произошло. Леанора даже начала сомневаться, что слышала их. Теперь ей стало казаться, что раздаются какие-то странные скрипы. То ли пол под кем-то, то ли что-то за окном, то ли в самой глубине замка. Невольно вспоминались разговоры про его проклятье, про то, что он ненавидел своих новых официальных хозяев – род Хэри. Или подобное нереально? Почему они тут не живут? Такая махина простаивает. Почему пускают студентов, пусть и из дворянских фамилий? Замок похож на дорогую гостиницу, а не на жилье. В чем-то даже печально, если не вспоминать, что он убивает. Возможно, убивает. Это только теория. Ведь, да? Только одна из идей? И самых маловероятных.

«Боги, а это что?!» – Леа подскочила в кровати, вырванная из полудремы тихим, но четким звуком. Приснилось? Но нет, звук повторился. И ближе! Четкое цоканье, будто камень о камень ударили. Вот снова! «Боги, что это?!» Какой-то скрип, пыхтение и снова – цок-цок.

Девушка взлетела с кровати, рванулась к туалетному столику, схватила огниво и трясущимися руками зажгла свечу. И тут же направила ее в ту сторону, откуда слышались звуки, – дальний угол

комнаты, что ближе к кровати и к коридору. Там никого не оказалось. Леа поводила подсвечником из стороны в сторону, но ничего не обнаружила. Звуков тоже больше не слышалось.

«Кажется, все же придется идти к Шарли за настойкой», – облегченно подумала девушка, и в этот момент цоканье повторилось. К нему добавился какой-то скрип, вздох... Вновь цоканье. Леа в ужасе направила свечу в сторону звуков.

Перед ней шагах в пяти сидела небольшая, размером с кошку, каменная химера. Похожая на львенка с толстенными лапами, с небольшими крылышками, наростами вдоль хребта, змеиным хвостом и полной пастью зубов. Большие, черные, с белыми прожилками глаза ее уставились на Леанору выжидающе.

Не закричала та только потому, что от ужаса из горла не могло вырваться ни звука. Девушка молча хватала ртом воздух.

Химера закричала и переступила с ноги на ноги. Вот откуда этот звук!

– Мамочка! – проблеяла Леа.

Чудовище явно обрадовалось и сделало пару шажочков вперед, вызвав у девушки полный ужаса стон.

– Не подходи, – умоляюще прошептала она, и химера остановилась, глядя на нее печальными глазами.

Так они и стояли. Леа – в страхе, чудище – выжидающе на нее глядя. Прошла минута, растянувшаяся на вечность, и чудовище тяжело, очень тяжело вздохнуло. Потом еще раз, вновь поглядев на девушку со скорбью. Та не понимала, откуда эти мысли про чувства у камня, но эмоции отлично считывались с крупной выразительной морды. Еще через минуту Леа начала соображать. С трудом, пропусками, мысленными завываниями, но все же. Пока самым важным было то, что химера не нападала. Ждала. Чего-то явно хотела. Причем именно от нее.

– Что ты хочешь? – тихо и осторожно спросила Леанора.

Та вновь обрадовалась, принялась перебирать лапами, цокая ими по полу, и заглядывать в глаза. С места не двигалась. И смотрела, смотрела.

Понимая, что совершает величайшую ошибку, Леа, колебавшись, все же сказала:

– Можешь подойти.

Просияв, химера бросилась к ней, вновь напугав до ступора. Девушка в красках представила, как ее хватают каменные клыки, рвут на части. Сначала ноги, потом, как она упадет, живот, шею...

К ногам, кстати, химера и правда проявляла интерес – терлась о них, как кошка. Леа утихомирила внутреннего паникера и прислушалась к ощущениям. Ничего неприятного. Еще немного подумав, наклонилась и протянула к чудищу руку. Та ее обнюхала и радостно ввинтилась под ладонь, напрашиваясь на ласку. На ласку? Леа осторожно провела пальцами по голове, шее. Химера издавала тарахтящий звук. Девушка вновь замерла, но каменное создание поддело головой ее руку и сделало движение, от которого ладонь проехала по голове и шее, будто в ласке.

Это так напоминало поведение дружелюбной собаки, что Леа даже улыбнулась. Присела, разглядывая создание, и продолжила гладить. Сначала по морде, потом по спине и крыльям, изучая чудовище. То всячески показывало свой восторг.

– Я тебя узнала. Ты же та химера, которую я касалась в «чудовищном» зале.

И получила кивок в ответ. «Она понимает меня!» – с восторгом и ужасом осознала Леа.

– Ты милая, – поделилась она, и чудище выказало еще больше счастья, окончательно став похожим на щенка. «А чем же тебя, такую каменную, кормить?» – в голове вновь мелькнула картинка с кровью и разорванным телом. Брр...

Именно этот момент выбрали камни из браслета Леа, чтобы выбраться из него и закружить вокруг хозяйки и ее гости любопытной змейкой. Девушка с удивлением наблюдала, как химера тянется к ним носом, а самоцветы подлетают, будто знакомятся.

Леанора ничего не понимала, как и того, почему сейчас в руках, глядящих чудовище, активизируется магия. Она наполняла, наполняла юную чародейку и потом полилась из ладоней. Химера пришла в полный восторг. Благодарно урча, она тыкалась в руки, трясь о них и впитывая в себя энергию. Камни летали вокруг, и у Леа не находилось сил прервать этот хаос. Зато она заметила, что существо как будто бы меняется. Сглаживается угловатость, вызванная то ли стилем, то ли криворукостью мастера, то ли временем. Морда становится живее, словно реальнее. А куцые крылья со скрипом, даже некоторым стоном

отделяются от спины. Химера даже оторвалась от ладоней с магией и похлопала ими, радуясь, как ребенок.

Улыбнувшись, Леа погладила существо еще раз.

– Ты, похоже, питаешься моей магией, – произнесла она. – Так?

Подумав, химера кивнула.

– А другая пища тебе нужна?

В этот раз она помотала лобастой головой. Леа обрадовалась невероятно.

– Это хорошо, – и почесала за ушами.

Раздался вновь тот тархтящий звук, от которого химера сама вздрогнула и заозиралась. Девушка засмеялась. Самоцветы из браслета подлетели ближе. И вдруг самостоятельно встроились в химеру на манер ошейника, хоть и с пропусками – все же их пока слишком мало.

Совершенно не представляя, как на это реагировать, Леа смотрела на происходящее, отчаянно надеясь, что это не приведет химеру в ярость. Прошла пара мгновений, но химера никак не реагировала на самоуправство камней.

Самоцветов было немного жалко, все же Леа собирала их всю жизнь. Училась управлять магией с их помощью. А еще каждый из них для нее пел. И вместе они составляли прекрасную музыку, которую девушка так любила послушать. Но, похоже, своей энергией она сама пробудила к жизни это существо, и значит, теперь в ответе за него. Так что пусть будут у нее.

Немного еще поигравшись с химерой, попутно рассматривая ее, Леа поняла, что просто валится с ног. Возможно, из-за перерасхода магии и излишне ярких эмоций.

– Я спать, – заявила она чудищу. – А ты как хочешь.

Забравшись в постель, девушка тут же сомкнула веки. Сознание уплывало. Самым его краем Леа почувствовала, как химера влезает на постель и устраивается у нее в ногах под одеялом. Было странно, но уютно.

Наутро никаких химер в кровати не оказалось, а браслет с полным набором камней лежал на туалетном столике.

Глава 27

«Неужели приснилось?» – Леа рыскала по комнате в поисках хоть каких-то доказательств, что химера на самом деле приходила вчера в комнату. На полу девушка нашла пару царапин, которые выглядели вполне новыми, но она же не следопыт, чтобы сказать точно. Может, им несколько дней или даже больше?

Выпрямившись, Леанора скептически оглядела угол комнаты, где впервые услышала, а потом и увидела химеру. Сплошная каменная кладка! Как тут можно пролезть? Чудище, конечно, размером с крупную кошку, но это не так уж мало. Девушка принялась простукивать стену, ища тайный ход, хоть что-то необычное. Скрупулезность никогда не входила в число достоинств Леа, а тут нужно было не пропустить ни единого камня. Дело быстро надоело чародейке, но не отступать же? Результаты не порадовали – или она не услышала то, что нужно, или потайного хода нет, или не нашла.

Расстроенная, Леа села на кровать и почувствовала, как к глазам подступают слезы. «Как же так... была же...» Почему-то ласковое существо, нуждающееся в ее магии, запало в душу, и его отсутствие воспринималось как потеря. «Химера... Это просто химера, – девушка вспомнила другое значение этого слова – неосуществимая, несбыточная и странная мечта, фантазия. – Так и есть». Слезы стали жечь, впервые после побега из дома. Леанора обхватила себя за плечи и постаралась глубоко вздохнуть, чтобы не дать себе разрыдаться. «Мамочка...» – мысль о ней снесла все воздвигаемые барьеры, и уже через мгновение девушка рыдала так, будто только сейчас осознала все, что произошло.

Ей некуда больше вернуться. Неизвестно, когда она увидит маму. Ей надо бояться собственного отца и брата. А прошлой ночью ее чуть не убили.

Еще и химера оказалась просто сном.

Через какое-то время приведшая себя в порядок Леа хотела украдкой скользнуть в «чудовищный» зал, но стоило выйти из комнаты, как то же самое сделали практически все гости замка. Так

целой толпой они и проследовали на завтрак. Девушка решила выждать. Они все равно регулярно там оказываются.

– Лаор Хэри, – поприветствовал управляющего Матьяш, – порауйте нас, скажите, что за ночь никого не убили.

Джанос позеленел.

– Хорошо бы так было и дальше, – ответил он, – но пробу с еды еще не снимали. Не хотите ли паштета? Гусиная печень! Свежайший!

Матьяш уставился на подозрительную светло-коричневую субстанцию и замотал головой. Управляющий же с удовольствием принялся мазать паштет на хлеб.

– Может, нас порадует лаор Мец? – отрезав кусочек от омлета, спросил Анталь.

Дознатчик выглядел хмурым и невыспавшимся. И голодным. Леа подумала, что это, возможно, означает, что недавно ему пришлось много колдовать. Магия всегда тянула силы и энергию, которые требовалось восстанавливать. «Похоже, я права», – подумала девушка, видя, с каким неудовольствием Мец отрывается от завтрака. Очевидно, мужчина немало бы отдал, чтобы отделаться какой-нибудь грубостью, но перед ним сплошняком сидели дворяне, пусть и молодые пока, но еще неизвестно, что хуже. У таких дури куда больше.

– Виконтесса Кларисса Зилийская никакого отношения к убитой девушке не имеет. Сейчас она со своим уважаемым батюшкой направляется в Окатавскую Магическую Академию совсем другой дорогой, – прожевав и тем самым выдержав должную для всеобщего негодования паузу, ответил дозначик.

Срезав недовольство на последнем миге, Мец удовлетворенно вновь занялся едой, пока гости сыпали восклицаниями в духе «Я так и знал», «Как же так?!», «Как такое возможно?!», «А кто же она такая?!»

Когда последний вопрос стал доминирующим, маг соизволил на него ответить:

– Пока это не доказано, но судя по имеющимся данным, под именем виконтессы Зилийской скрывалась известная в некоторых кругах воровка Бианка Лодор, кстати, имеющая в своей родословной бабушку анцытку.

Молодые люди принялись переглядываться, обсуждать новость, а взгляды часто скрещивались на Матьяше. Интересно, а у него нет случайно дедушки-демона?

– Бианка Лодор, или как ее еще называли, Попрыгунья – за почти акробатические умения, занималась в основном воровством украшений, дорогих артефактов и амулетов, каковые, как вы понимаете, хранятся в основном в богатых домах и у знатных особ. Поэтому, – Мец вдруг тепло улыбнулся, – не удивительно, что вы ничего не заподозрили. Ее манеры обманывали многих. Горничная и начальник охраны, с максимальной вероятностью, ее сообщники.

– Это он убил обеих девушек? – осторожно спросила Леа.

С ответом Мец тянул, отпив из бокала.

– Это еще выясняется. Но он объявлен в розыск.

– Насколько это эффективно? – без подделки, а искренне желая узнать, спросил Сандор.

– Когда как. С мастерами маскировки дело может и не выгореть, но то, что мы находимся на острове, играет нам на руку. Корабли проверить проще, чем все дороги на материке.

– Но он точно сбежал из замка? – голос Марики дрогнул, выдавая эмоции.

– Этого не могу утверждать. Но весь замок мы проверили. Утром прибыли мои помощники, так что стало проще. Можно смело утверждать, что в замке его нет. Но, увы, он может быть поблизости. К сожалению, мы не знаем, насколько хорошо ему известны ходы-выходы из Сольгера.

– Но это же замок! – возмутился Матьяш. – Поднимите мост – и готово.

– Даже я уже знаю, что, кроме моста, отсюда можно выйти еще тремя способами, – хмыкнул Мец, – а сколько еще спрятаны завесой тайны? – и уставился на управляющего.

Тот сделал самое невинное и честное лицо, мол, знать не знаю, о чем вы, все вам как на духу выложил.

– Гараи, мне страшно, – вдруг захныкала Марика. – Давай уедем из этого жуткого места!

Брат явно не ожидал такого и растерялся.

– До окончания расследования вы должны оставаться в замке! – припечатал Мец.

– Не должны, – покачал головой Сандор. – Без указа с королевской подписью вы не в праве нас задерживать. Другое дело, если вы решите кого-то арестовать.

– Только хватает ли на это ваших полномочий, лаор к... Мец? – вставил Анталь.

– И доказательств, ведь арестовать нельзя по собственному желанию, – добавил виконт.

Дознатчик кипел от злости.

– Мост еще не починили, – придушено пропищал со своего места управляющий.

– В самом деле? – тут уж не выдержала Шарли.

Джанос Хэри закивал.

– В принципе можно вернуться в порт, сесть на корабль и доплыть до другого города, откуда можно добраться до Окатавы, – тихо напомнил Гараи, явно не желающий себе такого приключения.

– Давай! Давай поедem! Братишка! – начала канючить Марика.

– Поговорим об этом наедине, сестра, – попытался урезонить ее тот.

– Мне страшно! Замок проклят! Мы тоже! Тут явно проклятье! Ну Гараи!!!

Извинившись, юноша утащил ноющую сестру из столовой, оставив всех в легком недоумении.

– Интересно, – задумчиво произнес Анталь, – Дерехи – убийцы или крысы?

– Может, Марика действительно испугалась, – вступилась Леа чисто из чувства справедливости. – Мне вот очень страшно.

Мец покосился на обеих оставшихся девушек, откашлялся и официальным тоном провозгласил:

– От лица королевской дознавательской службы прошу всех присутствующих задержаться в замке до окончания расследования или моего разрешения. У меня действительно нет полномочий удерживать вас здесь против воли, если вы не арестованы, однако я прошу пойти мне навстречу ради торжества правосудия. Даже если вам кажется, что вы не можете предоставить никаких полезных для раскрытия двух убийств сведений, вполне возможно, вы просто пока этого не осознаете, а на самом деле именно ваши слова раскроют дело.

«О как завернул, – подумала Леа. – И не подкопаешься».

– К тому же немедленный отъезд – это очень подозрительно, – добавил Сандор.

Девушка метнула на него недовольный взгляд: он-то в восторге от происходящего, а ей надо быстрее попасть в академию, откуда отец уже не сможет ее утащить. Конечно, шторм сбил его со следа, если он все же решил вернуть дочь, но надолго ли? Леанора передернула плечами. Перспектива вновь оказаться во власти родителя казалась сейчас страшнее нахождения в одном замке с убийцей. Поймав себя на этом чувстве, девушка всерьез задумалась, а все ли правильно с ее приоритетами. Правда, додумать мысль не успела – их пригласили поиграть:

– Сегодня чудесный день, – с деланным энтузиазмом заявил Джанос Хэри. – Пусть вы задерживаетесь в Сольгере не по самым приятным причинам, однако мы искренне хотим, чтобы время, проведенное здесь, стало для вас удовольствием. Поэтому предлагаю пройти на воздух. У нас есть чудесная площадка для лаукрета.

В Летних землях любили игры с большим размахом и меньшим количеством правил, однако в последнее время лаукрет активно развивался, причем зачастую под влиянием замужних дам. Мол, и активность, и прилично.

Основная задача игроков в лаукрете заключалась в том, чтобы забросить небольшой кожаный мяч на запретную территорию противника. У каждой команды она была своя и находилась за спиной защитников, максимально удаленная от «врагов» в начале игры. Само поле изобиловало неровностями и было расчерчено на зоны разной величины. Попадание мяча в какую-нибудь из них добавляло или отнимало очки. Мяч предлагалось гонять длинными изогнутыми внизу клюшками.

– Мне удалось уговорить сестру остаться, – когда все выходили из столовой, к ним присоединился Гараи. – Она сейчас приведет себя в порядок и спустится. Искренне надеюсь, лаор Мец обеспечит нам безопасность.

Дознатчик буркнул что-то и поспешил ретироваться.

Марика догнала молодых людей уже во дворе замка. Все вместе они подошли к самому краю сада, где раскинулась площадка для лаукрета. Там уже все приготовили. Клюшки и мяч находились в специальных подставках. На маленьком столике поставили графин с лимонадом и стаканы. Качели в виде удобной скамейки на толстых

цепях, подвешенной к врытым в землю деревянным столбам-арке, уложили подушками.

Гости замка разбились на две команды: Сандор, Этьен, Леа, Гараи в одной, Шарли, Анталь, Марика и Матьяш в другой.

Оглядев площадку, Леанора с поразившей ее саму игривостью вытащила из волос зеленую ленту и повязала на ветку дерева, вплотную подходившего к их защитному полю.

— Мы — команда зеленых, — догадался Сандор, и Этьен с Гараи со смехом подняли вверх правую руку со сжатым кулаком, как воины перед битвой.

— Тогда мы — желтые, — ответила Шарлотта, выдергивая из рукава платья ленту соответствующего цвета.

Анталь и Матьяш бурно ее поддержали, а и так недовольная Марика надулась еще больше: она с лентами не успела.

На первых этапах соперничество было минимальным. Оказалось, что особых любителей лаукрета среди присутствующих нет. Поэтому первые полчаса, а то и дольше, все со смехом вспоминали навыки махания клюшкой.

— Нет-нет, плавнее. — Сандор встал рядом и аккуратно повернул плечо Леа, потом коснулся запястья, чуть меняя его направление. — И бей. Понятно?

— Так? — Девушка, признаться, отвлеклась на прикосновения, отчаянно покраснела и, разумеется, ни демона не поняла.

— Почти. Вот смотри, так становишься, — на этот раз юноша показывал на себе, и Леа невольно подумала, что плечи у него, конечно, не такие широкие, как у Дени, но тоже очень даже ничего. А осанка и вообще стать, пожалуй, даже поэффектнее будут. Перед глазами будто наяву появились смешливые глаза кузена, его лихая озорная улыбка. В голове сделалось легко и радостно. Быстрее бы увидеться с ним. Тогда все наладится!

Сандор поймал ее счастливую улыбку, замер и неуверенно, но так искренне улыбнулся в ответ. Леа сделалось немного стыдно, что она отвлекается и его, похоже, морочит, и девушка постаралась взять себя в руки, чтобы, наконец, сделать то, что требовалось. Для этого, правда, Сандору пришлось несколько раз буквально направлять ее чуть ли не полностью.

— Получилось! Получилось!

Дени бы Леанора обняла, и она даже сделала движение навстречу парню, но остановилась, смущенно улыбаясь.

– Я рад, – ответил он, тепло смотря на нее невероятными золотисто-янтарными глазами, и с некоторой неохотой отошел на свою позицию. А Леа же вдруг поймала полный злости взгляд Марики.

– Кажется, я тоже не понимаю, как делать этот уда-ар, – томно протянула она. Взор, разумеется, изменился, а ресницы захлопали так активно, что Леанора засомневалась в том, что видела. – Вико-онт, может, покажете и мне?

– Э нет, – до того, как Сандор успел ответить, вмешался Матьяш, – во-первых, виконт Чард в другой команде, а во-вторых, у вас же совсем другой рельеф! Если тут использовать удар, который виконт показывал ла-орите Орманди, то это займет вечность. Сейчас я покажу, как надо, – Юноша подошел к Марике, уверенно направил ее руку с клюшкой и, приобняв, показал необходимое движение. – Вот так, поняли?

– Да-да! – яростно шипела девушка, пытаясь отстраниться от кавалера. – Я все поняла!

– Уверены? – не отставал Матьяш. – Я могу еще раз показать.

– Не надо! – Марика ударила по мячу, явно не так, как собиралась.

– Ах, как неудачно! – запричитал Варга. – Прямо в низинку. А тут я не мастер.

Ла-орита Дерех обрадовалась, но он тут же продолжил:

– Зато с такими ударами отлично справляется Антадь. Дружище, спасай нашу команду!

Тот усмехнулся и поспешил на помощь, а Матьяш отошел на свою позицию и уже оттуда подмигнул Сандору. Леа поймала себя на том, что ей очень-очень весело. Шарли со своей точки отсалютовала подруге и лилейно пропела:

– Дорогая Марика, мы не бросим вас, не переживайте. Мы же команда!

Удерживать смех стало совсем сложно.

Именно в этот момент Этьен вскрикнул и упал. Никто не понял, что произошло, но все устремились к парню. Тот уже сел и с удивлением рассматривал небольшую ранку на щиколотке.

– Ты чего, рыжий? – первым добежал Матьяш и профессионально провел рукой над порезом. – Уже на ровном месте падаешь? Давно

внимания к тебе не было?

– Пошел к демонам! – разозлился Этьен и оттолкнул недруга от себя. Тот сидел на корточках, и это движение неудачно – или удачно, как посмотреть? – покачнуло его, от чего Матьяш стал завалиться вбок, взмахнул руками, пытаясь удержаться, заехал рыжему по плечу и завалился, шмякнувшись самым глупым образом. Тут же вскочил, похожий на грузного кабана и, похоже, прекрасно осознающий, как это выглядит.

– Опять скажешь, что ничего не было?! – Матьяш схватил тоже поднявшегося Этьена за грудки и встряхнул. Тот попытался оторвать от себя его руки, однако не преуспел.

– Отпусти! Сам же в меня швырнул чем-то!

– Ты, принцесса, мозг где оставил?! – рыжего снова встряхнули. – Я вообще в другом месте был!

– Знаю я тебя! Всегда вроде не при чем! Но я-то знаю! Да отпусти ты! – Этьен вновь попытался вырваться, опять не получилось, и он, недолго думая, заехал извечному врагу в челюсть.

Матьяш отшатнулся, от неожиданности выпустил из рук ткань камзола, но тут же ответил ударом. Получил еще один. Завизжала Марика, еле успев отскочить от сцепившихся парней. Сандор оттащил застывшую Леа. Остальные отошли самостоятельно.

– Лимонаду? – предложил Антадь.

Шарли кивнула, а Марика буквально взвилась:

– Их надо остановить!

Сандор и Антадь переглянулись без какого-либо энтузиазма.

– Могу вылить на них лимонад, – предложил последний. – Но жалко.

– Гараи! – взвизгнула сестра, заставив брата вздрогнуть.

Ференц пожал плечами и пошел к столику с лимонадом. Там разлил его по стаканам и один принес Шарли, а второй Леа.

– Гараи!!! – еще более истерично и громко повторила Марика.

Тот тоскливо и умоляюще посмотрел на Сандора. Виконт вздохнул, и они оба отправились к дерущейся парочке – растаскивать.

Пока отдирали извечных врагов друг от друга, пока пытались убедить, чтобы эти герои успокоились, все вновь как-то сгрудились, оказались на одном пяточке, ругаясь и увещевая.

– А вы неплохо, я посмотрю, проводите время, – голос принадлежал Вакко Мецу, выглядевшему излишне довольным.

За его спиной стояли два стражника из замка, явно чувствуя себя неловко. Маг оглядел синяк под глазом Матьяша (прошлые он и его противник успели залечить, целители!), прижимающего платок к разбитой губе Этьена и хмыкнул.

– Лаор Варга, вы обвиняетесь в убийстве ориты Бианки Лодор, которая здесь представлялась как виконтесса Кларисса Зилийская. Пройдемте.

До присутствующих не сразу дошло сказанное, потом все одновременно зашумели, завозмущались.

– На каком основании вы делаете такое чудовищное обвинение? – выступил вперед Сандор. – Витраж с неизученной магией и домыслы не могут быть основанием для королевского дознатчика.

– Разумеется, нет, – презрительно скривил губы Мец. – А вот найденная в комнате лаора Варги окровавленная перчатка – вполне.

– Вы обыскивали наши комнаты?! – Марика прижала руку к губам.

– С чьей кровью? – уточнил Сандор одновременно.

– По какому праву?! – взревел Гараи.

– Какая еще перчатка? – возмутился Матьяш.

Маг снисходительно переждал эти реплики и, ядовито улыбнувшись, принялся отвечать:

– Кровь – Бианки Лодор, это проверили специальным артефактом. Да, мы обыскали ваши комнаты. В ходе расследования королевский дознатчик имеет на это право, ведь эти комнаты не являются вашим имуществом, а разрешение от управляющего мы получили...

– Это возмутительно! – Марика пошла красными пятнами. – Какие-то мужланы... мужланы... переворачивали мои вещи! Платья! Трогали мое белье! У вас хоть какое-то понятие деликатности и приличий есть?!

При мысли, что кто-то касался и ее интимных вещей, Леа тоже стало противно, но куда больше ее волновала мысль о том, что дознатчики нашли камень-брат султанита из медальона «Клариссы». На нем, конечно, не написано, чей он. Но вдруг Бианка его кому-то показывала, или на нем какие-то следы принадлежности сохранились. Камень мог и вовсе засветиться в каком-то другом расследовании или

вообще быть украден. Что она скажет, если ее попросят объяснить, откуда у нее такая редкость, особенно если узнают про «родство» самоцветов. Вот же ж дернули ее демоны взять этот султанит! Не могла пройти мимо!

Не могла... У всех камней в ее браслете была своя история...

Как будто этого мало, Леа вдруг услышала, как кто-то поет. Красивый женский голос, переходящий в мужской. Она просто обмерла. Точно, они нашли камень, и этот мерзкий лаор Конец даже принес его с собой! Несколько мгновений паники – и неожиданно девушка поняла, что голос-то другой. Но она тоже уже слышала его!

В браслете Вельгарды.

«Лунная Королева, спаси, не оставь...» – простонала девушка мысленно.

И украдкой начала оглядываться, шаря взглядом по запястьям. Точно браслета не было только у Шарли: слишком открытые руки, однако надеть же можно и не на руку. Даже просто в карман положить. Взгляд Леа метался от одного участника перепалки – а такая произошла-таки – к другому, но девушка никак не могла определить источник звука. Все стояли слишком близко...

Пение мгновенно пропало, будто оборвали. И будто назло сразу несколько человек – Гараи, Антадь и Этьен – на нее посмотрели. Леа опустила глаза, не желая обратить на себя внимание ни законника, ни убийцы.

Матьяша все-таки увели, как под конвоем, на допрос. Слово «арест» не прозвучало, но повисло в воздухе.

Глава 28

– Это не он, – помотал головой Этьен.

– Но что-то же они обсуждали на третьем этаже, – резонно заметил Гараи, глядя вслед ушедшим.

– Да какая разница! – рыкнул рыжий. – Не там же все произошло! Матьяш, на веревке влезавший в окно и дерущийся с девчонкой? Это просто смешно! Мне нужно поговорить с этим... дознатчиком!

Отряхнув камзол, Этьен направился в замок.

– А вы заметили, – Антадь, налив лимонада и себе, отхлебнул, – что Плеймонд привел те аргументы, которые ничего не стоят против окровавленной перчатки?

На Ференца обернулись все и посмотрели с разной степенью раздражения.

– А что он должен был сказать, по-вашему? – нахмурился Гараи.

Антадь сделал еще глоток и после паузы предположил:

– Например, дать описание перчаток своего друга-недруга. Они же соседи, наверняка часто сталкивались. Вряд ли же речь о перчатках, которые после первого бала сразу на выброс.

– Но перчатки часто меняют, – Марика встала поближе к Сандору и выразительно посмотрела на лимонад.

– Верно, – кивнул Антадь. – Но вряд ли Матьяш Варга взял с собой целую коллекцию.

– Мне кажется, Этьен просто сразу не додумался до этой мысли, – предположила Леа. – Даже меня потрясло это нелепое действие от лаора Конца, что уж говорить о том, кто знает Матьяша долго?

– Этьен может быть и банально невнимательным, – задумчиво добавил Сандор, передав Марике стакан с лимонадом. – Но в целом мысль интересная. Возможно, мы что-то вспомним, что поможет Матьяшу?

– Ты не думаешь, что он убийца? – Шарли внимательно посмотрела на виконта.

– Я этого не исключаю. Но верится не особо. Причем, – он усмехнулся, – по тем же причинам, какие озвучил Этьен. То есть связанным больше с характером Матьяша, чем с фактами.

– Я не думаю, что кто-то из нас убийца, – Гараи оглядел присутствующих. – Мы дворяне. Наше оружие – меч, сабля, магия, – он хмыкнул, – на худой конец, яд. А в случае с этой девушкой... Бианка Лодор, я правильно запомнил? Так вот... я так понял, там нож был. Да еще и этак... по горлу, сзади. Не могу себе представить, что кто-то из нас на такое способен. Скорее, речь идет об отдельных представителях низших сословий. Я говорю, – он заговорщически понизил голос, – о ворах, наемных убийцах, прочих головорезах. Конечно, и среди простых солдат случаются... умельцы. Но, согласитесь, подозревать нужно, скорее, кого-то из местных служак или этого человека, что сопровождал лже-виконтессу.

Все горячо согласились, Леа – тоже, мысленно вздохнув: «Как хорошо было бы, окажись Гараи прав!»

– Что-то мне расхотелось играть в лаукрет, – скорбно вздохнула она. – Может, в другой раз?

– Да, настрой уже не тот, – кивнул Сандор и предложил ей локоть, за который Леа с удовольствием ухватилась.

Шарли быстро пристроилась к Анталю так, что ему ничего не оставалось, как согнуть приглашающе руку. Виконтесса воспитанно поблагодарила и воспользовалась предложением. Гараи с Марикой пошли третьей парой.

Признаться, Леа никак не ожидала, что ее порыв поддержат, но ей срочно требовалось осмотреть комнату, чтобы понять, нашли ли что-то этакое дознатчики или нет. Особенно волновал камень из медальона лже-Клариссы. Надо придумать, что врать про него, если спросят... Причем врать так, чтобы ложью не было. Судя по тому, как все, не сговариваясь, в замке разбежались по своим комнатам, мысли у них сходились.

Закрыв за собой дверь на задвижку, Леа прижалась к ней спиной и оглядела помещение. Нет, у нее не возникло ощущения, что здесь прошлось войско завоевателя, как она опасалась, но было совершенно очевидно, что чужие люди трогали ее вещи. Все лежало так, да не так. Сдвинуто, в другом порядке, ящики до конца не закрыты, сложено неаккуратно. Леа подошла к столику и достала шкатулку с драгоценностями. Ее страховка на случай, если все пойдет не так. Украшения – все до единого – оставили на месте. Это не могло не радовать.

Тогда она наконец решилась и полезла туда, где спрятала камень лже-Клариссы. Ну как спрятала... Просто не достала из кармана. «Та-ак, вот здесь он должен быть». Однако первый карман оказался пустым. Леа покрылась холодным потом и полезла во второй. Тоже ничего. Как так-то?! Неужели украли? Или она, растяпа, потеряла? Да нет, она же потом его доставала. Уже в комнате! Когда пришла, вытащила, осмотрела и снова убрала. Она точно это помнит! Девушка принялась снова проверять платье. Не может быть, не может быть... Украли! Теперь это сокровище в лапах этих мерзких дознатчиков! Негодяи!

В этот момент Леа заметила платок внизу, под одеждой. Шумно выдохнув, села на корточки. Упал просто! Она взяла в руки платок с инициалами Сандора, подумав, что надо вернуть, и обнаружила, что и тут нет камня. Подумав, девушка начала осматривать весь пол гардероба. Не мог же султанит без следа пропасть!

Спустя несколько минут Леаноре пришлось признать, что султанит украли. Или конфисковали, как посмотреть. А платок просто бросили, ха-мы!

– Проклятье, – выдохнула девушка и села на пол, прислонившись спиной к двери гардероба. Обидно было до ужаса.

Что-то сегодня у нее сплошные потери... Ночная химера под утро исчезла, как и положено сну, камень пропал. Матьяша арестовали или как там это называется? Он, конечно, ей никто, но почему-то жалко. А ведь тогда на площадке для лаукрета она снова слышала султанит из браслета Вельгарды. Или это был голос того диаспора, что украли у нее? «Наверняка лежит теперь в кармане у лаора Конца, который так и ждет возможности обвинить меня в очередной гадости!» – раздраженно подумала Леа. Правда, как ни погляди, камень она действительно украла, так что гадость вполне заслужила. Девушка фыркнула и снова огляделась. Может, она выложила султанит, и он сейчас где-то в комнате? Она, конечно, обычно провалами в памяти не страдала, но в последнее время столько потрясений, что не мудрено и забыть что-то.

Уговаривая себя встать и продолжить поиски, Леа осталась сидеть на полу и даже прикрыла глаза. «Что-то умаялась я...» Она не сразу поняла, что почему-то прислушивается к тишине замка. Толстые стены

оберегали комнату от обычных бытовых звуков, пусть и не от всех. Но сейчас девушку что-то тревожило, что-то непривычное...

Цоканье! Леанора распахнула глаза, сообразив, что узнает этот звук. Ночью! Ночью был такой же! Она вскочила и уставилась в угол, откуда в прошлый раз пришла ее каменная химера. И именно с той стороны сейчас звучало это цоканье.

– Ну же, малышка, давай! – Леа заметалась, не зная, как помочь, потом присела рядом со стеной, приложила к ней ладони и выпустила немного своей магии. Цоканье стало бодрее, приближалось, звучало все громче, пока наконец на руки девушке прямо сквозь камень не вывалилась довольная химера. Сейчас это милое чудище больше всего напоминало щенка, ошастливленного приходом хозяина. Оно тыкалось Леаноре в ладони, живот, колени. Девушка и сама радовалась ужасно. Гладила химеру по голове, крыльям, спине, морде, говорила какие-то ласковые слова и аккуратно подпитывала магией. Леа совершенно не представляла, правильно ли поступает и не аукнется ли ей заигрывание с неизвестными силами, но совершенно не могла устоять перед этим милым созданием. То же, выразив первую свою радость, вдруг распахнуло пасть и, прежде чем чародейка успела испугаться, выплюнуло перед ней желто-зеленый, такой знакомый камешек.

Сперва опешив, Леа уставилась на подношение, и будто в ответ то отозвалось знакомым, меняющимся от женского к мужскому голосом. Вскрикнув от радости, девушка взяла султанит и принялась его рассматривать. Ну точно! Это тот самый, что раньше она принесла к себе в комнату.

Химера выглядела жутко довольной.

– Ты ж моя умница! – Леа стала наглаживать ее меж ушами. – Ты перед обыском прокралась в комнату и утащила камешек?

Чудище закивало и еще больше залучилось счастьем. Совершенно непонятно как, ведь вырезанные скульптором черты не двигались, но девушка с легкостью считывала эмоции зверя.

– Какая же ты молодец! Умница! Горжусь! – слова одобрения так и сыпались из Леаноры, и, похоже, это именно то, что требовалось. – Как же ты догадалась?

Вид у химеры стал хитрый-хитрый. Потом она вдруг насторожилась и замерла, будто прислушиваясь. Леа затихла тоже.

Каменная малышка что-то поняла, потерлась в руки девушки еще раз и поцокала к стене, куда и ввинтилась, будто всосавшись в нее. Юная чародейка только покачала головой: как такое вообще возможно? Тем не менее именно это происходило...

Подняв к свету, Леа какое-то время рассматривала принесенный ее неожиданной помощницей султанит. Тот игриво подмигнул алым. Девушка усмехнулась и, немного подумав, вставила его в браслет, в одну из свободных паз. Серебро плетения скрывало камень. Кто там разберет, что за самоцвет, остальные же все разные, одним больше, одним меньше.

В дверь постучались. Не это ли услышала химера?

– Это я! – Шарли явно заскучала.

Леа уже шла открывать и глупо улыбалась, словно только сейчас осознала, что ее ночная гостья оказалась настоящей. Это не сон, не шутка сознания. Она действительно существует!

– Пойдем прогуляемся! – выпалили девушки одновременно, стоило двери открыться. Замерли и засмеялись.

– Пошли! – так же одновременно ответили они и засмеялись снова.

– Давай побродим по замку, – предложила Шарли. – Он такой необычный и красивый, столько деталей, что хочется разглядывать и разглядывать!

– Согласна, – кивнула Леа. – Только давай бродить по направлению к «чудовищному» залу. Хочу посмотреть на него еще раз. Что-то не дает мне покоя, – на самом деле она хотела посмотреть на свою химеру. Вернулась ли она или место пустое? Надо также убедиться, не фонит ли от нее магией и вообще все ли в порядке.

– Давай, – легкомысленно пожала плечами Шарлотта. – Мне, в принципе, все равно куда бродить.

Девушки вышли из комнаты и направились к лестнице. Однако на середине дороги Леа вдруг притормозила.

– Что такое? – подняла брови ее подруга.

– Не знаю, – растерянно призналась та. – Что-то не то...

– Что именно не то? – попыталась разобраться Шарли.

– Что-то изменилось, – подумав, произнесла Леа и огляделась.

Слишком реалистичные фрески по-прежнему смотрели на них, будто выжидая и откровенно подслушивая разговор.

– На мой взгляд, у Вельгарды было отвратительное чувство юмора, – Шарлотта скептически рассматривала нарисованных людей, – но при этом стальные, эм, нервы. Вот ты смогла бы жить в окружении всей этой толпы? – и картинно повела рукой, указывая на фрески вокруг.

Леа честно оглядела даму в синем и жемчугах, рыжеволосого мужчину, действительно похожего на Этьена, высокого брюнета в костюме прошлого века, закованных в доспехи рыцарей, нахального лохматого барда в зеленом. «Вроде все на месте», – мысленно усмехнулась она.

– Пожалуй, это было бы непросто. Я слышала, у Вельгарды действительно было весьма своеобразное и даже жестокое чувство юмора. Я не удивилась бы, если бы это оказались изображения его врагов.

– Почему? – мужской голос раздался из-за их спин, и девушки подскочили на месте.

– Анталь, – засмеялась Шарли. – Вы всегда подходите так бесшумно!

– Прошу прощения, – юноша приложился к ручкам подруг. – Не хотел вас пугать.

– Ага, само вышло, – хмыкнула Шарлотта.

Молодые люди рассмеялись, а потом он все же уточнил, повернувшись к Леа:

– Так почему именно враги?

Та пожала плечами.

– Не знаю. Сказал бы что-нибудь типа «Бодрит».

Анталь расхохотался.

– Мне нравится ваша идея, Леа.

– Предлагаю перейти на «ты», – вставила Шарли. – Мы все можем считаться, по крайней мере, близкими приятелями, как считаете?

– Я полностью поддерживаю!

– И я, – кивнула Леанора, еще раз оглянувшись на фрески. – Мы идем в «чудовищный» зал. Вы с нами?

– Почему бы и нет? После недоразумения с Матьяшем меня не оставляет мысль, что лучше держаться рядом с людьми.

– Меньше шансов, что убьют? – поддела Шарлотта.

– Меньше шансов, что обвинят, – ей в тон ответил Анталь.

Девушки обдумали эту идею.

– По закону подлости если еще кого-то убьют, то обязательно, когда каждый из нас будет один, – высказалась Шарли.

– Я собираюсь свести количество этих моментов к минимуму, – усмехнулся Антадь. – Если судьбе угодно шутить такие шутки, то пусть помучается, выбирая время.

Подруги хмыкнули.

– Вообще, конечно, время для убийств выбрано, когда мало у кого есть, как это в книгах пишут, алиби? – продолжила мысль Шарлотта.

– Угу, оно.

– Ночь и раннее утро. Раннее же?

Ференц пожал плечами.

– Я так и не понял, если честно. Этот лаор Конец спрашивал вразнобой, очевидно, желая меня запутать.

– Получилось? – с интересом уточнила Шарли.

– Получилось. И я запутался, и он сам запутался. Сказал, что я над ним издеваюсь, а я всего лишь уточнял.

– Раньше я как-то больше верила в нашу стражу, – фыркнула Шарли.

– В книгах они обычно другие, – протянула Леа. – Сообразительные, почти гениальные.

– Это смотря в каких. Я читала и такие романы, где все раскрывал случайный гость.

– Шарлотта Имре-Натъярская, мы не будем заниматься никакими расследованиями!

– Я и не собираюсь, чего ты?

В этот момент из-за угла со стороны библиотеки вынырнул Сандор, на миг замер, потом решительно направился к ним.

– Ты решил почитать? – спросила Шарли.

– Почти, – ответил Александр. Дождался вопроса в глазах собеседников и улыбнулся: – Я нашел генеалогическое древо рода Хэри и сравнил его со списком владельцев и управляющих Сольгером, который добыл вчера.

– Я поражена, – с уважением призналась Шарлотта.

– Получилось что-то интересное? – Леа посмотрела на юношу с восхищением, от чего он сразу почувствовал себя героем.

– Весьма.

В этот момент молодые люди дошли до «чудовищного» зала.

– Странно, что его еще не закрыли, – заметила Шарли.

– Здесь не так много стражи. А замок – это преграда лишь против хороших людей, – ответил Анталь и пропустил девушек к двери. Сандор зашел последним.

– Так что там с Хэри?

Взгляд Леа устремился к углу, где должна была быть ее химера. И, скорее всего, была, потому что никакой дыры или отсутствующего украшения там не наблюдалось. Но чтобы понять точно, нужно подойти, причем так, чтобы сопровождающим ее интерес к одному из каменных чудовищ не показался странным.

Пока Леанора мучительно придумывала предлог, Шарли огляделась и ахнула. Ее спутники повернулись и проследили ее взгляд. Девушка смотрела на витраж. Он снова изменился.

Глава 29

Молодые люди потрясенно разглядывали новую картинку. Собственно, ключевые изменения претерпели две фигуры – мужчины в костюме демона и куури. Второй, поражая новым – рыжим! – цветом волос, прямо над телом убитой протягивал первому кубок, узоры на котором сплетались в хорошо различимый символ яда. Куури насмешливо улыбался, а мужчина с окровавленными руками казался растерянным и тянулся к предлагаемой чаше. Остальные смотрели на это с разной степенью интереса и ужаса. Леа не сразу увидела, что и убитая тоже изменилась – теперь у нее были светлые волосы и темная одежда. Кровь у горла походила на алый шарф. Сейчас девушка отчетливо напоминала лже-Клариссу. Сомневаться не приходилось.

– Боги, опять! – раздался рядом горестный вопль Джаноса. Они настолько засмотрелись, что не слышали его шагов. Мужчина стоял у дверей и взирал на витраж с ужасом. – Лунный Король, ну чем я перед тобой провинился-то?!

На лице управляющего отражалась такая искренняя смесь скорби и возмущения, что сразу верилось – это не игра.

– То есть это не во второй раз, не так ли? – мигом сообразил Сандор. – Бывали еще случаи?

– Если бы второй! – Джанос застонал. Глаза его бегали, а губы дрожали. – Не нужно было соглашаться! Не нужно!

Управляющий развернулся и попытался уйти, но виконт в одно мгновение оказался рядом, схватил его за грудки и с силой, удивившей всех, прижал к стене.

– А ну немедленно отвечай! Когда это было еще?

– Лаор Чард, что вы творите?! – запищал Джанос, а юноша от ярости потрянул его, но того это не остановило. – Я ничего не знаю! Не трогайте меня! Да что вы себе позволяете?! Лаор Ференц, барышни, вмешайтесь!

Анталь подошел к занятой парочке. На лице управляющего отразилось торжество. Сандор же лишь еще раз сильнее потрянул его. Баронет оказался рядом с ними и... закрыл дверь. Потом медленно повернулся к не верящему в происходящее мужчине.

– Речь идет о наших жизнях, милейший лаор Хэри, – улыбнулся, показывая острые клыки, Анталь. – Как думаете, что ценнее для нас – ваше спокойствие или наша безопасность?

Сандор держал крепко, и Джанос на это только возмущающее булькал.

– Не знаю, как виконта Чарда, – продолжил Ференц, – но меня пыткам не учили. Поэтому я просто буду использовать пламя, которым владею не слишком хорошо, – он повел рукой в воздухе, и в ней появился огненный шар. Пару секунд все замороженно пялились на него, а потом вдруг пламя полыхнуло в высоту на два локтя. Девушки вскрикнули, мужчины дернулись от неожиданности. Мгновение – и Анталь сжал руку в кулак, и огонь погас. – Надеюсь, мы обойдемся без банальщины вроде «Вы не посмеете» и «Я буду жаловаться»? И посмею, и сделаю, и ничего мне за это не будет. – Юноша шагнул впритык к Джаносу и посмотрел на него как-то предвкушающе. – Мне очень страшно за свою жизнь, милейший. Поэтому прошу вас, не заставляйте меня делать то, что не хочется, но что я сделаю, чтобы спастись.

Сандор поймал себя на том, что Анталь мог говорить что угодно, но если он смотрит так, как сейчас... смолчать невозможно. Этот взгляд просто отметал все цивилизованное – манеры, гуманность, опасения перед законом, и без этого всего из серых глаз баронета скалился хищник. Почувствовал это и Джанос. Его аж передернуло всего, Александр ослабил хватку.

– Да что вы хотите! Я ничего не знаю! Не знаю! – заскулил управляющий.

– Что с витражом? – отчеканил Анталь, голосом показывая, что терпение его на исходе.

– Проклятый! Проклятый витраж! Проклятый замок! – Джанос на глазах терял выдержку. – Боги, как я устал. Проклятый замок! Я неудачник, раз попал сюда. Проклятое наследство. Роду Хэри всучили его за предательство, вот и платим. Но не отказаться! Земли же! Доход от них! Король поставил условия – замок нельзя забросить, хоть кто-то из Хэри должен бдить. Но если Хэри тут живут, мрут как мухи. И всегда не прикопаться! Вот и придумали одного из младших ставить управляющим. Так есть шанс. Особенно если не живешь в самом здании. А теперь вот я!

– Что с витражом?! – рыкнул Ференц, а девушки переглянулись, осмысливая сказанное.

– Он меняется! – еще больше задрожал Джанос. – Каждый раз! Приезжают гости – и он меняется. Подстраивается под них. Не всегда понятно, но это всегда провокация! Или секрет выдает, или шутит! Проклятый замок! Проклятый витраж! И я – неудачн...

– Шутит?

– Это же замок Вельгарды! – почти заорал управляющий. – Тут все-все – злая шутка!

– То есть он показывает неправду?

– Да что хочет, то и показывает! Но если бы только врал, то столько обид бы не было!

Леа с Шарли покосились на витраж. Они обе догадывались, какая из фигур обозначала именно их, и им не нравилось то, что об этом могут догадаться и остальные.

– Если он начал меняться, жди беды, – голос Джаноса стал глуше, обреченнее. – Хорошо еще, если люди просто сцепятся из-за увиденного, если уедут, тоже хорошо. А вот если драки... или еще что?

– Ты же говорил, что убийство в первый раз.

– Четыре дуэли. Без худшего исхода, но почти! Три пары разругались до разрыва. А уж скандалов, ссор, предательств, перехода на другую сторону... Все, чем Вельгарда славился! Как при жизни стравливал людей, так и теперь.

– Вельгарда возродился?

– Может, и возродился. А может, и нет. Но няльцы скоро пожалуют. Они всегда шерстят студентов. Это по их задумке почти все поступающие едут через замки, где есть артефакты Вельгарды. Говорят, так уже троих поймали. Возродившихся. Или тех, кого за них можно принять. А тут еще и убийство. Это плохо, плохо. Точно пожалуют.

– То есть опасность витража в том, что он может показать картинку, которая или раскроет факты, или просто обманет, верно? – спросил Сандор, хмуря брови.

Управляющий нервно закивал.

– Откуда он знает правду?

– Это же замок Вельгарды!

– То есть ты не знаешь?

– Я вообще ничего не знаю, – проскулил Джанос. – Отпустите уже. И так тошно. Вы еще тут.

– Какие еще опасности есть в замке? – не обратил внимания на его слова Сандор. – Я имею в виду связанные с его, хм, проклятьем.

– Да какие угодно! Можно с лестницы упасть, можно пирожком подавиться!

– Может, все-таки поджарить? – вступил Анталь, почувствовав, что Джанос успокаивается. Тот диковато на него глянул.

– Я не знаю, правда. Но физически он не убивает. Просто... пробуждает дурное. Обманывает витражом, фресками. Здесь у всех мысли и идеи самые опасные. Желания острее, будто манеры и воспитание ничего уже не значат! Вот и вы! Вы же дворяне! Аристократы даже! Что вы себе позволяете! При девушках!

– Я полностью одобряю, – отозвалась Шарли. – О таких вещах надо говорить заранее! Предупреждать!

– А кто тогда будет останавливаться у нас? У нас договор с академией и нь... – тут Джанос захлопнул рот и затрясся.

– И ньяльцами, – вместо него договорил Анталь. – Все понятно.

– Да ничего непонятно! Им откажешь! А браслет и правда никто забрать не может! Все сложилось! Да отпустите уже! – Он вывернулся из рук Сандора и отпрыгнул в сторону. – Мне надо доложить дозналчику! – и пошел к двери.

Юноши переглянулись. Анталь махнул рукой, мол, пусть уходит, все равно уже момент упущен.

– М-да... – протянула Шарли, вновь косясь на витраж. – Кто бы мог подумать...

Леа тоже смотрела на стеклянную картину и с ужасом думала, что если кто-то догадается... то реакция отца покажется ерундой. Надо убираться отсюда поскорее. Неизвестно, что витраж покажет завтра. Девушка поглядела на товарищей по несчастью. Они с тем же неодобрением взирали на разноцветную провокацию.

– Не нравится мне все это, – произнес Сандор. – Похоже на ловушку.

– Сейчас сюда ввалится лаор Конец, – поморщился Анталь. – Давайте перейдем куда-нибудь.

Никто не отказался, явно не желая оставаться перед витражом, раскрывающим их тайны.

– Интересно, почему Этьен протягивает яд Матьяшу? – Сандор держал лицо, но взгляд выдавал его тревогу.

Они зашли в одну из гостиных и начали уже располагаться, как вдруг Леа выпалила, сообразив, что ее так беспокоит:

– Фрески!

Глава 30

На Леа недоуменно посмотрели. Сандор же начал крутить головой.

– Где?

Именно в этой комнате рисунков на стенах сделать не удосужились. Возможно, за этим крылся особый смысл.

– В коридоре, где наши комнаты, – пояснила Леа.

– Да, мы видели, – хмыкнула Шарли. – Ты, к слову, тоже.

– Видели? А почему промолчали?

Взгляды всех присутствующих выражали крайнюю степень непонимания.

– Леа, – осторожно начала Шарлотта. – Мы их даже обсуждали. В первый же день. Матьяш тогда сказал, им максимум сто-сто двадцать лет.

– Не согласен, – вставил Анталь.

– Я тоже, – поддакнул Сандор.

Леанора возмущенно посмотрела на всех троих.

– Вы издеваетесь, да? – отчего-то ей вспомнились ссоры с братом. Он частенько любил выставить ее дурочкой. – Я про изменения! Сегодняшние!

– На витраже? – не поняла Шарли.

– На фресках!

– И что за изменения? – спросил Сандор, наконец углядев хвостик логики в этом разговоре.

– Н-надо проверить, – вдруг засомневалась Леа.

Шарли тут же закатила глаза, уже зная эту манеру подруги.

– Говори немедленно! – приказала виконтесса. – Даже если ошиблась, просто посмеемся.

– Никакой беды в ошибках нет, – пожал плечами Анталь. – Лучше ошибиться, чем не заметить важного.

А вот Сандор помрачнел. Вид у него стал отрешенный и задумчивый.

Леанора немного помялась, потом вздохнула и произнесла:

– Они поменялись местами. Люди на фресках стоят в другом порядке. Всегда было так: тревожная девушка в скромной одежде, как у компаньонки или бедной родственницы, дама в синем и жемчугах, потом высокий брюнет в костюме прошлого века, за ним рыжеволосый, похожий на Этьена. А сегодня, вот когда мы встретились в коридоре, стало так: дама в синем, рыжий, потом брюнет.

– Хм, ты уверена? – не подумав, спросила Шарли. Потом глянула на возмущенное личико подруги и поправилась: – А, ну да.

– Чего гадать? Пойдемте проверим, – Сандор поднялся и подал руку Леа. Она сразу же ухватилась за нее.

На то, чтобы чинно выйти из гостиной, их еще хватило, а потом парочку обогнала Шарли, обернулась и с широкой улыбкой подначила:

– Что за унылые гуси? А ну кто быстрее!

Подхватила юбки и понеслась к лестнице. Леа замерла лишь на миг, а потом неожиданно даже для себя взвизгнула и помчалась следом. Парни переглянулись, усмехнулись и дали девушкам несколько секунд форы.

Это казалось безумием, но будто всем стало лет по десять, когда можно носиться по дому и ни о чем не беспокоиться. Леа бежала, высоко поддерживая платье, и нисколько не переживала, что такое непотребство кто-то увидит. Боги, как же ей не хватало этой свободы! Она же была таким активным и веселым ребенком. Когда стала этой, как верно сказала Шарли, унылой гусыней? Приличия, корсеты, юбки в пол, сложные прически, манеры, манеры, манеры и главное – постоянные мысли о замужестве, как бы поудачнее и повыгоднее. И пусть у нее есть Дени, но так и крутится в голове, что беден и не в чинах. Он лучший просто потому, что это он. И к демонам все. Выкинуть из головы и просто жить. Просто жить. Учиться. Дружить. Любить. Бежать, но не спешить. Все будет. У нее все еще будет.

На верхней ступеньке лестницы они все оказались практически одновременно. Конечно, юноши немного поддались, да и Шарли удачно замерла на месте, дернув Леа на себя и обняв, чтобы не упала. Та инстинктивно вцепилась в подругу. Выровнявшись, девушки посмотрели друг на друга и засмеялись, радуясь этой легкости и тому,

что рядом те, с кем можно чудить в свое удовольствие. Юноши глядели на них с улыбкой.

– А теперь показывай, где там твои забывшие свое место мужчины, – хохотнула Шарли, и подруги пошли вперед, правда, уже с куда меньшим энтузиазмом. Страх перед иррациональным вновь коснулся их душ, но девушки крепче сжали руки друг друга, поддерживая и делась живым теплом. Сандор и Антадь шли совсем рядом, и было так приятно ощущать это. Пока еще такие молодые, они уже казались силой, с которой не страшно.

– Эти?

– Не-не, сейчас, – Леа сделала еще пару шагов и указала на смутившие ее фигуры. Они по-прежнему находились на тех местах, что и недавно. – Вот! Смотрите! Вот рыжий, вот брюнет. А еще вчера рядом с дамой в синем стоял брюнет. Они красиво смотрелись вместе. А рыжий рядом с ней совсем чуждо выглядит.

Все четверо уставились на фреску. Антадь даже запустил руку в свои пушистые волосы, от чего они еще больше растрепались.

– Ты уверена?

Леа зарычала.

– Теперь да! Я точно помню, что порядок был другой!

– Это... странно, – вымолвил наконец Сандор.

– И жутко, – Шарли посмотрела на коридор в сторону своей комнаты. – Они что... сами могут двигаться?

– Как живые? – скептически хмыкнул Антадь. – Не думаю.

– А вот этот вообще не похож на Матьяша, – Шарли указала на брюнета с фрески.

– А почему он должен быть похож? – удивилась Леа. – Я про рыжего говорила, – и она показала.

– Потому что они как-то вместе воспринимаются. Соседи, учились вместе, какие-то претензии у каждого друг к другу. По факту только они имеют общую историю. А мы со всеми знакомимся с чистого листа.

– Еще Гараи с Марикой, – заметил Сандор.

– Точно. Еще они. Но у них очень ровные отношения. А Матьяш и Этьен постоянно цапаются, поэтому более заметно, что они давно знакомы. Жаль, что этот брюнет не похож на Матьяша, было бы забавно.

– Лично мне довольно уже того, что витраж похож, – высказался Анталь.

Судя по лицам, схожесть витража с гостями удручала и их.

– Все-таки с фресками непонятно. – Сандор повернулся к изображенным на стене мужчинам. – Зачем они поменялись местами?

– Тебя это волнует? Не вопрос – как? – хмыкнула Шарли.

– Ответ нам уже дал Джанос, – пожал плечами он. – В замке явно творится что-то непонятное, магическое или даже волшебное. Весьма сомневаюсь, что даже очень искусные чародеи разберутся, поэтому предлагаю смириться с самим фактом. Замок Сольгер необычен.

– Что-то у меня смириться не получается, – поежилась Леа.

– Особенно с учетом того, какие шуточки любил Вельгарда, – добавил Сандор.

Глава 31

Шутки Вельгарды вошли в историю и даже стали нарицательными, означая что-то злое, с весьма сомнительной моралью, в результате чего вскрываются тайны, о которых лучше было бы умолчать. Да, именно с правдой, как ни странно, больше всего ему нравилось играть. Но обращался он с ней весьма вольно. А поскольку делал это Вельгарда почти всегда на пользу стране или хотя бы королю и Летнему князю, то до поры это воспринималось как должное и только приветствовалось. Например, его любимым способом защиты было стравить соседние государства, подстроив так, скажем, что одно накапливает войска на границах другого. Опасаясь нападения, каждое из них перебрасывало свою армию в указанное место, и таким образом ложь становилась правдой. Если даже не случалась война, то отношения между ними оказывались подпорченными, и объединиться против Ланьберга они уже не могли.

Иногда он пускал слух, что разрабатываются новые невероятно эффективные боевые артефакты, и позволял чужой разведке красть реальные исследования с маленьким нюансом – зашедшие в тупик. Противники тратили деньги и время, пытаясь по этим данным воссоздать оружие и смастерить защиту от него. Вельгарда еще и обязательно вписывал в необходимые ингредиенты этих артефактов какой-нибудь редкий материал из ланьбергских земель, который потом продавали за бешеные деньги. Разумеется, королю это не могло не нравиться. Пока касалось врагов или вероятных противников.

Леаноре больше всего запомнилась история, как Вельгарда «подшутил» над двумя своими противниками. Так получилось, что их жены рожали примерно в одно время, и неизвестно как, но ему удалось подменить младенцев. Последующие лет десять он с интересом наблюдал, как семьи живут с детьми, совершенно непохожими на своих родителей. Подозрения в неверности, обиды, скандалы! В какой-то момент страсти по этому поводу стали утихать, и вот тогда Вельгарда озвучил правду. Она стала ударом, потрясением. Отпустить в чужую семью сына, которого растил десять лет? Невозможно! Но и свою кровь оставить в нем нельзя! Ситуация

переросла в ссору, а потом и в полномасштабную войну между давними противниками Вельгарды.

Ему вообще нравилось говорить правду, которую тщательно скрывали. Леаноре вдруг подумалось, что, если станет известно, кто она на самом деле, это сломает ей жизнь даже больше, чем замужество со стариком.

– Может, уедем? – робко произнесла Леа. – Я действительно боюсь оставаться в замке, где такое происходит.

Потом она вспомнила свою химеру, и сердце заболело. Как ее тут бросить? А если жизнь ей дает ее, Леаноры, магия? «Но как-то же она и раньше жила... Или не жила, а просто была? Обычной скульптурой в зале, полной таких же... Боги, а они тоже живые? И камень ли? Может, окаменевшие, как от взгляда василиска?» Девушка почти решилась посоветоваться с друзьями, но поняла, что не готова делиться этим и ставить свою химеру под угрозу.

– Проще дождаться, когда мост починят, и уехать, что бы там ни думал лаор Конец, – нахмурилась Шарли. – Иначе придется возвращаться к порту, искать корабль, снова пытаться доплыть до Бреакса.

«Где запросто могут быть подручные отца», – подумала Леа. Сейчас, до того, как ее приняли в академию, он еще может ее вернуть.

– Да, ты права. Не будем паниковать.

– Это здорово, что вы так решили, – улыбнулся Антадь. – Мне кажется, Сольгер хоть и чудит, но в нем нет зла, – он подумал и добавил: – По крайней мере, к нам.

– А как же Матьяш?

– Уверен, это недоразумение скоро разрешится. К тому же замки не подкидывают перчатки. Это кто-то из людей.

– Хорошо бы Матьяша отпустили побыстрей, – сказала Шарли. – То, что его увели, кажется таким глупым. Кстати, не верю я, что Этьен может дать ему яд.

– Да и зачем? – пожал плечами Антадь.

– Лаор Конец, разумеется, подумает, что Матьяш знает что-то порочащее об Этьене и, возможно, его отношениях с Клариссой, вернее, как ее... Бианка?

– Я тоже никак не могу привыкнуть называть ее иначе.

– Леа, а где должна быть та девушка, про которую ты говорила? – некоторое время Сандор оглядывал стену больше, чем участвовал в разговоре.

– Какая девушка?

– Тревожная бедная родственница, – подумав, ответил юноша. – Или компаньонка.

– Какая еще... А, с фрески, – сообразила Леа. Сандор стоял около дамы в синем и загораживал девушке обзор. – Сразу за дамой.

Он медленно повернулся.

– Не знаю, как вам, право, сказать, – Сандор явно тянул, – но за дамой я уже посмотрел.

– И что?

Все тут же подошли к виконту и уставились кто на даму, кто рядом – на пустое место возле нее.

– Может, дальше? – неуверенно предположила Шарли.

– Она тут была, – не веря, прошептала Леа. – Вот тут. Даже локтя между ними не уместилось бы.

Виконтесса прошла пару шагов. До двери в комнату Леаноры больше изображений не встретилось. Никаких девушек, ни ближе, ни дальше.

– Не понимаю...

– Так, Леа, не паникуй, – Антадь положил руки ей на плечи. – Мы уже видели изменившийся витраж, эти двое парней, – он кивнул на мужчин на фреске, – местами поменялись. Исчезновение девушки – это из той же сферы. Придется принять, как сказал Сандор.

– Да, Леа, давай на это посмотрим иначе, – подключился Сандор.

– И как? – с подозрением поглядела она на него.

– Дай подумать... Например, что нам надо ее найти.

– Зачем?! – поразились обе девушки.

– Может, ей нужна помощь? Или она чего-то испугалась?

Подруги переглянулись.

– Похоже, замок действует на голову сильнее, чем мы считали, – высказалась Шарли.

– Да ладно вам. Давайте попробуем. Это же явно знак. Неужели неинтересно?

Все задумались, и скоро каждому стало ясно, что таки да, интересно! «А вдруг она как моя химера? Ей нужна магия или она чем-

то хочет помочь?» – Леа вновь ощутила потребность проверить свое милое чудовище.

– Ладно, давайте попробуем. Кстати, надо проверить и остальные фрески. Вы помните порядок, хотя бы около своих комнат?

Понемногу запомнили все, и следующую четверть часа молодые люди метались по коридору, проверяя наличие фресок и жалуясь на дырявую память.

Сандор предложил переписать все фигуры, чтобы потом, если что, были доказательства. На это ушло еще какое-то время. После же компания отправилась разыскивать пропавшую фреску. Звучало так же абсурдно, как и было на самом деле.

Они прошли по коридору второго этажа еще раз, но беглянку не обнаружили. Тогда молодые люди спустились на первый. Собрались было пойти по коридору до конца и уже оттуда начать поиск, чтобы ничего не пропустить, но тут им встретился дозначик. Шарли самонаводящимся проклятием рванула к нему. Мец аж попятился, когда к нему подскочила девушка, пылая гневом и энтузиазмом. Неизвестно, что пугало мужчину больше, но он на всякий случай отступил еще немного.

– Вы уже отпустили Матьяша?!

– Да с чего бы мне его отпускать?! – возмутился сыщик.

– Он невиновен, это и ребенку ясно!

– Есть улики!

– Перчатку подбросили! – не отступала Шарли.

– Пока не доказано. И, возможно, не будет! Ваш Матьяш уперся как баран и не отвечает на вопросы. Значит, виновен.

– Был бы виновен, пел бы как соловей, лишь бы прикрыться, – вмешался в разговор Сандор.

– Тогда почему он молчит? Вот зачем он на третий этаж ходил?

– Матьяш молчит, потому что не считает нужным говорить то, что не относится к убийству! – продолжила Шарлотта. – А на третий этаж ходил, наверное, поухлестывать за Клариссой.

– А вы его так хорошо успели узнать уже? Или тоже живете по соседству, как этот его худосочный приятель?

– Да по нему же все видно! – ответила виконтесса.

– Вы даже то, что он целитель, не знали сначала! Смешно, малолетки меня будут учить работать! Хотите помочь, идите к нему и

убедите его начать говорить! Именно это я и сказал рыжему, как там его.

Нехорошее подозрение обуяло всех присутствующих. Приятели переглянулись.

– И он согласился? – с нарастающим ужасом уточнил Сандор.

– Как миленький! И вам того же советую! И... Эй, вы куда?!

Глава 32

Дознатчику никто не ответил. Вместо этого вся четверка, включая обеих барышень, помчалась по коридору к двери, около которой стояли стражники. При виде рвущихся к ним молодых людей те растерялись, явно не готовые ценой жизни – своих или чужих – защищать подозреваемого. К тому же девушки...

Дознатчик неся следом, не понимая, что происходит. Стражи отступили, и компания ворвалась в комнату и увидела идиллическую картинку. Матьяш и Этьен сидели друг напротив друга, а между ними стоял столик, накрытый к чаепитию. Рыжий как раз протягивал соседу исходящую паром чашку.

– Не пей! – рванулся к Матьяшу Сандор.

Первый даже отшатнулся от такой экспрессии.

– Не пей! Даже не трогай! – повторил виконт.

– Что? Почему? Что такое? – тут же разразился полуосмысленными вопросами Матьяш, взглядом прося пояснений у ввалившихся с вытаращенными глазами и паникой на лицах молодых людей. Того же жаждали и стражи с дознатчиком.

Зато Этьен побледнел так, что стало казаться – сейчас рухнет в обморок.

– Не пей, – еще раз, уже спокойнее, повторил Сандор. – Там... – Он замешкался, потому что никаких доказательств у него не было. Право, не считать же доказательством витраж.

– Яд? – догадался Матьяш, не отрывая взгляда от Этьена. Лицо того полностью его выдавало. – Ты подлил мне яд?

– Нет, – замотал рыжий головой, – нет! Нет, конечно!

– Ты подлил мне яд, – упавшим голосом констатировал Варга. – За что?

– Это не яд! – почти закричал Этьен. – Да пойми, не яд!

– Скажешь, там просто чай?

И снова лицо несостоявшегося отравителя сказало все за него. И это не осталось незамеченным.

– Это не яд, – твердо сказал он. – Хочешь я выпью, чтобы ты, в смысле все, убедились?

– Чтобы твоя смерть была на моей совести? – поднял брови Матьяш. – Нет уж, спасибо, мне такого счастья не надо.

– Чтобы и твоя смерть была на моей совести, – как-то задумчиво повторил Мец. Маленькое изменение, но как иначе стала звучать фраза, – не так ли?

Пару секунд Матьяш смотрел на дознатчика в упор.

– Я никого не убивал! – взревел Варга наконец. – Сколько можно говорить?! Вы что, решили меня совместно отравить, чтобы было на кого свалить убийство?!

– Ну знаете ли! – возмутился в ответ дознатчик. – Я служу закону! Он превыше всего!

– А я целитель, – тихо, но твердо произнес Этьен. – Я служу жизни. Она превыше всего.

Матьяш, не отрываясь, смотрел на давнего друга-недруга.

– Но что-то же ты мне подлил.

– Подлил, – не выдержав осуждения в глазах присутствующих, рыжий отвел взгляд. Но уже в следующее мгновение вскинулся, как молодой упрямый жеребец. – И я не буду за это извиняться.

– Извиняться? – подавился воздухом Мец. – Да я вас сейчас арестую и отправлю под суд. Вы хоть это понимаете?

Этьен еще более гордо выпрямился.

– Лунный Король, как же я ненавижу работать с малолетками, – по ощущениям дознатчик собирался произнести другое слово.

– Этьен, скажи лучше, – посоветовал Сандор. – Это все действительно выглядит очень некрасиво.

Рыжий упрямо набычился.

– Не делай глупостей, Этьен, – нахмурилась Шарли. – Если это не опасно для Матьяша, зачем скрывать?

– Тем более скоро узнают, – Леа посмотрела на Меца. – Ведь так?

– Разумеется! – фыркнул тот.

Все снова посмотрели на Этьена. Матьяш сжал кулаки. Назревала драка. Рыжий фыркнул и процедил, явно нарываясь:

– Я ничего не скажу.

В воздухе повисла нехорошая тишина. Атмосфера начала ощутимо потрескивать.

– Правильно, – внезапно произнес Анталь. – Будь как Матьяш.

Присутствующие возмущенно повернулись к Ференцу, а Этьен залился краской.

– Там настойка страстоцвета, – выдавил он из себя наконец.

– Что?! – проревел Матьяш.

– Это яд? – спросил кто-то из стражников.

– А что с ней не так? – удивилась Шарли.

– Ты знаешь, что это? – Леа уточнила у нее. Мец тоже заинтересовался.

– Предатель! Сволочь! Вот в этом весь ты! – ярость клокотала в Матьяше явно неспроста.

– Это тебе на пользу! Я же знаю, ты не убивал! – не остался в долгу Этьен.

– Я тебе щас шею сверну! Вот что точно пойдет мне на пользу!

Дознатчик кивнул стражникам, и те заломили уже ринувшимся друг к другу драчунам руки.

– Рассказывайте, ла-орита Имре, что там не так с этим, как там его, цветочком? – приказал Мец.

– Да в целом все так. – Шарли подошла к столику, взяла чашку и понюхала. – Вроде и правда похоже на страстоцвет... и шишки, кажется. Хороший настой, – одобрительно посмотрела она на Этьена. Потом перевела взгляд на дознатчика и пояснила: – Обычно его применяют при бессоннице, нарушениях сна: одна чайная ложка сухого... так, это я не о том. Еще пьют при повышенной возбудимости, учащенном сердцебиении и в целом разного рода нервических расстройствах, – теперь девушка критически оглядела драчунов, удерживаемых дюжими стражниками. – Может, и надо. Понизить агрессивность, так сказать. Причем обоим. Но в целом ничего опасного нет. Если только у Матьяша нет индивидуальной непереносимости, – она вопросительно посмотрела на того.

– Нет никакой непереносимости, – рыкнул Варга, отчего-то пряча взгляд.

– Раскройте же нам свой коварный замысел, лаор Плеймонд, – насмешливо произнес Мец, – коль уж начали говорить.

Пока Этьен мялся, Матьяш разве что не плюнул:

– Говори уже, предатель.

Рыжий потупил глаза и с трудом ответил:

– Матьяш практически полностью устойчив к выпивке. Но... но... настойка страстоцвета действует на него как алкоголь на некоторых – повышает доверие к собеседнику и развязывает язык. – Он все-таки посмотрел в лицо противнику и почти умоляюще произнес: – Я знаю, что ты не убивал. Только не ты. По крайней мере, не таким способом. Но тебя подозревают, потому что ты молчишь. Я не верю, что за этим стоит какая-то страшная тайна. Наверное, твое обычное упрямство. Сколько преподаватели и директор с тобой намучились, а половина всего, из-за чего ты влипал в истории, и выведенного яйца не стоит, но нет! Упрешься как баран и молчишь! Но сейчас не игрушки, Матьяш! Тебя ведь и правда могут арестовать! Посадить в тюрьму и... Я не знаю, что еще, но это разрушит твою жизнь! Кто пойдет к целителю, которого обвиняли в двойном убийстве! – под конец Этьен почти кричал. – Как ты не поймешь?!

– Уберите его отсюда, – практически попросил Матьяш, – прибью же.

Дознатчик, явно впечатленный, как и остальные, кивнул в сторону двери, и упирающегося Этьена выволокли за дверь.

– Отпусти ты его уже, – приказал Мец второму стражнику, и тот с облегчением отошел от Матьяша.

Варга же тяжело опустился в кресло, где сидел до этого. Подумал, протянул руку к чашке и медленно взял. Вдохнул аромат и покачал головой:

– Мятый замаскировал, придурок, – и залпом выпил. Подождал некоторое время и тихо произнес: – Эта девица... ненастоящая виконтесса которая, ведь и правда понравилась рыжему, – говорил он медленно. – Этьен – придурок, конечно, редкостный. Дури в нем столько, что... даже мне не переплюнуть. Завистливый, амбициозный, только и мечтающий, как забраться повыше... – Матьяш вдохнул поглубже, – смелый до идиотизма, совершенно без инстинкта самосохранения... Жаль, не друг. Эта виконтесса, если бы была настоящая... могла бы стать для него хорошей ступенькой для восхождения к вершине. Он же и правда отличный целитель. Сил у него поменьше, чем у меня, и таланта тоже. Но он очень внимательный, скрупулезный и вызубривает все. Зубр какой-то, а не человек. Все, что нового выходит по лекарскому делу, тоже читает. Он

рано или поздно станет очень известным целителем. Если раньше, конечно, на каком-нибудь идиотизме не попадется.

– И тогда на третьем этаже?.. – подтолкнул его Мец мягким тоном, не желая сбить.

– Я пытался ей объяснить... Чтобы поняла. Еще пару десятилетий, и заполучить Этьена Плеймонда в род будет честью, лучшие семьи будут рвать за это друг другу глотки. Но ему придется пройти трудный путь. А с ней... ее положением, связями и деньгами было бы полегче. Разве плохо?

– Совсем неплохо, – кивнул дозначик. – А она?

– Посмеялась. Сказала, что не для того она сюда приехала, чтобы привечать всякие нищие таланты. А потом когда, – Матьяш кивнул на Шарли и Леа, – девушки показались, зачем-то сделала вид, что я ее домогался. А я не домогался! Она, конечно, хороша, но там сразу ясно было, что ничего не перепадет. Не знаю уж, зачем она Этьену голову дурила. Хотя красотки это любят.

– А как вы на третьем этаже оказались?

– Да просто увидел ее на лестнице туда, подождал. Когда она начала спускаться, подошел, как раз никого рядом.

– Но ведь она что-то знала про вас. Чем-то угрожала. Что такого она могла рассказать о положении вашей семьи?

– Не ваше дело, – прорычал Матьяш. – Я и так сказал все, что вы хотели!

– Это просто слова, ничем не подтвержденные.

– Я не собираюсь больше ничего говорить! Настойка эта не дурман, – юноша кинул возмущенный взгляд на девушек с Сандором и Анталем, бессовестно слушающих весь этот разговор. – Только попробуйте рыжему проболтаться!

– И вообще, милейшие, оставьте-ка нас. И так слышали больше, чем нужно, – добавил Мец.

На этот раз молодые люди решили не упрямиться и послушно покинули комнату. Дверь захлопнулась за их спинами, придав драматической точки происходящему.

– Самое интересное и не узнали, – разочарованно вздохнула Шарли.

– Не думаю, – покачал головой Сандор. – Скорее всего, речь о том, что семья Варга, скажем так, испытывает финансовые трудности.

– С чего ты взял? – подивилась Леа.

Они все шли по пустому коридору, напрочь забыв про поиски блудной фрески.

– Он добирался до Сольгера по суше, – пояснил Сандор. – Это намного дольше и опасностей не меньше, так зачем? Выгода только одна – дешевле.

– Может, он боится морских путешествий? – предположила Шарли. – Мы вот в шторм попали. До сих пор вспоминать жутко.

– По дороге могут разбойники напасть. Или в трактире прирезать. Да мало ли опасностей. К тому же Матьяш путешествует всего с одним спутником, который уже выехал обратно в поместье.

– Из украшений на Матьяше только родовой перстень, – вздохнула Леа. Как же печально. А ведь скоро она сама может оказаться в такой или даже худшей ситуации. Матьяш хоть целитель. Он точно без куска хлеба не останется. А она? Эх... одно расстройство. – Если Варга действительно разорены, то его ярость в чем-то даже понятна. Давайте не будем обсуждать этот вопрос. Некрасиво как-то. Да и Матьяш явно не виноват, он просто хотел поговорить с лже-Клариссой об Этьене. Это даже в чем-то мило...

– Если только он сказал правду, – вставил Анталь.

– Но он же выпил эту настойку, – нахмурилась Леа.

– Мы знаем об особых для Матьяша свойствах этого питья только со слов Этьена.

– Верно. И что?

– Он мог и соврать, – Анталь намекаяще приподнял брови. – Они с Матьяшем вполне могут действовать в паре, разыгрывая ссоры перед зрителями.

Мысль немного ошарашила собеседников.

– Не похоже, – протянула Шарли.

– Слишком искренне, – согласился Сандор.

– Даже в театре так хорошо не играют, – поделилась Леа.

– Я просто предположил, – пожал плечами Анталь. Однако мысль засела в головах всех участников этого разговора.

– Интересно, а витраж не изменился? – подумала вслух Шарли.

– Надо проверить! – обрадовалась Леа, вспомнив про свою малышку-химеру.

– И надо найти девушку-фреску, – закивал Анталь.

Сандор вдруг остановился, уставившись в стену. Его спутники не сразу заметили это, потом сообразили, вернулись и с интересом оглядели фрески там, куда смотрел их приятель. Ничего интересного не углядели.

– Ты чего, Сандор? – спросила Шарли.

Тот вздрогнул и будто ожил. Тряхнул волосами, прогоняя оцепенение.

– Джанос... Джанос Хэри ведь ничего не сказал лаору Концу про изменения витража, – Сандор оглядел приятелей. – А ведь он ушел со словами, что ему нужно доложить дозналчику об этом факте.

– Соврал, – грозно сдвинула брови Шарли. – Вот не зря он мне сразу не понравился.

– Я задумался, представил себе разговор, – продолжил Сандор. – Наверняка он скажет, что его отвлекли, он поручил какому-нибудь слуге, а тот забыл или еще что-то в таком же духе. Не прижмешь.

– Мы его однажды прижали, – угроза слышалась в голосе Анталя.

– Он многое нам сказал, но что из этого правда? – Сандор покачал головой. – Мы не можем точно этого знать.

– Да что же это такое?! – всплеснула руками Леа. – Никому нельзя верить!

– Это называется взрослая жизнь, – покачала головой Шарли. – Но мне это не нравится. Слишком много секретов на один замок.

– Если верить, что этот замок имеет характер Вельгарды, – прокомментировал Сандор, – то все эти секреты могут оказаться опасней огненного шара.

– Огненный шар можно отвести, – задумчиво протянул Анталя. – Если знать как и быть готовым.

– И как это применимо к нашей ситуации? – фыркнула Шарлотта. – Только давай без набивших оскомину сентенцией, что никому нельзя доверять.

– А чем они тебе не нравятся?

– Тем, что невыполнимы! Мы на самом деле постоянно доверяем другим людям. Целителям, приходя за лечением. Горничным, позволяя делать прически и подшивать платья. Учителям, когда учимся магии или, скажем, танцам. Поварам, доверяя приготовление пищи. Конюхам, разрешая седлать наших коней. Возничим, правящим экипажем. Любой из слуг, случайных людей, мастеров, врачей и

многих прочих может нанести нам вред. Отравленная иголка, неправильное лечение, не тот путь, плохо затянутая подпруга, горячие щипцы у шеи, яд в еде, да что угодно! Но если обо всем этом думать, рехнуться можно. Не выжить!

– Да-а, – больше пораженный перечнем, чем сделанным выводом, признал Анталь. – Такое больше похоже на болезнь.

– Она и есть, – кивнула удовлетворенная реакцией Шарли.

– Мы отвлекаемся, – едва не топнула ножкой Леа. – Надо посмотреть, не изменился ли витраж.

«И как там моя химера».

– И нужно найти Джаноса и спросить, какого демона он не рассказал о витраже лаору Концу, – добавил Анталь.

– И фреску найти.

Молодые люди растерянно уставились друг на друга.

– Может, поделимся? – предложила Шарлотта.

– В книгах это всегда плохо заканчивается, – покачал головой Сандор.

– Я вообще собираюсь до самого вечера ходить, приклеившись к кому-нибудь, чтобы, когда меня будет мучить лаор Конец, честно выдавать ему, с кем и где был, – веселым тоном ответил Анталь. – И иметь этому подтверждение!

– Про лаора Хэри лучше рассказать лаору Концу, – заметила Леа. – Зачем нам самим мучиться? Ясно же, что этот совет недорого возьмет. Может, дознатчику побоится врать?

– Сомневаюсь, – пожал плечами Сандор, – но в целом мысль мне нравится.

– Но лаор Конец сейчас мучает Матьяша, – заметила Шарли. – Я не готова врываться туда и прерывать их.

Тут с ней все согласились.

– Значит, у нас осталось два дела, – резюмировал Сандор. – Мы собирались искать фреску и...

– Но фреску искать долго, – перебила его Леа, – а посмотреть на витраж быстро. К тому же можно начать ее искать от «чудовищного» зала. Вполне себе хорошая точка отсчета.

На этом и порешили.

Глава 33

Четверка молодых людей уже прошла лестницу, когда вдруг Анталь остановился и жестом показал остальным молчать, а потом и вовсе юркнул в одну из комнат. Остальные, не особо понимая, в чем дело, последовали за ним, но дверь оставили приоткрытой. Совсем скоро они услышали шаги и голоса. Кто-то шел со стороны «чудовищного» зала.

– ...до уезжать. Мне не нравится то, что происходит, – цедил женский голос.

– Перестань. Уедем сейчас – вызовем подозрение, – ответил девушке мужской.

– Какая разница? – говорили тихо. Разобрать слова получилось только тогда, когда пара оказалась совсем близко.

– Мало ли.

– Этот замок меня пугает. Это уже совсем не смешно.

– Замок – это просто камни. Бойся живых.

Что ответила девушка, уже понять не удалось, но голоса опознали – Гараи с Марикой.

– Хм, – Шарли оглядела сгрудившихся к двери приятелей и выпрямилась. – Как интересно.

– Вроде она успокоилась немного, – заметила Леа, пытаясь понять, что ей показалось странным.

– Как-то это все звучало... не так, – Сандор тоже не мог понять, что его смущает.

– Неэмоционально, – подсказал Анталь.

– Возможно, выпила успокаивающего, – предположила Шарлотта. – С таким темпераментом его у нее должно иметься немало.

– Порой девушки изображают себя более, эм, нервными, чем есть на самом деле, – высказалась Леанора. – У меня такая одноклассница в гимназии была. Тонкая натура, нежная душа, трепетный цветок, говорили про нее, потому что она приходила в волнение от всего, что хоть немного выходило за рамки обычного. А на деле дичайшее упрямство и немалая хитрость. Если она что-то хотела – не свернет,

пока не получит, – девушка повела плечами. – Признаться, это разительное отличие пугало порой до демонов.

– Да, такое бывает, – Шарли тоже явно кого-то вспомнила. – У меня мама порой тоже любит изобразить из себя... Эх, давайте все-таки дойдем до зала уже.

В этот момент в коридоре снова раздались голоса. Сначала разобрать, кто это, не получалось, но потом неизвестные подошли ближе, и стало ясно – управляющий!

– Нужно срочно ее найти! Срочно! Ищите эту демонскую фреску! Нужно успеть первыми! – Джанос явно повторял это не в первый раз, потому что в ответных репликах его собеседников – очевидно, слуг – слышалась только усталость.

Разговаривающие снова отделились, и молодые люди переглянулись.

– Неужели они тоже ищут нашу беглянку? – озвучил догадку всех присутствующих Сандор. – Она так важна?

– Очевидно, да, – Шарли потерла предплечья ладонями, будто от холода. – Что-то и меня это все стало пугать.

Леа вздохнула: похоже, до химеры ей снова не добраться.

– Мы проверили второй этаж, эти сейчас очень быстро проверят первый. Он хоть и больше, и запутаннее, но они его лучше знают. Тут нам их не опередить, если только случайно. Поэтому единственный шанс успеть первыми – это сразу пойти на третий этаж. Она может оказаться и не там, но иначе их не обойти.

– Звучит разумно, – кивнул Сандор. – Что ж, давайте сделаем ставку, что наша тревожная девушка именно там.

– Но третий этаж закрыт, – встала Шарли.

– Кларисса, в смысле лже-Кларисса, и, возможно, ее убийца спокойно проникали на него. Чем мы хуже? – поднял брови Анталъ.

– Скорее всего, подготовкой. – Сандор выглянул в коридор. – Но надо хотя бы попробовать.

И они отправились на третий этаж.

Стараясь не попадаться никому не глаза, четверка молодых людей быстро поднялась по лестнице. Оказавшись на площадке между вторым и третьим этажами, Леа ощутила какую-то сладкую, кружащую голову радость, как в детстве, когда она с кузенами лазила в

сад старой-престарой соседки, которую иначе как ведьмой никто не называл, за особо сладкими грушами, вкуснее которых не ела. С привкусом запрета и приключения они были еще более восхитительны. Вот и сейчас – ровно те груши.

Перед самым третьим этажом молодые люди невольно остановились. Сам факт запрета снижал их решимость, хотя никаких физических преград перед ними не стояло. Потом Антадь покачал головой и таки перешагнул с последней ступеньки на площадку. Ничего не случилось. Гром не грянул, молния его не поразила. Даже звукового сигнала не раздалось. Остальные подтянулись за ним.

– Если это вся их защита, то неудивительно, что преступники тут шастали как по своей спальне, – Шарли кивнула в сторону невысоких столбиков с золочеными тонкими шнурами между ними. Это нехитрое ограждение перегораживало коридор с обоих концов площадки у лестницы.

– Не может все быть так легко, – покачала головой Леа, примериваясь. Если подобрать платье, вполне можно переступить, не задев. Хотя вот там, у стены, можно и без задирания ног протиснуться. – Сандор, не видишь заклинаний?

Юноша как раз приглядывался к стенам и перекрытиям, ища какие-то известные ему признаки.

– Антадь, а ты умеешь видеть охранную магию? – Шарли повернулась ко второму юноше.

– Я умею видеть кое-что поинтересней, – Ференц говорил уверенно, но лицо казалось напряженным. Что-то его взволновало и заставило собраться, сделав похожим на приготовившегося к броску лиса. – Нам надо попасть вон туда.

Он указал куда-то в середину левого коридора. Сандор как раз осматривал стену около правого, но после слов Анталя подошел к нему и пригляделся.

– Уверен?

Тот только кивнул, и виконт принялся искать магию уже с этой стороны. И нашел.

– Вот этот цветок с этой стороны, – Сандор ткнул в изображение синей лилии размером с ладонь на одной стене где-то на уровне плеча

Леа, самой невысокой из присутствующих. – С другой такой же, но зеленый. Между ними сигнальная магическая нить.

Мысленно проведя между ними линию, они поняли, что луч получается косой, но наклон не очень сильный.

– И снизу здесь вот эта морда льва, – виконт снова указал на мелкую фреску слева, – и, эм, вот эта химера напротив.

На слове «химера» Леа вздрогнула, но, разумеется, речь шла не о ее милом чудовище.

Внизу луч тоже получался косой.

– Столбиков со шнурами лучше тоже не касаться, – подумав, добавил Сандор. – Я не вижу на них ничего, но я пока еще мало знаю.

– Да тебе и так можно в воровскую гильдию подаваться, – хлопнул его по плечу Антадь.

– Искренне надеюсь, что не придется этого делать, – улыбнулся тот.

– Вот когда пожалеешь о своих пышных платьях, – Шарли улыбнулась так, что никакого сожаления в этой улыбке не наблюдалось. – Ну что, Леа, рискнем?

– Может, мы сами? – предложил Сандор, на что Шарлотта фыркнула, подобрала юбки, сверкнув стройными ножками, и скомандовала: – Говори, как сильно надо нагибаться.

Явно смущенный виконт поставил руку параллельно лучу.

Несмотря на веру в подругу, Леа, сжавшись, ожидала вопля охранной системы, но Шарли успешно преодолела преграду и замахала им из безопасной зоны. За девушкой скользнул Антадь. Потом надо было идти Леаноре. Грацией и нахальством виконтессы Имре она не обладала, но оставаться одна не собиралась. Держать юбки так высоко оказалось неудобно и очень смущающе, да и нагибаться, одновременно высоко задирая ноги, – то еще удовольствие, но Сандор поддержал ее на этой стороне, а Антадь на той, так что справилась.

– Не смущайся, Леа, – хохотнул Ференц, – иногда кавалерам надо показывать свои достоинства. А у тебя это именно что достоинства.

– Антадь! – возмущенно шлепнула его по предплечью та.

– Ой, Леа, и правда, не смущайся, – Шарли тоже улыбнулась. – Нам с ними еще учиться. Подозреваю, что увидят они еще немало. Я про пресловутые окопы. Не в платьях же мы там будем сидеть!

– Хм... Интересно, а в чем? – удивилась Леа.

– В штанах как для верховой езды, – пожала плечами Шарлотта, имея в виду широкие брюки, специально разработанные для этого. – Или вообще в мужской одежде. Разве это не интересно? Уверена, она куда удобней.

Леа оглядела с интересом слушающих их юношей и попыталась представить на себе один из таких костюмов. Разврат полнейший, конечно. Зато с демонстрацией достоинств, как выразился Анталь, проблем не возникнет.

Девушка внезапно засмеялась. Ее привычная жизнь продолжала рушиться, но отчего-то одновременно со страхом шло веселье. Она попыталась объяснить остальным причины своего смеха и с немалым удивлением увидела в их глазах понимание. Значит, не только ей страшно и не только ей это нравится.

А потом они пошли туда, куда показал Анталь. И вот тогда стало действительно страшно – со стены на них смотрела фреска с лицом лже-Клариссы.

Глава 34

Все четверо пялились на фреску и не знали, что сказать. Да и вообще первые мгновения язык отнялся. Светловолосая девушка глядела на них почти живыми глазами, и от этого становилось даже не страшно – жутко. То же голубое платье, что и в последний ее вечер, то же золото волос и бриллианты везде – в ушах, на пальцах, на запястьях, в прическе, колье на груди. Правда, над ним, перечеркивая тонкую длинную шею, кто-то нарисовал совершенно неподходящий к образу рубиновый коллар^[11]. Зато сразу подумалось, насколько это символично...

Однако только на красном ожерелье отличия не заканчивались. Фреска передавала черты Бианки в точности, но в этой девушке Леа никогда бы не признала дворянку, сколько бы бриллиантов на нее ни навесили. Дело во взгляде. Глубокие серые глаза смотрели дерзко, даже нахально, в них светился опыт. Так бывает, иногда у женщины ни морщинки, кожа идеальная, а взор выдает годы. Здесь он выдавал происхождение. Так дамы из высшего общества не смотрят. Так глядят те, кто уже нацелился обчистить твои карманы.

«Да-а, она была отличной актрисой, раз смогла казаться совсем иной. Или это допущение художника... Художника?»

– Я же правильно понимаю, – тихо озвучила пришедшую в голову идею Леа, – это не работа художника?

– Слишком мало времени прошло, – даже Сандор выглядел ошарашенным. – Если исключить весьма сомнительную версию, что Бианку изобразили здесь задолго до этого визита, то получается, эм, ничего не получается, в общем.

Фреска – это долгая работа. За пару дней ее не сделаешь. А эта не выглядит новой.

– Может, магией подсушили? – Анталь протянул руку к изображению. Все невольно застыли, пораженные его смелостью. Совсем близко у стены он на миг замер, но потом все же коснулся фрески. Провел пальцами по рукаву, еще немного поколебавшись, дотронулся до ладони нарисованной девушки. Остальные едва дышали, глядя на его движения. – Ощущается как обычная стена.

Шарли, Сандор и Леа тихо выдохнули, но все равно смотрели на фреску с опасением.

– Да и нет тут никакого художника, – виконтесса нахмурилась. – Если бы был, мы бы уже знали. Художники – они такие...

– Если только его не держат где-нибудь взаперти, – то ли согласился, то ли возразил Сандор.

– С местными чудиками я бы не удивился. – Антадь дотронулся до браслета нарисованной девушки и покачал головой. – Надо признать уже, дамы и господа, что мы имеем дело с самым настоящим волшебством, не чета обычной магии.

– Вопрос только – злым или добрым, – Леа показалось, что по ее позвоночнику прошли ледяные пальцы, и она вздрогнула всем телом.

– Сомневаюсь, что то, что связано с убийством, может быть добрым, – пробормотал виконт. – Я бы надеялся на нейтральное как максимум.

Леаноре стало еще страшней. Она до боли сжала пальцы одной руки в ладони другой, пытаясь вернуть ясность мышления.

– Ты пугаешь нас, Сандор.

– Я и сам напуган, Шарли, и мне даже не стыдно в этом признаться. Антадь, ты ощутил что-нибудь необычное?

– Нет, – покачал тот головой и отступил на шаг. – Но если предположить, что это волшебство места... замка даже, то интересно, почему Кларисса появилась именно здесь?

В этот момент на лестнице раздались голоса. Дернулись все. Конечно, ничего страшного, если их тут застукают, однако не хотелось бы. Антадь решительно подошел к одной из комнат напротив фрески и поколдовал – в буквальном смысле – над замком.

– Сюда, – позвал он, когда дверь приоткрылась.

Один за другим молодые люди скользнули в пустую спальню. Голоса приближались, но Сандор успел шепнуть:

– Какие интересные навыки.

– Нас в детстве часто запирали за проказы, – острозубо улыбнулся Антадь и приложил палец к губам: неизвестные подошли уже достаточно близко.

Какое-то время они топтались на площадке, потом разбегались по этажу. Леа огляделась. Если пойдут по комнатам, придется показаться.

Укрыться можно разве что под кроватью и в шкафу, но это, право, смешно.

Через дверь не все фразы удалось разобрать, но все же достаточно.

– Вот она! Вот! – заорал кто-то совсем рядом с «их» комнатой.

Раздался топот, явно собирались все те, кто пришел сюда. Леа сжалась у стены, размышляя, кого именно имеют в виду.

– Да, это она, – а вот этот знаком.

Молодые люди переглянулись, одновременно узнав Джаноса Хэри.

– Хороша-а, – протянул неизвестный мужской голос.

– Да, – согласился управляющий. – Закрашивайте.

Раздались разочарованные вздохи.

– И как следует! Хотя бы дня три должно продержаться!

– Почему три? – удивился кто-то и подслушивающая четверка.

– Сегодня-завтра мост починят, и я их всех выпихну наконец-то!

– Но лаор Мец сказал же, чтобы не разъезжались.

– Да клал я на лаора Меца и его указания, – совершенно спокойно – и очень убедительно – ответил Джанос. – Закрашивайте эту пакость.

Ответом ему стал согласный, хоть и не стройный хор голосов.

– А остальные ищите вторую. Должна быть.

– Да она, небось, где комнаты слуг.

– Ты действительно думаешь, что это просто служанка?

В ответ что-то забурчали, разобрать не удалось. Потом Джанос произнес еще что-то, ему возразили, судя по тону, причем сразу несколько человек. Управляющий ответил. Однако спорщики не утомились – голоса, накладываясь друг на друга, звучали неразборчиво, но там раз за разом повторялись слова «замок», «рехнулись», «опасность». А потом раздался этот звук.

В каждой семье, где рождались маги, знали его. Резкий, как свист, болезненный, как скрип по стеклу, проходящийся по нервам. Леа почти выдала их вскриком, но Сандор успел зажать ей рот, притягивая к себе. Девушка ткнулась ему в грудь, стараясь защититься в первую очередь от воспоминаний.

Будто наяву перед ней вырос взбешенный отец, огромный верзила перед ним, позволивший себе хамить барону. Леа, совсем еще

маленькая, стоит на лестнице и с ужасом смотрит на разворачивающуюся сцену. Наемный работник такой здоровый, кричит так громко и – о ужас! – позволяет себе ткнуть в ее отца пальцем. И вдруг этот звук. Страшный настолько, что хочется заткнуть уши и убежать, но она примерзает к полу и видит, как огромный мужик поднимается в воздух, а отец стоит с вытянутой рукой. Пальцы на ней сжимаются, будто держа работника за шею, хоть на самом деле до верзилы еще шага два. Но он корчится, схватившись за горло, пытаясь разжать невидимую хватку. Хрипит, дрыгает ногами, краснеет, даже багровеет.

– Геллерт! – перепуганно кричит мать, хватая девочку и закрывает ей глаза ладонью. – Прекрати! Тут же Леа!

Малышка не видит, но слышит, как страшно падает тело верзилы на пол, и повисает жуткая тишина, от которой Леаноре так плохо, что она умудряется вытянуться так, чтобы хоть что-то видеть. Ей запомнилось белое от ярости лицо отца и трясущиеся руки лежащего мужика, которыми он скреб по полу, пытаясь подняться.

– Убирайся отсюда, – цедит отец, – убирайся, пока я...

Он не договаривает, но вызвавшему гнев барона работнику хватило. Так и не поднявшись толком, он сбегает из дома.

Леа потом несколько недель просыпалась в слезах. Вот и сейчас они подступили к глазам. Как же хорошо, что Сандор прижимает ее, такой надежный и сильный, как брат, о котором она всегда мечтала, не такой, как Натан, а настоящий защитник и поддержка. И то, что он до сих пор зажимает ей рот, даже хорошо. Сейчас девушка совсем не была уверена, что сможет молчать и не выдать себя.

Тем более она отлично представляла себе то, что происходило за дверью. И, надо сказать, Леа не ошиблась.

Джаносу надоело слушать пререкания, и он применил то самое заклинание, на которое хоть раз в жизни, но срывались все маги, – «хватка ярости». Мощной лапой оно поднимало прогневившего над землей за горло и проходило по нервам всех окружающих выворачивающим нутро страхом, таким жутким и унижительным, превращающим того, на кого оно направлено, в скулящее, беспомощное существо. Такое применение колдовства осуждалось еще и за то, что действовало только против не-мага. То есть того, кто

априори не мог защититься от подобной атаки. Считалось, что чародей, использовавший «хватку ярости», прежде всего унижает сам себя.

Но управляющего это не остановило. Он поднял над полом взбесившего его работника и, сжимая пальцы все сильнее, шипел так резко, что звук ввинчивался в уши даже через дверь:

– Заткнись, тварь, заткнись. Ты забыл, на кого твояк себе позволяешь? Да я вас всех на жаркое порежу, а потом ваши сменщики будут уже ваши морды на стене закрашивать. Ты этого хочешь?

Несчастный скулил и хрипел. Другие работники тоже быстро вспомнили о своем месте и даже пикнуть в защиту собрата по несчастью побоялись. Тот же совсем побагровел и сучил ногами так, что одна ступня постоянно била в стену, заставляя Джаноса морщиться. Но он держал хватку и держал. Отпустил лишь, когда еще миг – и стало бы поздно.

Тело работника свалилось на пол ровно с тем же звуком, который помнила Леа из детства.

– Ползи работать, тварь, – прошипел Джанос и обвел взглядом притихших слуг. – Еще желающие?

Таковых, разумеется, не нашлось.

– Отлично. И запомните наконец, замок не сводит с ума. Держите свои сраные обидки при себе и думайте мозгами. Мозгами, придурки! Я знаю, что вы все ссыте от страха в штаны, но это просто камни и раствор между ними. Он ничего не может сделать вам, если вы думаете мозгами, а не поджилками. Ясно? – в ответ молчание. – Я спросил, ясно?!

В этот раз слуги забурчали что-то согласно. Один даже что-то спросил.

– Я безвылазно жил в замке целый год, – начал довольно спокойно Джанос, и последующего рыка никто не ожидал: – Вот в этой самой комнате! – Он со всей дури ударил в дверь, за которой спряталась четверка юных магов. Леа дернулась, а ее вскрик заглушила ладонь Сандора, по-прежнему не отпускающего ее. – В этой самой комнате! Целый год! И ничего! Ничего! Со мной! Не произошло! Ясно?! Ясно, я спросил?!!

Леа скосила глаза на соучастников. Шарли стояла прямо напротив двери, на лице девушки отражалось напряжение и сосредоточенность.

Красивые черты не исказили ни страх, ни гнев. Анталь тоже смотрел на выход, но в куда более расслабленной позе – прислонившись плечом к стене. Только серьезный взгляд выдавал его готовность при необходимости дать опор. Лица Сандора Леа не видела, зато прекрасно чувствовала напряженные каменные мышцы.

– Отлично! Тогда за работу! Иначе всех отправлю в ров! Никто вовек не найдет, – последнюю фразу Джанос проговорил даже задумчиво, а потом уже и вовсе спокойно: – Кстати, надо ров тоже проверить, особенно его скрытую часть, куда-то же делся этот... третий, якобы начальник охраны.

Больше никто ничего не спрашивал, зато, судя по всему, работа закипела. По коридору еще кто-то бегал, что-то говорили, словно докладывали, но разобрать не удалось. Ушли лишь спустя четверть часа или около того. К этому моменту Сандор уже отпустил Леа, взглядом извинившись за недопустимое с точки зрения приличий поведение. Девушка точно так же выразила свою благодарность. Шарли и Анталь с усмешкой наблюдали за этими реверансами. Смущенный виконт отошел к окну. Леа же принялась разглядывать комнату. Сейчас, зная, кто в ней долгое время жил, девушка старалась найти что-то особенное, важное, однако мебель практически не отличалась от той, что стояла в ее спальне. Можно было бы полазить по шкафам, но не сейчас, когда за стеной слуги.

Когда они наконец ушли, все выдохнули с облегчением, но Сандор тихо произнес:

– Давайте подождем немного.

Все молча согласились. Еще какое-то время они провели в тишине, потом девушки принялись методично обыскивать помещение. Анталь же стучал по казавшимся ему подозрительными участкам стен, ища потайные ходы или хотя бы ниши.

– Неужели он жил без схронов и путей отхода? – удивился Ференц и посмотрел на Сандора. Тот, правда, этого не заметил, потому что открыл окно и высунулся туда мало не наполовину, вертя головой в разные стороны. – Ты что там увидел?

В ответ молчание. Девушки тоже обернулись на виконта.

– Анталь, я же правильно понимаю, что комната, откуда лез вор, или эта, или соседняя? – Сандор наконец перестал перевешиваться через окно и повернулся к приятелям.

– Эм... соседняя, – с некоторой паузой ответил Ференц. – А что?

Александр загадочно улыбнулся, но в ответ на возмущенные взгляды все же пояснил:

– Отсюда очень хорошо виден выход для слуг, – и кивнул на окно.

Остальные подошли и посмотрели. Как раз в этот момент будто из стены вышел мужчина в ливрее лакея и зашагал к саду.

– Что-то мне подсказывает, что именно через эту дверь вышла горничная лже-Клариссы, – высказалась Шарли.

– И ее могли увидеть, когда ходили смотреть на комнату, откуда влез вор, – поддакнула Леа.

– По времени вроде совпадает, – задумчиво кивнул Сандор. – Анталь, а кто был в комнате?

– Наши милые враждующие Матьяш и Этьен, Гараи с сестрой... Хотя нет, Марики не было... Не помню, если честно, когда она ушла. Ну и я, разумеется.

– Разумеется, – хмыкнула Шарли.

– Джанос, – вдруг добавила Леа. – Там должен быть еще Джанос Хэри.

Анталь кивнул.

– Да, он показывал.

– А слуги? – спросил Сандор.

– Да... нет, слуга отстал еще у двери. В комнату не входил.

– А что вообще там было?

Глава 35

Комната ничем не отличалась от остальных. Какие следы тут углядели слуги, Антадь сразу и не понял. В пыли, что ли?

Компания молодых людей ввалилась в незанятую спальню на третьем этаже, будто наемники в таверну с бесплатным элем. Все тут же рванули к открытому окну. Джанос заголосил, чтобы не затоптали следы. Юноши тут же прыснули в разные стороны. Управляющий же присел около подоконника, разглядывая его и стену под ним. Вор не миндальничал: в камне остались царапины от железного крюка, который вбили в стену то ли силой, то ли магией. Веревку перекинули в окно и явно использовали – на дереве подоконника остались потертости. Джанос с умным видом даже нашел пару волосков от каната, а заодно и несколько мельчайших каменных осколков.

Каждый из парней потом подошел к окну, выглянул и осмотрел эти следы. Это и тогда казалось Антадю смешным, а уж сейчас...

– У всех был такой вид! Великие дознатчики! – хихикал он, стараясь говорить тише, но то и дело прыскавая от смеха.

– А Джанос? Где он был? – Сандор тоже улыбнулся.

– Да там же...

– Точно?

Антадь уже открыл рот, чтобы ответить, но потом захлопнул его и задумался.

– Первым подошел Гарай, потом я, потом эти двое... А Джанос... Джанос... не помню.

– Вспоминай. Вот ты идешь к окну...

– С видом великого дознатчика!

– Непременно. Выглядываешь в окно...

– Нет, я сначала присел...

Заправив за ухо в очередной раз полезшую ему в лицо кудрявую прядь, Антадь опустил на корточки, рассматривая стену. Действительно, царапины. Свежие и глубокие. Интересно, такие могут

остаться, если по веревке лезет хрупкая девушка? Хотя лже-Кларисса не такая и хрупкая. Или тут лез ее убийца?

Юноша пощупал получившиеся выемки, потом поднялся и оглядел подоконник. Лак, которым его обработали, содрался, да и само дерево обзавелось отчетливой бороздой. Жалко, такую вещь испортили. Века же стояла. Вот что значит, не дуб использовали. Но вроде бы можно отреставрировать.

Выпрямившись, Антадь посмотрел в окно. Да-а, простор... Стена. Так, а где «чудовищный» зал? Перегнувшись, он принялся его высматривать. Ничего себе высота! Хотя влезть можно. И так жутко кажется из-за того, что, считай, пропасть внизу. А вот до зала не так уж и далеко. «Ага, а вон там библиотека. Вот это, что ли, тот удобный карниз, про который говорили? Удобный он, пока по нему не лезешь, умники».

Он бы еще повертел головой, но Матьяш и Этьен, как обычно пререкаясь, подошли слишком близко. Антадю не хотелось с ними общаться.

– Ну что там? – не выдержал Варга.

– Забавно... – невпопад ответил Ференц и скользнул мимо парней к выходу. А у дверей отпрянул от Джаноса.

– Так, лаоры, заканчивайте, ничего интересного тут нет, – сразу начал говорить он.

Матьяш что-то ответил, а Антадь пошел прочь. На лестнице перед ним мелькнула ливрея слуги.

– Он... в смысле Джанос какое-то время был вне комнаты, но вряд ли больше пяти минут, – сделал вывод Антадь. – Я так думаю, переговорил со слугой. И тот ушел почему-то. Может, пошел стражника позвать? Или лаора Конца?

– Тот еще не приехал в тот момент.

– Точно.

Молодые люди переглянулись, думая об одном и том же, но отчего-то боясь обсудить догадку.

– Давайте уже выбираться отсюда, – потерла Леа озябшие предплечья.

Остальные еще кивали, а Сандор уже скользнул вперед и, сначала прислушавшись, потянул дверь на себя. Какая же растерянность

появилась на его лице, когда та не поддалась. Он дернул посильнее. Потом еще раз. И еще.

– Заперто, – севшим голосом растерянно проговорил виконт.

Леа побледнела, а Шарли сжала кулаки.

– Давай еще раз, – попросила первая.

Сандор кивнул и дернул снова. Дверь дернулась, но не поддалась.

– Попробуй в другую сторону, – предложил Анталь.

На него обернулись все.

Потом виконт же толкнул дверь, и та с секундной паузой отворилась. Четыре пары глаз возмущенно уставились на нее. Потом Леа нервно хихикнула. За ней рассмеялись и остальные. Однако веселье быстро закончилось, когда они вышли и увидели стену напротив. Ее часть шириной в три шага и высотой в человеческий рост варварски покрасили каким-то жутким темно-серым цветом.

– Они скрыли Бианку, – брови Шарли гневно дернулись. Она прекрасно понимала, что происходит, еще находясь за закрытой дверью, однако увидеть это своими глазами оказалось неожиданно больно. Будто девушку-воровку убили еще раз.

– Отвратительно, – поддержала ее Леа.

И тут прямо при них крохотный кусочек краски высох и отвалился. Потом еще один. Через полминуты на молодых людей смотрел серый глаз Бианки.

Стало так жутко, что приятели невольно отшатнулись.

– Проклятье, – хрипло прошептала Шарли.

– Давайте уйдем, – умоляюще простонала Леа, и Анталь, согласно взяв ее за локоть, потащил девушку к лестнице. Поддержка ей пригодилась, ноги дрожали. Даже Сандор и Шарлотта, следовавшие за ними, выглядели бледно.

На ступеньках Леанора споткнулась и едва не свалилась. Ференцу удалось ее удержать, но лестница вдруг показалась невероятно длинной и будто все удлиняющейся. Девушка вновь пошатнулась, ощущая, что ноги не держат.

– Леа, ты просто испугалась, – проговорил Анталь, сжав ее руку. – Держись за перила. Может, тебя понести?

Леа представила себе, как они оба валятся с этой жуткой лестницы, потому что юноша ничего не увидит из-за ее пышного платья, ужаснулась, покачала головой и схватилась за перила.

– Все в порядке. Просто... все эти разговоры о замке...

«Живом замке...»

– Они же... все убиты, да? Все эти люди на фресках? – Леа сжала дерево перил обеими руками и смотрела куда-то в стену, не желая видеть ответ на лицах собратьев по несчастью.

– Так, пойдемте отсюда, – поморщился Анталь. – Это нужно обсудить без чужих ушей.

Так они и сделали, спустившись до одной из маленьких гостиных на первом этаже, правда, Леа всю дорогу распирал истерический смех от нескладицы пришедшей в голову аналогии – «и у стен есть уши». «Здесь и правда у стен есть уши! Фрески сбегают, смотрят, даже каменные статуи могут двигаться и прятать сворованные камни! Как там моя малышка?»

На Леанору косились, но она делала вид, что с ней все в порядке. Никто не верил.

В гостиной Анталь пошел сразу к бару и налил всем по бокалу вина.

– Слишком много убитых, – сразу перешел юноша к сути дела. – Пошли бы слухи. Нескольких еще можно скрыть. Но тут же десятки фресок!

– И многие из них в богатых одеждах, – согласился Сандор. – Много таких жертв не утаишь. А я до этого случая даже не слышал ничего особого про Сольгер. А я люблю всякого рода, эм, таинственные истории.

Леа сделала большой глоток, не став ни качать на языке, ни принохиваться. Ей просто нужно, чтобы сковывающий душу страх поутих, отпустил хоть немного, позволил расслабить напряженные мышцы и вернул мыслям ясность. Второй глоток пошел лучше. Леа даже смогла и дальше слушать Сандора.

– Я уверен, что видел в замке фреску с Яконом Васка, а он жив! По крайней мере, был на момент получения письма из академии, – вещал он. Якон Васка – это нынешний глава стражей, очень влиятельная персона, постоянно появляющаяся в газетах.

– Почему они ее замазали? – невпопад спросила Леа.

Виконт остановился на полуслове и задумался.

– Опасаются такой вот реакции, – предположил Анталь.

– Им-то какая разница? Даже если мы уедем.

– Они явно получают за гостей деньги или какие-то блага. Иначе это все не имеет смысла, – задумчиво произнесла Шарли. – Джанос говорит, что платит академия. Вас не поражает такая забота?

– В Окатавской Магической Академии учатся только дворяне. Большинство аристократов-магов Летних земель изучали колдовство именно в ней, – привел один из аргументов Сандор. – О таких студентах надо заботиться.

– Может, ты и прав, – согласилась Шарлотта на словах, но тон говорил об обратном.

– Какой-то дополнительный смысл в этом есть, без сомнения. – Анталь налил себе и виконту еще по бокалу. Девушки еще не допили. – Этот Джанос кажется мне весьма подозрительным.

– Раньше он выглядел таким безобидным, – согласилась Шарли. – А теперь... хм... все видится иначе.

– Есть такой тип безумия, я слышал, – тихо произнес Сандор. – Люди кажутся нормальными, адекватными, даже покладистыми и мирными. А потом... – юноша говорил отстраненно, старательно глядя в пол, будто увидел там что-то интересное, а разговор его почти не занимает, – потом становятся, не знаю, как сказать...

– Чудовищами? – предположил Анталь.

Виконт резко вскинул голову и зло посмотрел на того.

– Нет! Они просто больны! И даже если проявляют агрессию, то это, это... не всегда осознанно! Это... – тут Сандор снова запнулся. – Но я не знаю, случай ли это Джаноса. Он может действительно верить в то, что замок живой и сводит с ума. Или не сводит. Не поймешь его. А может, он просто хитрый ловкач, ведущий свою игру.

– Или не хитрый, а просто носящий пару-тройку масок, – Ференц пожал плечами. – Это ли важно? Меня куда больше волнует, он убил лже-Клариссу или нет? Недаром же ее фреска появилась напротив комнаты, где он жил.

Его собеседники переглянулись, и Шарли уверенно заявила:

– Этот мог!

Леа попыталась вспомнить фигуру убийцы. Мог ли это быть Джанос? Судя по взгляду, тем же занимался и Сандор.

– Зачем ему тогда спускаться с третьего этажа или пробираться по карнизу? – спросила девушка.

– А мы на самом деле не знаем, делал убийца это или нет, – пожал плечами Анталь. – Ни за что не поверю, что управляющий не умеет обходить заклинание на входе. А про потайные ходы мы уже знаем.

Рассуждение казалось логичным, если бы Леа с Сандором сами не видели, что из «чудовищного» зала никто не выходил. Но говорить об этом Анталю не собирались. И так уже Шарли проболтались.

– Меня успокоит, если убийца – Джанос, а не замок, – неожиданно даже для себя решила Леа.

– Какая разница, кто тебя убьет – человек или камень? – удивилась виконтесса.

Против всех ожиданий на это Леанора ответила так:

– Разница в том, кого бояться. Убийства, как правило, это быстро. А вот ложиться спать и трястись, глядя на стены, то еще удовольствие.

– Мне кажется, замок не убивает сам, – покачал головой Сандор. – Я бы поставил на то, что он усиливает какие-то чувства, наклонности, подталкивает к решению, которое вне его стен человек, может, и не принял бы. Но это все очень умозрительно. Фактов-то никаких. Кроме ощущений. И того, что нам наврал Джанос.

Виконт промолчал о том, о чем хотел сказать на самом деле: сейчас он не понимал, зачем вообще ночью отправился в «чудовищный» зал. Тогда все казалось очевидным и необходимым. Сейчас – явным порывом, которые, вообще-то, он привык сдерживать. Возможно, дело в том, что ночью в голову часто приходят глупые идеи. А может, это такая реакция на новое и необычное. Или все же нет? Сандор не сомневался: если Леа задумается, ей поход к браслету тоже покажется странным. Каков был шанс, что глубоко за полночь в одном месте с разницей в несколько секунд окажутся четверо из не такой уж большой компании?

За дверью раздались шаги. Ничего необычного в этом, разумеется, не было, но сегодняшней день изрядно потрепал всем нервы, вот и уставились на входной проем выжидающе – то ли с опаской, то ли с предвкушением. Слуга, заглянувший в комнату, даже вздрогнул от устремленных на него взглядов. Пролепетал, что благородных господ ждут на обед, и скрылся в мгновение ока.

Глава 36

На трапезе Джаноса не оказалось. Зато активно жевал свою порцию дознатчик.

– О, Матьяш, тебя таки отпустили? – непринужденно улыбнулась Варге Шарли, кивком благодаря лакея, придвинувшего ей стул.

– Как видишь, – скривился Матьяш.

– Лаора Варгу не арестовывали, чтобы отпустить, – не смог-таки промолчать Мец.

– А как же перчатка?

– Вопрос с перчаткой пока не выяснен.

– Она не налезла, – хохотнул повеселевший Матьяш, поднял руки и повертел кистями: – Руки у меня большие! Хоть тут пригодились. В целительстве это сплошная беда.

– Так просто? – удивилась Леа.

– Мне так не показалось, – проворчал Варга, но хорошее настроение рвалось из него все равно. – Я, правда, не дождался извинений от лаора Меца.

– Причастность или не причастность кого-либо в замке еще не доказана, – дознатчик аж побагровел от гнева. – Все под подозрением.

– Даже девушки? – возмущенно спросил Гараи.

– Девушки – особенно! – рявкнул Мец.

– Почему? – спокойно и искренне уточнила Шарли, изящно отправляя в рот кусочек оленины.

– Все беды от... Расследование еще ведется, и я не имею права снимать с кого-либо подозрение без веских доказательств.

– Ну знаете ли... – начал Гараи, но продолжить ему не дали:

– Знаю! Поэтому и говорю то, что говорю. С мое поработайте сначала, а потом уже... Что, к демонам, там за шум?!

По коридору пробежали и в конце его что-то уронили.

Обычно в таких случаях господа делали вид, что ничего не происходит. Но лаор Мец плевать хотел на условности и манеры. Он вскочил и вышел в коридор, громогласно потребовав объяснить, что творится. Рядом с ним мигом оказались почти все, кроме Марики и

Леа, которые единственные остались сидеть за столом. Хотелось бы сказать, что с невозмутимым видом. Но нет, скорее, с растерянным.

Дознатчику ответили что-то невразумительное, вроде «все в порядке», но это его не успокоило. Требование повторилось, но единственный слуга из тех, кто был в коридоре, сбежал сразу после своей реплики. Мец продолжил возмущаться в пространство, а Шарли, улучив паузу в эпитетах, вставила:

– А ваши люди что-то нашли во рву? Особенно интересно про скрытую его часть.

– Какую еще скрытую часть?!

– Не имею ни малейшего понятия, – хлопнула ресницами Шарлотта. – Слуги говорили, что ее обыскивают. Вот и стало интересно... – Последнее слово она говорила уже спине Меца, который рванул куда-то. Девушка усмехнулась и вернулась за стол. С ухмылкой посмотрела на почти полную тарелку дознатчика и подмигнула Леа.

– Вот теперь можно и отобедать.

У Меца имелся план замка, который он потребовал сразу по приезде. Мужчина быстро вычислил, что за скрытый ров имелся в виду: Сольгер действительно когда-то опоясывал ров. Сейчас его частично засыпали, но в одной его части из-за воды и еще каких-то не совсем ясных процессов образовалось что-то вроде туннеля. Он особо никому не мешал, а возможно, даже и помогал, поэтому и остался. Мец прикинул, где подловить отправленных туда работников.

И подловил. С трупом на руках.

– Ну и куда вы его тащите, лаор Хэри?

Джанос оглядел слуг, словно прикинув их шансы на противостояние с тремя магами – Мецом и его помощниками, – и пояснил:

– Вам сдавать, куда же еще?

– В самом деле? – очень правдоподобно удивился дознатчик.

– Не сомневайтесь, – с той же степенью искренности ответил управляющий.

Дальше партии были известны. Мец мог спросить, почему не оставили, где нашли. А Джанос бы возмутился, что, мол, негоже человеку лежать в таких условиях. Дознатчик бы ответил – и понесся

бы бессмысленный диалог. Бессмысленный – потому что ничего лаору Хэри за это сделать нельзя было. Пожурить разве что. Поэтому Мец только ругнулся – почти про себя – и подошел к труп.

– Начальник охраны ла-ориты Зилийской... вернее, той, кто ее изображала.

– Не очень-то из него хороший охранник.

– Может, потому и убился?

– В скрытом рве? Перед этим пырнув себя кинжалом?

Мец с удовольствием полюбовался тем, как управляющий наливается красным от противоречивых эмоций, и махнул рукой, обрывая разговор. Присел рядом с трупом, разглядывая его. Видок, конечно, тот еще... Дознатчик за свою службу повидал немало трупов, так что удивить его было сложно. Да и чему тут удивляться? Рану от ножа любой юнец опознает. Рядом опустился на корточки помощник и достал специальные артефакты. Настоящего лекаря они, конечно, не заменят, но и то хлеб. Но сначала просто осмотрел тело, оттягивая или приподнимая одежду.

– Не вижу следов борьбы, – нахмурившись, озвучил помощник. – А этот мужчина явно не чурался боевых искусств, – и показал начальнику парочку старых шрамов, характерные натертости от меча на руках. Да и мускулатура говорила сама за себя. – Убит кинжалом, – помощник на время замер, что-то прикидывая, – рискну предположить, что...

Королевский дознатчик как наяву видел эту сцену.

Тот, кого представляли всем как Бенса Тоха, уходил по ранее вызанному ходу. Узкие коридоры из комнат слуг привели его на лестницу в погреба. Как всякий уважающий себя замок Сольгер имел места для хранения и вина, и мяса с копченостями, и сыров с прочими молочными продуктами, и солений-варений. Где-то здесь или ниже наверняка была и темница, но путь охранника лежал через вполне обычные помещения.

Он спешил. Чутье и знания говорили ему, что пора делать ноги. Однако следует соблюдать осторожность. И так его уже приметил лакей, некстати выскочивший из кухни. И не прибить его – слишком быстро обнаружат. Значит, нужно ускориться.

Вот уже погреб. Пришлось спрятаться в нишу за бочками, когда мимо прошла немолодая кухарка с двумя головками сыра в руках. За ней крынку с молоком тащил мелкий пацан в белой шапочке – поваренок. Бенс пригнулся еще ниже: мальчишки востроглазы. Пришлось дожидаться, пока шаги стихнут, и вперед, вперед. Мужчина чувствовал, что время поджигает.

Боковой коридор удалось отыскать не сразу. Его умело замаскировали. Выдала грязь. Убирали тут не так уж часто, видимых нечистот, конечно, не было, но мелкие крошки и пыль все же присутствовали. Очень заметно на границе, где ходят. И у одной из стен ровный слой явно нарушен. Почему? Потому что это не ниша, а ход. Туда-то и скользнул Бенс.

Здесь коридор намного уже. Пол неровный, о его сохранности никто не беспокоился: то тут, то там выемки, качающиеся камни. Один раз чуть не полетев головой вперед, мужчина все же сбавил шаг. Зато воздух уже другой. Выход близок: пока еще очень слабо, но свежесть чувствуется.

Однако впереди оказалась стена. Бенсу вновь пришлось искать проем. Да где же он? Откуда тянет?

Второму – мужчине или женщине? Скорее, конечно, мужчине – пришлось идти по тому же пути. Вот ему с лакеями и поварами встречаться точно было не с руки. И он спешил еще больше. Только он знал, куда идти. Да, знания пришлось соотносить с реальностью, но времени на поиски у него уходило меньше.

Бежал по узкому коридору, который выводил к остаткам рва. Этот участок был удачно скрыт от взглядов небольшим обвалом, наверняка специально устроенным. Ушлые владельцы вывели сюда один из боковых ходов. Не зная, ни за что не догадаешься, что отсюда можно выйти. Впрочем, с веками сведения все-таки ушли на сторону, и те, кто умеют слушать, сохранили их. Вот и пригодилось. Но надо спешить, надо спешить. Уйдет же...

Почти ушел. Незнакомый выскочил из-за поворота и увидел, как Бенс налегает на выкрашенную под камень тяжелую дверь. Дальше ему осталось только спрыгнуть и – уйдет. Потому что если придется прыгать за ним, то еще неизвестно, кто станет добычей.

– Стой! – закричал «охотник» не для того, чтобы тот и правда остановился, а выигрывая мгновение. И сразу отправил кинжал в полет.

Бенс обернулся, даря преследователю этот миг. Его глаза расширились, ловя блеск кинжала. Он дернулся в сторону, но уже не успеть.

Тело по инерции вывалилось наружу, и «охотнику» пришлось прыгать за ним, чтобы обыскать. А потом забираться обратно, костеря про себя свежее испеченного покойника.

– Его убили утром прошлого дня, – сверившись с данными артефакта, заявил Маркон, вырывая начальника из так ярко развернувшейся в воображении сцены. – Точно не скажу, но где-то после завтрака и до полудня. Ближе к завтраку, скажем так.

– Потрясающая точность, – скривился Мец, привыкший к королевскому трупорезу, с которым работал обычно. Мерзкая личность, но какой же мастер! Дознатчик подумал: «Впрочем, и это время кое-что дает».

– Как и служанку, – довольно заявил он.

Радовало его то, что данные, кто где был, они уже собрали. Вот только давало это мало: слуги в основном находились друг у друга на виду, брат с сестрой Дерехи сидели в своих комнатах, девки с корабля с виконтом бродили по саду, Ференц, Варга и этот... как его, рыжий – бродили по замку, периодически сталкиваясь и поругиваясь. А вот...

– Лаор Хэри, а где вы были в это время?

Глава 37

Ни дознатчик, ни Джанос в столовую не вернулись. Слуги не проявляли беспокойства. Именно с ними неугомонная четверка и решила поговорить. Вновь не добравшись до своей химеры, Леа только вздыхала.

Анталь с Сандором ушли общаться со стражниками и лакеями, а вот девушки отловили одну из прибирающихся горничных. Шарли мило улыбалась и спрашивала про то, как же удастся поддерживать в чистоте замок с таким количеством декоративных панелей, статуй, фресок и прочего.

– Ох, ла-орита Имре, день и ночь, день и ночь не покладая рук. Вот, например, давеча убирались в синей гостиной. А там эти деревянные узоры, и все такие причудливые и так высоко! И каждый изгиб нужно протереть! Еще полкомнаты не прошли, а руки уже отваливались! А что делать? Запустишь – потом вовек не отмоешь! Хорошо хоть факелы ушли в прошлое! Вот где страх и ужас. Копоть эта!

– О-о-о! Скульптуры в зале с витражом точно бы не отмыть тогда! Знаю я такой камень, грязь в него будто врастает!

– Ваша правда, ла-орита! Тот зал – это ужас, просто ужас! Я вот каждого зверя вот этими вот руками миллионы раз!..

Леа поймала себя на совершенно дурацкой ревности. Ее химеру кто-то там!..

– Ах, милая Язми, какой же труд! Там же скульптуры во всю стену!

– Видели бы вы лестницы, на которые приходится взбираться! Каждую два лакея держат! Ибо раз одна из нас уже свалилась. Чуть шею себе не свернула, ногу и руку сломала. Еще в том столетии, правда, но с тех пор неизменное правило – лестницы держат мужчины!

Шарли, прижав руки к сердцу, сочувственно покачала головой.

– Дела-дела. Как вы вообще в тот зал ходите, мне непонятно, на меня он такой ужас наводит! – безбожно врала девушка. – Витраж еще этот!.. Неужели не страшно?

– Страшно, конечно, но как-то поначалу, – покачала головой горничная. – Видать, не интересны мы ему. Мы, слуги, люди маленькие. Наши жизни не повод этой громадине просыпаться, да и слава Лунной Королеве!

– Неужели только при гостях оживает? – еще больше «перепугалась» Шарли.

Язми сочувственно посмотрела на нее.

– Да вы не волнуйтесь так, ла-орита, Сольгер чудит, конечно, но если за вами нет страшных тайн, то чего бояться?

– Тайн? – ла-ориты тревожно переглянулись.

– Ну да, он, – горничная огляделась, будто ее подслушивали сами стены. А может, это так и было? – любит показать чужие грешки. Ну, кто там кому изменяет, кто мужа отравил или своровал чего. Вы уж простите меня, господа тоже разные бывают. Мы уж тут навидались. Кто ребенка не в браке родил и на воспитание отдал, кто родственника придушил, кто еще чего. Но такое уж редкость, все же тут студенты едут в основном, не успели еще грехов наплодить. А вот кто постарше – там да-а-а.

– Это что же... проверка от академии?

– Может, и от нее. Только досталось такое развлечение от Вельгарды, – Язми сделала обережный знак. – Говорят, у него тут бригада куури работала. Витраж вот, сам зал, фрески эти, да много чего!

Шарли и Леа вновь переглянулись.

– А фрески же обновляют!

– Ну так... – горничная вдруг замолчала и отвела глаза. – Вы уж простите меня, ла-ориты, да только работать мне надо. Работа сама себя не делает.

Виконтесса кивнула, видя, что девушка уже отдалилась.

– Чай не фреска, – вдруг произнесла почти все время молчавшая Леа. Язми дернулась и уронила свою метелку. – Часто они у вас сбегают?

– О чем вы, ла-орита... – проблеяла горничная. – Извините, мне надо идти! Туда... на второй этаж!

– Работай, милая, мы сами пойдем, – остановила ее сжалившаяся Шарли и за руку вытащила Леа из комнаты.

Девушки прошли пару шагов, потом юркнули в другую комнату.

– Значит, периодически сбегают, – Шарлотта нахмурилась и поправила рукава. – Надо все же найти нашу беглянку.

– Если ее еще не замазали.

– М-да, такое тоже возможно, – признала виконтесса.

– Анталя с Сандором сейчас не отыщешь. Давай сами попытаемся найти ее. Начнем с «чудовищного» зала.

– Знаешь, там рядом постоянно кто-то ходит. Мне кажется, если бы наша беглянка устроилась там, ее бы уже обнаружили. Скорее, она там, где поменьше движение.

Звучало разумно. И Леанора нехотя согласилась.

– Только давай еще на кухню зайдем. Там люди обычно повеселей и поотзывчивей. Может, чего и расскажут?

На кухне сначала к девушкам отнеслись настороженно, но, когда они в два голоса начали нахваливать еду и благодарить за нее, спрашивать рецепты, а потом Шарли еще и рассказала про какой-то соус для свинины, люди немного оттаяли. Так девушки осторожно вызнали про найденное тело – охранника лже-Клариссы, о том, что дозначик вцепился в управляющего. Про него слуги немного злорадствовали, но явно не верили, что он к чему-то причастен. Джаноса не сказать, чтобы любили, но он был свой.

– Был бы убийцей, тут бы уже новое кладбище открыли, – поделился один из лакеев, прибежавший перекусить. – Тут столько народу проезжает! Да и на кой ему ее убивать?

– Она пыталась браслет похитить, – тихо пискнула Леа, наивно хлопая глазками. На нее посмотрели покровительственно, а кухарка еще и вазочку с печеньем ей придвинула.

– Браслет Вельгарды похитить невозможно, – пояснила она. – Этих воров в год штуки по три-четыре ловим, да и то только тех, кто попался, а сколько тех, кто половчее? А браслет все лежит на своем месте и лежит.

Леанора изобразила потрясение.

– Поразительно! – поддержала ее Шарли. – Какое место удивительное. Так страшно и так интересно!

Им наперебой начали рассказывать байки про замок, но тут пришла та женщина, которая встречала гостей в самый первый вечер.

С ее появлением у всех резко захлопнулись рты, а вид стал понуровиноватый, даже испуганный. Вот ее точно боялись больше каких-либо чудачеств Сольгера. Леанору с Шарлоттой она быстро выпроводила из кухни, буквально отчитывая за то, что пришли сюда, а потом еще и прошипела зловеще:

– Идите лучше в свои комнаты, ла-ориты, пока чего плохого не случилось.

– Да что может с нами плохого случиться? – Шарли умела получать выгоду из самых разных ситуаций.

– То мне неизвестно, – не поддалась экономка, или кто она была на самом деле. – Только Сольгер лучше запоминает тех, кто шастает по нему ночами. Запоминает, – веско повторила женщина, – и понимает. А тайны есть у каждого. И у каждой.

И захлопнула дверь в помещения для слуг буквально у девушек перед носом.

– Вот карга старая, – в сердцах высказалась виконтесса, а Леа подумала, что ее тайны лучше не выдавать. И так то, что сейчас отображалось на витраже, наводило на размышления. Кто знает, может, кто-то уже задумался. Девушка передернула плечами, избавляясь от мерзкого ползущего по спине холодка, и произнесла:

– Согласна. Но в чем-то она права. Пошли уже по комнатам, я и правда несколько устала и хочу отдохнуть.

Шарлотта оглядела совершенно на вид бодрую подругу, подумала, что открыть свою тайну так глупо – это не дело, и ответила:

– Ты права, я тоже чувствую себя несколько утомленной.

Они направились к лестнице, но около нее Леа неожиданно остановилась.

– Что такое? – удивилась Шарли.

– Ты ничего не почувствовала?

Виконтесса прислушалась, сначала просто, а потом к себе.

– Ты хотя бы намекни, – спустя полминуты попросила она.

Леа, уже минуту прижимающая руку к стене, подняла на нее смущенный взгляд.

– Скажи, у вас не было ли такого, хм, развлечения как веревка с перекладиной, привязанная к наклоненному над рекой дереву? Хватаешься или садишься на перекладину и над рекой, – девушка,

краснея и сверкая глазами, понизила голос и продолжила: – Отпускаешь – и бултых!

Шарли рассмеялась и одобрительно хлопнула подругу по плечу.

– А ты, оказывается, та еще оторва!

– Нет-нет, – замотала головой и руками Леанора. – Это не так... Хотя... – она замолчала, потом почти с завистью добавила: – Обожааю. Ох как бы я сейчас... ну да ладно. Вот знаешь, у меня вдруг возникло то ощущение, когда отпускаешь руки и летишь в воду. Вот тут, – девушка прижала руку к животу и лбу, – и тут. Пустота такая и напряжение одновременно. Не знаю, как точнее описать.

– Я, кажется, поняла. Я не ощутила сейчас, но это похоже на эффект от мощной магии. У нас раз-два в год поля зачаровывают. Несколько чародеев, обязательно цунами, ибо важнее всего земля и вода, и непременно рожденные в этих местах. Да-а... вот в один миг их волшебства, самый важный, когда сила выливается в землю, у меня такое же ощущение. Дядька мой говорит, у него такое при землетрясении возникало. То есть когда мощное изменение происходит.

Девушки растерянно замолчали, обдумывая.

– Тут самое мощное – это браслет и «чудовищный» зал, – нерешительно произнесла Леа. – Может, сходим посмотрим?

Несколько секунд Шарли просто смотрела в ту сторону, потом сжала ладонь в кулак и через силу расслабила ее.

– Пойдем, – и протянула руку. Леанора ухватила за нее, и подруги быстрым шагом пошли к залу.

Дойдя, они сразу, ожидая худшего, посмотрели на витраж.

К сожалению, подозрения оправдались.

Глава 38

Анцытка исчезла со стеклянной картины. Может, от того, что переместилась на фреску? Брюнет в костюме демона с удивлением рассматривал дырявую черную перчатку на руке. Рыжий куури отступил куда-то назад, будто освобождая сцену.

На прекрасного блондина стало больно смотреть – половина его лица осталась прежней, а вторая словно пошла трещинами, причем почему-то рыже-красными. Правый уголок губ кривился в насмешке, а глаз с той же стороны смотрел с болью и яростью, которые больше подходили прошедшему поражению, победы и предательства военачальнику, а не изображенному молодому красавцу.

Девушка с разными очами стала брюнеткой с задорными кудряшками. Волосы второй прелестницы не изменились, в отличие от платья: чернота на одной его стороне обзавелась десятками блестящих – светлых и темных – звездочек, а зеленую стали пересекать белые, желтые, красные линии, причем никакой системы в этих черточках видно не было, будто вообще не глядя наносили.

Прочие фигуры метаморфозы не коснулись.

Леа прижала ладони к губам, не давая вырваться любым высказываниям, которые могли сорваться с языка. А вот Шарлотта все-таки выругалась.

– Необходимо срочно уезжать отсюда, – нахмурилась первая. – С этим нелепым расследованием нужно заканчивать.

– Признаться, и мне надоело чувствовать себя игрушкой в руках, – виконтесса возмущенно обвела взглядом зал, – древнего заскучавшего засранца.

– Шарли!

– Да-да, засранца, – она уперла руки в бока и топнула ножкой в изящной туфельке. – Потому что только засранцы не умеют разделять, что можно выставлять напоказ, а что – нет! Особенно если речь идет о хороших людях! И их тайнах! – Девушка резко развернулась, аж подол взметнулся, обнажая стройные щиколотки. – Где этот проклятый лаор Конец?!

Словно в ответ на ее слова раздались решительные шаги. Леа отчего-то стало страшно. Она еще раз глянула на витраж, потом на свою химеру: та делала вид, что она совершенно обычная скульптура.

В зал действительно вошли дозначик с управляющим, парой слуг и помощников.

– На ловца и зверь, – заявила виконтесса и в упор уставилась на Меца с таким выражением, что помощники и слуги попятились. Тот же лишь скользнул взглядом по недовольной девушке.

– Я смотрю, витраж действительно изменился, – дозначик на миг посмотрел на Джаноса, видимо, именно от него узнал о произошедшем, из чего Леа сделала вывод, что трансформацию почувствовала не только она.

В зал просочились Сандор с Анталем, бочком-бочком подошли к девушкам, обменялись с ними взглядами и заинтересованно уставились на витраж.

– Лаор Мец, – процедила Шарли, возмущенная пренебрежением, – хочу вам сообщить о престранных и весьма подозрительных действиях...

– Странного и подозрительного в этом замке хватает, – прервал ее Мец.

– ...со стороны лаора Хэри и его подручных, – не дала себя сбить виконтесса.

– Чудесно, рад видеть такую активную позицию у молодого поколения, – хмыкнул дозначик. – Только сперва будьте любезны и поясните, что у вас с платьем, – и он по-простецки ткнул пальцем в сторону витража.

– Это единственное, что вас сейчас волнует, лаор Мец? – на лице Шарли не дрогнул ни один мускул.

– Уходите от ответа, милейшая виконтесса?

– Не считаю это важным, но если настаиваете, то пожалуйста, – девушка насмешливо улыбнулась. – Моя сила – цунами. Зеленая часть отвечает именно за стихию земли. Судя по всему, – Шарлотта посмотрела на витраж и даже чуть нахмурилась, – это имитация летнего луга с многоцвельем. От бабушки, виконтессы Орайской, я получала знахарские навыки. А темная часть, очевидно, – она вновь перевела взгляд на дозначика, – намек на мою особенную магию. Я унаследовала ее от бабки по материнской линии, если это важно. Моя

способность в том, – Шарли смотрела на сыщика в упор, – что ночью мои магические силы увеличиваются в несколько раз.

– Ночная ведьма, – резюмировал Мец.

– Надеюсь, мне послышалось, и вы не назвали меня куртизанкой? – виконтесса выпрямилась и посмотрела на дознатчика так, что даже несмотря на все его самодовольство тот почувствовал себя низшим существом.

– Шл... Куртизанок вроде как называют ночными феями. На фею вы точно не похожи, ла-орита Имре, – голос звучал нарочито бодро.

– Феи – безобидные, добродушные существа, готовые забыть все плохое с началом нового дня. Надо ли мне пояснять, почему я на них совершенно не похожа?

– Не стоит, я догадливый, – Мец сделал над собой усилие и улыбнулся. – Приношу свои извинения, ла-орита Имре, если мои слова задели вас. Это произошло ненарочно.

– Я принимаю ваши извинения, лаор Мец, – с тем же великолепным высокомерием едва-едва наклонила голову Шарли. – Впредь думайте над своими словами.

Дознатчик с видимым трудом проглотил ответ и даже смог из себя выдавить что-то среднее между «Благодарю» и «Да провались ты». Но он поспешил перевести разговор, чтобы не нарваться еще на какие-нибудь неприятности: недобрые слова в отношении кого-либо из Имре вели к большим бедам, – и посмотрел на Леанору.

– Ла-орита Орманди, поясните тогда и вы, что у вас с глазами, – дознатчик указал на витраж. – Надеюсь, ваши объяснения менее драматичны, – не смог он слишком долго сдерживать ехидство.

– Боюсь, нечем вас порадовать, – Леа кинула взгляд на стеклянного стукача и произнесла заранее подготовленную фразу: – У меня проблема с глазами.

Мец покосился на перстень, на артефакте правды проверяя ее слова на ложь. Тот не изменил свой цвет.

– Есть опасность ослепнуть, – она по примеру подруги уставилась на дознатчика.

Тот явно не ожидал такого. Тем более артефакт снова подтверждал: девушка не соврала.

– Сочувствую, – выдавил Мец. – Надеюсь, все не слишком серьезно.

Леа неопределенно кивнула, поселив во всех уверенность, что все совсем плохо. На лицах присутствующих отразилось сочувствие разной степени силы. Сама же девушка тихо выдохнула от облегчения, когда мужчина перевел взгляд на Сандора. Значит, дознатчик не понял, что ее правда никаким откровением не была. Она специально сказала, что проблемы у нее с глазами, а не со зрением. Ибо с глазами проблемы были еще какие, но на зрении они никак не сказывались, вернее, не совсем так, как подумали слушающие. А опасность ослепнуть есть у каждого.

– Коль мне сегодня приходится краснеть, – продолжил Мец, – то, может, и вы расскажете, почему так, хм, суровы, а, виконт?

Сандор смотрел на витраж со смесью раздражения и огорчения.

– Коль пришло время откровений, – поморщился юноша, отворачиваясь, – то рискну предположить, что Сольгер намекает на некоторый печальный опыт моей семьи. Наш огонь очень силен. В том числе поэтому нас и поставили когда-то охранять границу. Для того чтобы его сдерживать, требуется мощная воля. Порой, – Сандор еще раз глянул на витраж, – это крайне отрицательно сказывается на характере представителей нашей семьи.

«Становитесь тиранами или сходите с ума», – судя по выражению лиц окружающих, все подумали примерно то же самое. Леа искренно надеялась, что Сандор на самом деле сказал правду в том же ключе, как и она сама. Хм... а Шарли?

– Уверен, вы справитесь, виконт, – пробормотал Мец, за сегодня выдавший годовую норму сочувствия и злящийся по этому поводу. – Итак, ла-орита Имре, что именно вы собирались поведать мне о лаоре Хэри?

Шарли несколько секунд хлопала длинными ресницами, потом с непередаваемым ехидством ухмыльнулась.

Глава 39

Через десять минут они уже стояли перед замазанной фреской лже-Клариссы и оторопело глядели на ее лицо, полностью освободившееся от краски. Даже часть шеи уже была видна. От этого пробирала дрожь. Словно оно проступало из стены, вылезало из нее. А вдруг не похороненная еще жертва убийства и впрямь выйдет из своего узилища?

– Seriously? Вы это мне ставите в вину? – уставился Джанос на дозначика. – Какие доказательства вы предъявите в суде? Фреску напротив комнаты, где я не живу уже много лет? Или есть еще что-нибудь столь же нелепое?

– Тогда зачем вы закрашивали ее, а, лаор Хэри? – возмутилась Шарли. – Не угрожай это вам, вы бы не искали ее и не замазывали!

– Я – управляющий этим замком, поэтому дела хозяйственные – это мои прямые обязанности.

– Знаете, – Мец устало потер переносицу, – мне ужасно надоели эти загадки. Древние браслеты, самовозникающие фрески, меняющийся витраж – балаган какой-то. Сдается мне, лаор Хэри, что вы всему этому потворствуете и откровенно не справляетесь со своими прямыми, как вы выразились, обязанностями. Именно об этом я напишу в рапорте. Уверен, король найдет того, кто более толково управится с таким большим кушем, если уж род Хэри это сделать не в состоянии.

– Да что б вас! – выругался Джанос. – Именно поэтому и замазали! Чтобы всякие там исте... впечатлительные барышни, – он кинул злой взгляд на девушек, – не пугались и не строчили панические письма своим заботливым матушкам! Вот чего-чего, а скандалов нам и так достаточно! Одно убийство чего стоит!

– Вообще-то три убийства, – поправил его Сандор.

Управляющий в сердцах закатил глаза.

– Рассказывайте, лаор Хэри, – рыкнул Мец. – Вы явно знаете больше, чем говорите! Поверьте, рапорт королевского дозначика – это совсем не письма перепуганных родительниц, к нему прислушаются. Хотя уверен, девушкам тоже не составит труда отписать матушкам.

Он посмотрел на барышень. Те с готовностью кивнули.

– И не только девушкам, – хмыкнул Анталь. – У меня тоже имеется весьма легко пугающаяся и заботливая матушка.

Сандор хмыкнул, поддерживая приятеля. Джанос оглядел собравшихся, подумал, а потом, махнув рукой, начал говорить.

Наследовавшие замок Хэри никогда в нем не задерживались. Назначенных королем хозяев Сольгер быстро доводил до нервических болезней, за которыми неизменно следовали и сердечные. Боковым ветвям рода здесь находиться было попроще, но тоже не сладко. Джанос же впервые оказался в этих стенах еще ребенком, когда его отец несколько лет служил здесь управляющим. Это стоило родителю немало здоровья, но доходы делились пополам между хозяевами и теми из семьи, кто здесь жил. Потом батюшка пост сдал, а Джанос вырос и поехал учиться. В какой-то момент пришло его время принимать участие в делах рода.

Несмотря на зловещую славу, Сольгер сначала отнесся к нему весьма лояльно. Джанос без каких-либо последствий даже жил в нем. Все изменилось с нежеланного визита. Отец предупреждал, что они придут, и вот – случилось.

В ворота замка въехало четыре всадника. Богато одетые, обвешанные оружием, они оглядывали Сольгер как собственную вотчину. Впрочем, тот быстро показал свой характер. Великолепной породы кони заартачились уже на мосту. Били копытами, пытались подняться на дыбы и сбросить седоков. С помощью слуг удалось унять животных и увести в конюшню, как они ни вырывались и ни косили яростными очами.

– Я смотрю, ничего не изменилось. Сольгер, дружище, ты все так же не рад нам, – засмеялся первый из спешившихся мужчин, и его саркастичное веселье поддержали остальные. Он же поправил цепь с символами, дающими ему слишком большую власть – Ордена имени Ньяля, откинул назад дорогой плащ и решительно направился сразу в «чудовищный» зал.

Двери в него пришлось выбивать магией. Их не держали слуги, не закрывали заранее, и тем не менее они оказались заперты, и ни один ключ не подходил. Первый из ньяльцев только хмыкал. Правда, его терпение в какой-то момент кончилось, и в ход пошли боевые

заклятья. Мореный дуб сопротивлялся до последнего. Даже когда его разбивали в щепки, эти самые щепки норовили вонзиться в нежеланных гостей и тех, кто на это смотрел, не пытаясь остановить.

– Твой хозяин давно мертв, Сольгер, – цедил ньялец. – А ты все как преданная шавка пытаешься укунить его врагов. Ты побежден и взят, и только милостью магистра не разбит на отдельные камушки.

Джанос очень боялся, что пришельцы что-то сделают с витражом. Ведь тот немедля отобразил четверку в самом неприглядном виде – одного с отвратительным лицом (судя по тому, как тот разозлился, рожу ему и правда латали магией от подобного уродства), другого с открытыми причиндалами, третьего с огромным животом и свиным рылом, четвертого, вернее, первого – и главного – залитым кровью мало не полностью.

– Скажешь тоже, – фыркнул тот и прошел к браслету. Впрочем, не слишком близко.

Но смотрел долго. Потом развернулся и отправился в кабинет управляющего. Там сел за стол Джаноса и поведал ему о его обязанностях.

– Он, – веско произнес ньялец стоящему Хэри, – скоро возродится. По вашему договору с Окатавской Академией вы обязаны принимать у себя следующих в него студентов, как нынешних, так и будущих, и докладывать, среагировал ли на них Сольгер и особенно витраж или нет. И если да, то как. Эти обязанности не отменяются. Однако к ним добавляются новые, а именно: следить и докладывать в Орден обо всех – подчеркиваю, обо всех! – кто проявил явный или тайный интерес к браслету. Особенно тайный! Включая все попытки выкрасть или унести артефакт. Так же меня интересуют все выказавшие лояльность Вельгарде или недовольство Орденом. Для этого вам надлежит заводить соответствующие разговоры и поощрять темы, касающиеся Вельгарды и его последующих воплощений. Особо следует описывать в отчетах тех, на кого Сольгер среагировал, особенно если положительно. Кто проявил особенные магические всплески, приступы агрессии, изощренно острый ум или изворотливость. Отчеты мне требуются письменные, подробные, со списками всех гостей и их слуг. Конечно, внимательнее всего приглядывайтесь к студентам. Вельгарда, когда бы ни возрождался, всегда учился именно в Окатаве. Однако и случайных путников не

забывайте. Мало ли под какой личиной он проникнет в замок. Рано или поздно он явится в один из трех замков, рядом с которыми лежат дороги в Окатаву. В каждом из них есть его побрякушки, которые будут манить его, как мед глупую муху. И мне нужно, чтобы вы смотрели во все глаза и слушали во все уши, дабы его не пропустить. Периодически я буду отправлять людей с тайной проверкой и, если не увижу в отчетах пересказа их действий, род Хэри потеряет право на все сольгерские земли, единственно которые вы еще не разбазарили. Всем все ясно, милейший?

Джаносу все было ясно. Особенно когда после ночи, полной кошмаров, он на следующее утро увидел витраж с изображением себя, повешенного на дереве и со вспоротым животом. Больше управляющий в замке не ночевал.

— Так что мне незачем убивать эту Клариссу, Бианку или кто она там. Достаточно написать ньяльцам, они обрадовались бы до коликов и сами все сделали. А фреску мы замазали, дабы избежать паники, — Джанос зло посмотрел на девушек. — Мы уже сталкивались с таким — стоит появиться фреске с лицом одного из гостей, начинается массовая истерия и бегство. А мало того, что убийцу еще не поймали, так и замок еще не наигрался.

— И отчет еще не полон, — презрительно добавила Шарли.

Управляющему не понравился ее тон.

— Старой аристократии всегда найдется, что скрывать, не так ли, ла-орита ноч... Имре?

— И за ее женщин всегда найдется, кому заступиться, — сверкнула яростью в глазах виконтесса.

— Почему новые фрески появляются? — Сандор явно не вслушивался в пикировку. — Неужели всех этих людей с фресок прикончили в Сольгере?

— Боги с вами, лаор, — отшатнулся Джанос. — Не каркайте, а? Тогда бы нас точно лишили этих владений. А фрески... Замок с вами просто играется. Ему нравится, когда гости сбрасывают маски и из благовоспитанных дворян превращаются в того, кем на самом деле являются. Храбрецом ли, истеричкой, убийцей или добрым малым, — управляющий махнул рукой. — Если вы все перережете друг друга, он

будет в полнейшем восторге. Впрочем, – мужчина обвел взглядом вокруг, – если переженитесь – тоже.

– Мне все-таки кажется, что вам надо сменить место службы, – наконец высказался Мец. – Это просто старая грудa камней. Возможно, напичканная артефактами. Посмотрите со стороны и перестаньте уже ее демонизировать. Разом многие вещи объяснятся. В любом случае, как мне видится, барышни у нас боевые, панике не поддадутся, не так ли? – и он насмешливо посмотрел на подруг.

Шарли гордо вскинула голову и процедила:

– Разумеется.

«Не уверена», – подумала Леа, но мило улыбнулась и ответила:

– Мы очень постараемся. Если вы обещаете нас защищать, – и хлопнула ресницами, блестя тревожными зелеными очами.

Мужчины расправили плечи.

После взаимных уверений в благоразумии с одной стороны и защите с другой любители закрашенных фресок все же разошлись по своим комнатам.

Шарли и Леа устроились в комнате последней. Предупредительные слуги принесли чай с приборами, маленькие печенья в изящной плетеной вазочке. Однако виконтесса решительно отодвинула их в сторону, поставив на стол коробку, которую принесла с собой, и с торжественной неторопливостью сняла крышку с нарисованной на ней премилой барышней в голубом платье. Убрала квадрат белоснежной пергаментной бумаги, открывая нечто усыпанное колотым арахисом.

– Это что? – спросила Леа, не найдя ответ самостоятельно.

Ее подруга взяла нож, разрешила лакомство на четыре части и торжественно произнесла:

– Пастила!

– Пастила?

– Да, пастила из «Белых садов». Наша гордость!

– Про гордость я поняла, – пробормотала Леа, рассматривая положенный ей кусок, похожий на пирожное с широкой белой прослойкой между воздушных коричневатых коржей. – Необычная. Я только белую видала.

– Белая – это отвратительно, – провозгласила Шарли. – Хотя ее мы тоже делаем. Но она – одна из многих. Сейчас мы создаем и белковую, и безбелковую, и плотную смокву, и пастильные зефирки, и с сахаром, и медовую, и из ягод. Как тянучка, как хлеб, как пирожное, – девушка кивнула на коробку, – каких только нет! А с орехами – моя любимая!

Шарлотта отколупала десертной вилочкой кусочек и отправила его в рот, блаженно жмурясь и не замечая ошарашенного взгляда собеседницы.

– Ты так знающе это говоришь. Никогда бы не подумала, что барышни из Имре подобным занимаются.

– Мужа я и без жеманства найду. Да и при молодых людях я о подобном молчу, – насмешливо ответила Шарли. – Вряд ли они готовы слушать про аппараты для приготовления пастилы. Нежные натуры, что поделаешь?

И она засмеялась. Леа тоже поулыбалась и решила спросить про то, что подруге явно было интересно:

– А что за аппараты? – и тоже откусила кусочек. А что, очень даже. Не пирожное из кафе неера Лафендера, но они и стоят больше, чем она за путешествие на корабле заплатила.

– О-о, – протянула Шарли, засияв глазами. – Вот, например, яблоки перед тем, как запечь, надо помыть. Как думаешь, сколько времени уходит на то, чтобы каждое яблоко вымыть?

Леа задумалась.

– Несколько секунд, наверное. На каждое.

– А теперь представь, что таких яблок сотни корзин?

Подруга честно попыталась.

– Именно! – не стала дожидаться ответа Шарли. – Очень много простого труда, от которого никуда не деться. Так вот бабушка привезла с какой-то выставки специальный агрегат. Яблоки туда высыпаятся, и надо крутить ручку, чтобы поступала вода, и яблоки таким образом моются. Куда быстрее! И так со всем! Печи специальные сделали, приспособления, чтобы пюре не вручную взбивать. Боги, да даже подъемник, чтобы не нести яблоки из подвала на кухню. Одно дело в руках таскать вверх-вниз, а другое – крутить ручку!

– Мир открывается мне все с новых сторон, – покачала головой Леа, кусая пастилу куда с большим уважением.

– То ли еще будет, – удовлетворенно хмыкнула Шарли. – А ты не думала про профессию артефактора? С твоим умением будешь вот браслеты не хуже, чем у Вельгарды, клепать!

Подруга хмыкнула.

– Я не особо представляю себе, как такие вещи вообще делаются. Но это же, наверное, надо создавать сначала основу, золото как-то обрабатывать, паять, плавить, что еще? Как-то это... неженственно, что ли. Я, – Леа смутилась, – все еще надеюсь выйти замуж, в смысле, удачно. В приличный дом. Но теперь понимаю, как важно самой решать. Чтобы не по указке отца, а за того, за кого хочу. Нет, я, конечно, надеюсь, что мой жених нравится родителям... Но чтобы это не было единственной причиной!

– Узко мыслишь. Образование даст тебе возможность решать все в своей жизни. Например, хочешь ли ты вообще замуж, – Шарли усмехнулась в лицо ошарашенной подруги. – Может, тебе понравится-таки ювелирное искусство, и ты будешь создавать брошки-амулеты и продавать их за большие деньги? Или пойдешь в армию, будешь крушить врагов в ореоле боевой магии и славы?

– Я? В армию?

– Или станешь придворным магом и будешь охранять его величество и шептать ему на ушко, кто достоин, кто нет?

– По-моему, это как-то иначе называется.

– Неважно. Главное, что ты сама сможешь решить, чем тебе заняться и когда, если вообще нужно, выйти замуж. И мужчин увидишь совсем иных.

– Мужчин? Каких иных?

– Круг знакомств расширится. Смотри, пока ты сидела дома, то знала только родительских знакомых и кого-то из гимназии, так? Так. Уже сейчас ты познакомилась с Сандором, который вообще-то виконт, баронетом Анталем, талантливыми Матьяшем и Этьеном. И это ты еще до Академии не доехала. Сколько графов и баронов ты встретишь там? В академии будут молодые люди из лучших семей. Да и потом – неизвестно, куда тебя забросит на практику и кого ты там встретишь. Например, ты никогда не думала про княжеский двор?

Леа сидела как громом пораженная. Нет, она, конечно, и раньше это понимала, но как-то... не полностью, что ли.

– А ты ради этого поступаешь в академию? – спросила она.

– Не только, но пригляжусь обязательно, – Шарли положила подруге второй кусочек пастилы. – И ты приглядишься. Например, к Сандору.

«Но я люблю Дени», – подумала Леанора, но вслух сказала:

– Он очень красив. Слишком для меня. Мне нравятся более мужественные. А тебе как Сандор?

– Умен. Выдержан. Себе на уме. Интересно, какие недостатки он так тщательно скрывает?

Ее собеседница вздрогнула. Тема показалась неприятной. Она пожала плечами, не желая ее продолжать.

– Я только надеюсь, что у нас действительно будет возможность и отучиться, и выбрать, – тихо и как-то особо серьезно произнесла Шарли. – Этот указ... меня пугает. За ним явно стоит что-то неприятное. Какая-то причина, которая нам всем, я уверена, не понравится. Как бы это все не испортило.

Леа и сама много думала на эту тему, но мрачных разговоров не хотелось.

– Будем надеяться, что король просто обнаружил в себе талант свахи и решил действовать масштабно.

Шарлотта засмеялась и подняла чашку как при тосте:

– Я выпью за это.

Посиделки скоро закончились, и девушки отправились спать. Однако ночь для Леа началась слишком рано. Даже с учетом того, что она пошептала с Матишкой, пересказывающей слухи один немыслимее другого, почитала, закапала глаза и долго игралась с новым пополнением в ее коллекции камней. Юной магичке ужасно хотелось куда-то идти, что-то делать, еще раз наведаться в «чудовищный» зал и проверить, не изменился ли витраж, и главное – провести химеру и посмотреть на браслет. Может, она все же ошиблась? Сколько усилий пришлось приложить, чтобы никуда не сорваться. И то несколько раз Леа удерживала себя только воспоминанием, как перерезали горло несчастной Бианке.

– Да что же такое?! – едва не взвыла девушка, понимая, что с ней творится что-то неладное: не водилось за ней ранее склонности к авантюрам. – Угомонись уже!

Леанора все-таки легла и закрыла глаза. Повернувшись раз сто за пять минут, она принялась вслух называть известные ей

полудрагоценные камни и перечислять их свойства. Уснула на лазурите.

Сон оказался некрепок и мучителен.

Очнулась Леа от него резко, рывком села на кровати, дрожа от какого-то первобытного ужаса и сжимая в руке сгусток магии, непонятно как там появившийся. Почти минуту девушка так и сидела, готовая отразить любое нападение и продать свою жизнь подороже. Однако темнота, разлитая в комнате, медлила, не желая предъявить ей злоумышленников.

Дыхание постепенно восстанавливалось, а мозги прочищались. Леа опустила руку, впитав в нее магию, и растерянно огляделась. Что-то заставило ее проснуться, что-то плохое... Что?

Девушка выползла из кровати и накинула домашнее платье поверх рубашки. Застегивая его спереди, она обратила внимание, что пальцы дрожат. Как всегда, когда ей нужно было успокоиться, схватила за браслет со своей коллекцией камней и застегнула на запястье. Перебирая его отделения как четки, еще раз огляделась. Почему ее химера сегодня не пришла? Еще рано? Может, уже идет? Леа прислушалась, отчаянно жаждая услышать знакомое цоканье. В замке царила тишина. Так безмолвно, как бывает только вдали от городов. Даже ветра не слышно.

Стоило девушке немного расслабиться, как она снова дернулась. Крик. Кто-то кричал. Звука почти не было слышно, но кто-то кричал.

Вопль повторился, пробирая до костей. Женщина.

О боги...

А если это Шарли или Матишка?!

Леа бросилась к двери и дернула на себя. Потом выругалась недавно изученными словами, повернула ключ и снова потянула. Как-то сразу оказалась в коридоре, и в тот же момент дверь захлопнулась за ее спиной. Девушка подняла свечу повыше, пытаясь рассмотреть хоть что-то, и увидела фрески. Они все глядели на нее. Хищно, кровожадно, предвкушающе.

«Т-ты-ы... т-ты-ы... т-ты-ы... – слышалось в абсолютной тишине коридора. – Т-ты-ы...» Леа замерла с распахнутыми глазами, дрожа всем телом, и с ужасом наблюдала, как дама в синем поворачивается к ней и медленно, будто преодолевая сопротивление камня, указывает рукой на нее.

«Т-ты-ы!»

Беззвучно взвизгнув, Леа метнулась в сторону. Но там тоже на нее глядели, смотрели, скалились лица с фресок. Живые, такие живые, настоящие, злые.

«Т-ты-ы! Т-ты-ы! Т-ты-ы!»

Уже не помня себя от ужаса, девушка заколотила кулаками в первую попавшуюся дверь.

– Помогите! – голос почему-то еле звучал. Горло стискивала невидимая хватка ужаса. – Помогите!

«Т-ты-ы!!!»

Голоса, беззвучный шелест приближался. Леа развернулась, готовая принять удар, сопротивляться, драться за свою жизнь. И в этот момент дверь за ее спиной распахнулась, и девушка стала заваливаться назад. Ее подхватили. В коридор рванулся свет из комнаты. И все стихло.

– Леа? Что с тобой?

Распахнутыми во всю ширь глазами девушка глядела в темноту коридора, но все пропало. Фрески не двигались, звуков больше не слышалось.

– Леа?

Первый голос принадлежал Анталю, второй – Сандору.

– Закройте дверь, – прошептала Леа.

Виконт недоуменно глянул на нее, явно оценивая состояние, и послушно закрыл дверь. Девушка мимоходом подумала, насколько компрометирующе это выглядит, но сейчас на это было наплевать.

Только убедившись, что дверь заперта, Леанора осмотрелась. Комната почти не отличалась от ее, разве что тут преобладали зеленые цвета. Взгляд натолкнулся на карты, бутылку вина и какие-то исчерканные заметками листы. Оба юноши настороженно смотрели на девушку, явно ошарашенные ее появлением.

– На тебе лица нет, – Сандор подошел ближе и осторожно взял ее за руку. Леа вцепилась в его ладонь, как в единственное реальное в этом мире. Анталь отошел к столу, налил вина в чистый бокал и, вернувшись, сунул ей.

– Выпей, станет полегче.

Признаться, Леа не хотела, но Ференц был неумолим. И прав: после нескольких глотков стало лучше.

– Кричали... – прошептала она наконец. Потом откашлялась и продолжила громче: – Я услышала, что кто-то кричал. Женщина. Выскочила в коридор. А там фрески. И все смотрят на меня. Как живые. И голос прямо в голове. «Ты! Ты!» – кричит. А потом дама в синем начала поворачиваться и так рукой на меня, – и Леа повторила жест.

Парни переглянулись.

– Ты что-нибудь понял? – спросил Анталь.

– Я не вру! Я не придумала! – дернулась девушка. – Это правда.

– Мы верим, Леа, – просто и серьезно ответил Сандор.

– Это может быть Шарли... Или Матишка. Моя горничная, – пояснила она.

– Или Марика, или какая-то другая служанка, – добавил Анталь.

– Надо выяснить, – виконт развернулся к двери, но Леанора тут же вцепилась в его руку.

– Там они... фрески!

Юноши снова переглянулись.

– Вариантов не особо много, – наконец произнес Сандор. – Давай попробуем. Если опасность будет слишком велика, то вернемся и будем думать. Но не помочь Шарли или Матишке мы же не можем, не так ли?

Леа судорожно кивнула и еще крепче вцепилась в его руку.

– А вы разве не слышали?

Анталь взял тяжелый канделябр на пять свечей и открыл дверь.

– Нет, мы не слышали. – Сандор подтолкнул Леа за приятелем и сам встал замыкающим.

Глава 40

Коридор показался девушке затаившимся. Притихший, зловещий, он выжидал, заманивал своих жертв. Антадь поднял канделябр повыше. Фрески безмолвствовали и не двигались. Леа тихо всхлипнула. Сандор взял еще один подсвечник.

Сейчас при увеличившемся освещении недавние события даже девушке показались вымышленными.

– Я это видела, – упрямо заявила она, хотя никто ей ничего не говорил. – Это было!

В этот момент все трое услышали где-то далеко крик. Антадь на миг замер, как гончая перед стартом, а потом рванул вперед. Его приятели помчались за ним. Огонь в свечах не выдержал такой скорости и погас. Канделябры оставили у лестницы. Бежать по ней казалось опрометчивым, но Антадь не притормозил нисколько. Леа пришлось подхватить юбки одной рукой и, держась второй за поручень, в норовящих свалиться туфлях поспешить следом. Сандор вырвался вперед, но внизу застыл, глядя на девушку.

– Беги уже! – рыкнула она, сама себя ругая за подобное.

Виконт благодарно кивнул и бросился за Антадем. Леанора же, дрожа от ужаса, продолжила спуск, стараясь хотя бы не свалиться. Шаги парней удалялись. На лестнице света от приглушенных магических светильников было побольше, но стоило девушке остаться одной, темнота стала гуще. «Мне это кажется, кажется», – думала Леа, озираясь и ускоряя шаг. Не вовремя она повернула голову и увидела, как на противоположной стене проявляется темное пятно, приобретая очертания человеческой фигуры.

Девушка взвизгнула и бросилась вниз. Как не переломала себе ноги, одним богам известно. Стоило оказаться у ближайшей стены, как взгляд мигом упал на фреску. Здесь они встречались реже, но все же. Леа невольно уставилась в глаза изображенному мужчине. Лицо казалось замершим, как и положено. На миг магичка даже подумала, что все в порядке, но краем глаза заметила движение. Нарисованная рука тянулась к ней.

Взвизгнув, Леанора бросилась вперед. Куда угодно, лишь бы не видеть этих жутких фресок. Тем более впереди слышался какой-то шум. Кажется, дрались. И хотя разум кричал, что ей уж точно нечего делать там, где дерутся, страх остаться наедине с фресками оказался сильнее.

Девушка влетела в комнату, где шумели, даже не сразу поняв, что это «чудовищный» зал, и распахнутыми глазами увидела три фигуры, мечущиеся по всему его пространству. В первых двух она опознала Анталя и Сандора. Они нападали на третьего. Гибкого, высокого – или кажущегося таковым – мужчину,двигающегося очень быстро и ловко. Причем настолько, что мгновенно стало ясно: это он нападает. И защищаться обоим юношам удастся с огромным трудом.

«Убийца! Это он! – поняла Леа, в ужасе прижав ладони по рту. – Лунная Королева, Лунный Король! Что же делать?!»

В этот миг откуда-то со стороны раздался тихий стон. Девушка повернула голову и увидела до боли знакомую картину – кто-то, и похоже, что женщина, лежал в крови на каменном полу. Однако в этом случае жертва еще дышала. Леанора подбежала к ней и опустилась рядом, с ужасом и недоумением узнав в ней Марику. Та прижимала руку к боку, но пальцы уже окрасились в алый, в лунном свете из огромных окон кажущийся нереально ярким.

«О боги, что же делать?!» – Леа судорожно перебирала свои скудные знания по целительству и понимала, что ничего толком вспомнить не может.

«Нож вытаскивать нельзя, – всплыло в памяти. – Боги, ножа-то и нет!» В мыслях царила истерика. Сведения о том, что нужно делать при ранениях, с трудом пробивались через нее. Леанора чуть согнула ноги Марики в коленях и наконец посмотрела на рану. Кровь выталкивалась из нее пульсирующим фонтаном. Пострадавшая потеряла сознание, и теперь ничто не мешало крови уходить. Стало ясно: долго при таком потоке несчастная не протянет. Паника накрыла Леанору с головой. И девушка, наверное, отдалась бы ей, если бы не понимание: если она ничего не сделает, Марика не выживет. Не выживет. И это будет по ее, Леа, вине. Самое ужасное, что она сейчас могла предпринять, – это ничего не делать.

Девушка наклонилась и рванула подол ночной рубахи. С треском ткань разошлась. Еще раз – и в руках у юной магички оказался кусок

ткани. Леа скомкала его и с силой прижала к ране, молясь, чтобы этого хватило. Импровизированный барьер быстро напитывался кровью, но что еще можно сделать, девушка не представляла.

– Держись, прошу тебя, держись, – отчаянно попросила она, хотя Марики ее услышать не могла. Леа подняла голову в надежде на помощь и только сейчас вспомнила, что им всем угрожает еще одна опасность.

Причем такая, что, возможно, стоило спасать именно свою жизнь. Незвестный убийца с натянутым на нижнюю часть лица шейным платком крутился между Сандором и Анталем, насккивающими на него, как изящные гончие на матерого волка. Они не побеждали. На кинжале мужчины уже алела кровь, но, вероятно, Марики, а не кого-то из парней. Те не казались ранеными. То один, то второй пытались использовать магию, но она разбивалась об убийцу, как о стену. «Амулет!» – поняла Леа. Умей юноши создавать более сложные заклинания, артефакт бы не справился, но простейшие заклятья отбивал на раз.

В этот момент незвестный ловко отпрыгнул в сторону и метнулся за спину Сандору, схватил его руку, заводя ее за спину, и с силой толкнул выгнувшегося парня на Анталя. Тот не удержал и начал заваливаться на спину. А убийца уже летел к девушкам. Наверняка он собирался добить Марику, но, когда на тебя несется бандит с кинжалом, не думаешь – защищаешься. Леа сама не поняла, как это произошло: мелкие камушки вырвались из ее браслета и рванулись вперед.

Скорость их движения, несомненно, упала бы из-за амулета, но убийца сам приближался – и очень быстро. Самоцветы один за другим врезались в его лицо, не столько причиняя вред, сколько заставляя инстинктивно уклоняться и защищать глаза.

Это его не остановило, но притормозило. Последний камень полетел вниз, и в тот же миг убийца заорал, дергая ногой, в которую впилась разъяренная химера.

– Малышка! – выдохнула потрясенная Леа и тут же ахнула от ужаса, видя, как магия скатывается с рук мужчины в сторону ее любимого чудища.

И не причиняет ему вреда.

– Стой! – заорали сзади то ли вскочившие, то ли выровнявшиеся парни.

– Сюда! – крикнула Леанора, приказывая химере отцепиться. Одно заклинание малышке могло и не повредить, но кто знает, может, эта сволочь в следующий раз использует что-то пострашнее. Каменное чудище и само охотно отцепилось и рванулось к девушке. Убийца же, похоже, понял, что надо бежать. Выскочил в дверь и быстро исчез из поля зрения.

Тут подоспели юноши, явно ничего не поняв, но видя в химере угрозу для подруги. В их руках вновь появилась магия.

– Нет! Мое! – Леа прижала чудовище к себе. – Целителя! Матьяш! Нужен Матьяш!

Убийцу уже не поймать. Его шаги удалялись слишком быстро. А Марику еще можно было спасти.

– Останься! – крикнул Сандору Анталя и рванул из зала. В следующий миг из столовой раздался звук гонга, которым созывали на трапезу. Звон разносился на весь замок и в такой неурочный час должен был переполошить всех.

Леа, до этого испугавшаяся, что убийца может вернуться или напасть на Анталя, выдохнула. В такой шум ни один разумный преступник не сунется.

– Спасибо, малышка, – прошептала она химере, второй рукой давая ей немного магии. – А теперь прячься.

Та понятливо кивнула и побежала к своему месту на стене. Потрясенные Сандор и Леа наблюдали, как она взбирается по ней, устраивается в нужную позу и застывает в ней, как обычный барельеф.

– Не выдавай, – попросила девушка, чувствуя, что о таком чуде лучше не рассказывать.

Виконт кивнул.

– Попрошу и Анталя.

– Спасибо, – шепнула Леа и перевела взгляд на раненую. Та по-прежнему находилась без сознания. Продолжая прижимать влажную от крови ткань к ране, магичка поманила свои камушки обратно, и они встроились в браслет.

Потянулись минуты тревожного ожидания, но через какое-то время наконец начали прибегать люди. Слуги гостей, дозначик, Шарли, Матьяш, еще кто-то... Побежали за управляющим. Леанору

оттеснили от раненой. Она с облегчением уступила свое место и отошла, но долго не могла отвести взгляда от Марики, над которой суетились оба целителя.

– Леа, – Шарли обняла ее за плечи. – Идем, тебе надо умыться.

– Пусть сюда принесут! – рявкнул Мец. – Никому не расходиться.

– Тут рядом есть умывальня! – бросила в ответ виконтесса и повела подругу к ней.

Сандор последовал с ними до дверей. Его еще потряхивало от страха, в том числе и за Леанору.

Когда они вернулись, Мец стоял посреди зала и громко вопрошал:

– Что здесь происходит?! Кто-нибудь соизволит рассказать мне, а?!

Сейчас зал сиял сотней зажженных свечей и магических огоньков. Словно ослепленная ими, Леа застыла на пороге.

– Милая, что... – начала Шарли, но проследила взгляд подруги и осеклась.

Витраж снова изменился. Девушка-кукла лежала на полу, а гипертрофированно огромный ключ, который раньше находился в ее спине, держал в руках тот неприметный страж в темной форме, стоящий на вытяжку справа. Теперь он уже не казался часовым или военным. Скорее, убийцей, совершившим свое черное дело.

Допрос прошел тяжело. Про фрески и голоса Леа рассказывать не стала. Этак и сумасшедшей прослыть недолго. Про химеру – тоже, но по другой причине. Мец чувствовал, что от него что-то скрывают, оттого и злился. Заставил показать, как он выразился, «фокус с камнями». Девушке труда это не составило. Единственная сложность состояла в том, чтобы придержать султанит, да и вообще не демонстрировать его.

Дознатчик понаблюдал, как вокруг его головы летают мелкие самоцветы, и приказал «убрать этот балаган».

– Хорошее владение малыми потоками, – еще минуту назад казавшийся раздраженным мужчина посмотрел на Леанору с каким-то особенным, профессиональным интересом.

Девушка даже испугалась, сделала максимально детское выражение лица и поблагодарила.

Непонятно, что не понравилось Мецу на этот раз, но он возобновил допрос с новой силой, пока не довел-таки девушку до слез. Шарли услышала – интересно, как? – и влетела в кабинет, обвинила сыщика в жестоком обращении с женщинами, пригрозила родней, жалобами королю и увела Леа, чтобы самой допросить с не меньшим пристрастием.

До постели все они добрались еще не скоро. Единственное, что утешало, – жизнь Марики уже находилась вне опасности. А вот пугало то, что убийцу так и не поймали. Хотя сомнений в том, кто это, уже не возникало.

Стоило Леаноре уснуть – не без проблем, – как она почувствовала, что матрас прогибается под чьим-то весом. Девушка очнулась, готовая сражаться до последней капли крови, однако врагов рядом не наблюдалось. Лишь у самого края с виноватым видом прижимала ушки к голове перепуганная химера. Леа чуть не прослезилась от радости. Протянула в ней руки и, когда создание радостно доскакало до нее, подняла с видимым усилием, а потом сразу же прижала к себе. Камень казался теплым и каким-то бархатистым.

– Малышка моя, девочка моя ненаглядная. Какая же ты хорошая, какая умница, спасла меня и всех нас. Настоящая героиня! – наглаживала девушка свое чудище, прижавшись щекой к ее макушке и щедро делясь магией. Химера урчала и тыкалась мордой ей в плечо. – Спасибо тебе огромное! Защитница моя!

Каменное чудище весило немало, но почему-то сейчас эта тяжесть успокаивала. Вообще присутствие химеры дарило чудесное, пусть и не совсем реальное, ощущение защищенности.

– Побудешь со мной?

Та кивнула и прижалась еще крепче. Девушка устроила ее так, чтобы обеим было удобно, и какое-то время просто смотрела на свое маленькое, такое необычное чудо. В этот раз заснула Леа быстро и без усилий.

Глава 41

Пожалуй, кроме девушек, этой ночью никто в замке не спал – ловили убийцу. Сразу, как около раненой Марики появился Мец, в первую очередь закрыли все выходы из замка, включая тайные. Тут уж постарался Джанос Хэри, которому очень не понравилось ходить в подозреваемых.

Начали с комнат брата и сестры Дерех. Помощники Меца, как и он сам, рассчитывали на быстрый успех: одно из первых заклинаний, которому обучали сыщиков, – это поиск человека, если, конечно, он пропал относительно недавно. По его малой частице, чаще всего волосу. На худой конец сгодилась бы и ношенная одежда. Тем более в покоях ее нашлось немало. Дознатчики уже предвкушали скорый успех дела, когда неожиданно обнаружили ужасное: ни единой частички живого существа на вещах не нашлось. Такое в принципе невозможно. Следы, хоть горничной, переставлявшей вещи при уборке, должны были быть. Однако их не оказалось.

Объяснение этому могло быть только одно: выходя из комнат, Дерехи воспользовались отвратительным воровским заклинанием «зачистки», уничтожавшим все следы живых в помещении. Вещи оставались в целости, но пригодных для поиска фрагментов на них не находилось. Можно предположить, что бежать брат с сестрой собрались этим вечером, однако, осмотрев комнату, Мец решил, что имеет дело с перестраховщиками: очевидно, они оба предполагали возможность, что придется скрыться в любой момент, и применяли заклинание «зачисти» всегда, когда выходили из комнаты. Водилась такая вредная привычка у профессиональных преступников.

Пришлось, скрипя зубами, отказаться от идеи быстрой поимки убийцы. Так что, пока дозначик своими вопросами мучил Леанору и Анталя с Сандором, замок планомерно обыскивали. В дело шли знание Сольгера местными стражниками и магия помощников Меца. Комната за комнатой, коридор за коридором. Обыскали, закрыли, поставили магическую печать. И так полночи, пока не пришлось прерваться, потому что силы, ни людские, ни колдовские, не бесконечны.

Когда же продолжили, обнаружили самое неприятное – «кошку» с веревкой на стене. Причем там, где уже проверили.

– Прошляпили!

Преступник виртуозно воспользовался недолгой передышкой охотников, раздобыл где-то крюк с веревкой, прокрался на стену и спустился за ее пределы. Погоню организовали, но быстро завернули. В темноте ночи кони не имели существенного преимущества, даже если убийца пошел по дороге, услышав стук копыт, он мог спрятаться за ближайший куст, и никто бы его не заметил.

Да и вряд ли он действительно отправился по наезженному пути. Уйти от погони легче, избегая дорог. Плюясь от злости, Мец по переговорному камню передал коллегам сообщение с описанием убийцы.

У этого острова не так много портов. Велика вероятность, что поймают. Пока же дознатчик собирался разговорить Марику. Девушка пришла в сознание, но пока довольно мутное. Мец же осмотрел их с братом комнаты и обнаружил весьма странные для обычных дворян предметы. Например, плотно облегающие темные костюмы, в которых в обществе появляться нельзя даже юноше, не говоря уже о девушке, и набор ножей. Однако ни отмычек, ни специальных артефактов, ни каких-то украденных вещей в покоях не нашлось. С такими уликами девушке предъявить нечего. Да и так ли все однозначно, как кажется на первый взгляд?

Мец понимал, что стоит Марике прийти в себя, как она, скорее всего, замолчит или будет строить из себя несчастную жертву. Это категорически не устраивало его. Конечно, оставался избитый трюк с «а твой подельник уже всю тебя сдает», но купится ли на него девчонка?

С такими тяжелыми мыслями дознатчик отправился навестить раненую и справиться о ее здоровье. В замке имелся свой лекарь, но без магии, поэтому, наскоро проверив квалификацию Матьяша и Этьена, он уступил им право врачевания, но под его надзором. Мец как раз спрашивал себя, не был ли он слишком опрометчив, допустив такое? Все-таки и тот, и другой еще под подозрением.

Взглядом, выражающим все эти мысли, мужчина и окинул вышедших к нему целителей. Что-то рожи у них больно хитрые... Прямо у него на глазах Этьен локтем пихнул Матьяша в бок, и тот

вместо того, чтобы ругнуться, кашлянул и с некоторым смущением произнес:

– Есть одна идея.

Дознатчик посмотрел на него скептически.

– Мы так понимаем, нужно разговорить Марику.

С раздражением Мец понял, что об их неудачах с поиском как преступников, так и улик уже известно всему замку, исключая только девушек, и то до того момента, как утром к ним явятся горничные. Самое обидное, что винить в подобном, кроме себя, некого.

– И? – максимально сурово спросил дозначик. Пусть не думают там себе!

– И есть одна идея, как это сделать.

– Гуманно, – добавил Этьен, оглядев сыщика. – Более-менее.

Тот, как раз задумавшийся о правомерности применения пыток и, к своему великому сожалению, отвергший этот вариант, разозлился еще больше. Но опять же – только его вина. Скрепя сердце, он кивнул молодым людям на кабинет и, когда все там расположились, веско произнес:

– Выкладывайте.

Матьяш немного помялся и все-таки решился:

– Есть одно зелье. Его можно использовать для быстрого излечения, – заговорив о целительстве, юноша сразу обрел уверенность. – Сложное, требует магии определенного уровня, но моего хватит, – он довольно улыбнулся, – нужны особые ингредиенты, но в местном саду есть. Необычно, да? В общем, мы его можем сварить.

– И что? – Мецу здоровая Марика не так чтобы была особо нужна.

– Дело в том, что у этого зелья есть неприятная в целом, но полезная сейчас особенность. Сперва человеку становится очень плохо, особенно морально...

– Тому, кто принял это лекарство, кажется, что он умирает, – пояснил Этьен без деликатности. – У большинства людей это вызывает панику и...

– И желание отомстить, – мигом понял идею этих засранцев Мец.

– Да, – Матьяш вздохнул. – Есть такой неприятный эффект. Зато излечение, особенно от ран, происходит очень быстро. Зелье редкое.

Даже если девушка его знает, то может не догадаться или не понять, что у нас хватило сил и ингредиентов для него.

Все уже решивший для себя дозначик откинулся на спинку стула.

– А как же ваша лекарская клятва? Что-то там про «не навреди»?

– Так мы и не вредим. – Этьен пожал плечами. – Наоборот, прикладываем немалые усилия для быстрого исцеления пациента.

Мужчина только покачал головой.

– Чья идея? – такой изворотливый ум надо поставить на заметку.

– Идея Этьена, он же будет собирать травы, – пояснил Матьяш. – С этим у него лучше. А я буду варить само зелье и вливать в него магию.

– Варить могу и я, – довольно ухмыльнулся рыжий. – Но магии – да, не хватит.

Мец помолчал.

– Надеюсь, вы не встанете на преступный путь. Особенно вместе.

Марика очнулась от боли. Девушка, несмотря на свой возраст, хоть и не столь юный, как она пыталась показать, но все же достаточно молодой, отлично знала, как ощущаются колотые раны, и понимала их коварство. Однако когда она приходила в себя в прошлый раз, ей было существенно лучше. Что же произошло?

Подошел Этьен, потрогал ее лоб, проверил рану, разволновался, метнулся к двери. Через пару минут появился Матьяш. Марика посмотрела на него с надеждой. Именно он ее вытащил, когда казалось, что кибитка, запряженная соловой масти лошадкой, уже выворачивает из-за угла^[12]. Вот и сейчас она почувствовала прохладное прикосновение лекарской силы. Стало легче. Однако через какое-то время Матьяш убрал руки, и они с Этьеном переглянулись. Сквозь вернувшуюся боль Марика подумала, что, когда эти двое не ругаются, то прекрасно понимают друг друга. Мысль скользнула по периферии сознания, куда больше занятого тем жалостливым взглядом, который бросил на нее рыжий, прежде чем оба целителя вышли из комнаты. Девушке не хотелось верить в то, о чем она уже догадалась.

Боль все больше поглощала ее мысли. От ранее почти не ощутимого жара хотелось метаться по постели, но стоило шевельнуться, как всю ее пронзали тысячи невидимых кинжалов,

будто ее не в бок пырнули, а всю искололи. Минуты тянулись медленно. Отчаянно хотелось пить. И плакать. «Лунная Королева, ты это видишь?» Неужели ей суждено сдохнуть в этом проклятом замке от его глупой шутки? Или... он просто ускорил неизбежное? Он же не врет. Его просто надо понять. Руки Матьяша были в крови, потому что он пытался спасти Бианку, а Этьен подносил не яд, а, по сути, сыворотку правды – тоже своего рода яд, но не смертельный. Мужчина с витража – Гараи, проклятье! Как она раньше не догадалась?! – вытащил ключ у заводной куклы, чем сделал ее неживой... Неживой... Боги, как же смешно... Ее приставили к нему как куклу, артефакт, видящий охранные заклинания. А их не оказалось! Одно вшивенькое на двери, такое же недоразумение на окне и на коробе. Информационное и сигнальное. Считай, без охраны оставили одну из величайших реликвий! Когда они готовились, казалось, это ловушка, поэтому и взяли ее – она может видеть всю подобную магию. И что? Ничего нет! Браслет сам себя якобы охранял! Так куклой и простояла все время. Недаром вредный витраж, кроме последнего раза, ни разу не изменил ее.

Но ведь ее уже спасли? Что могло пойти не так? Здесь есть лекарь и эти двое...

Боль изматывала, выкручивала. Все тело горело, отчего казалось, что слезы превращаются в соль прямо на веках. И обжигают. Марика пыталась позвать кого-то, но минуты шли, растягиваясь в вечность, а никто не приходил.

Когда дверь наконец открылась, на ее пороге появился не лекарь, а лаор дознатчик, чтоб ему пусто было. Впрочем, сейчас девушка обрадовалась даже ему. Тем более он поднес ей стакан с каким-то пойлом. От прохладной жидкости, горчащей травами, стало полегче.

– Вам знакомо растение аутерас, ла-орита? – Мец подтянул стул к кровати и уселся с комфортом. – Вернее, яд, готовящийся на его основе? Вижу, знаком.

Стоило проклятому сыщику озвучить название, Марика все поняла. Все, абсолютно все. Случайности не было.

– Яд аутерас невозможно распознать, пока он не начал действовать, и противоядия от него не существует. Признаться, я давно уже не сталкивался с такой экзотикой. Достать сложно, да и наказание

за хранение – смертная казнь. Так зачем заморачиваться? Если только противник может оказаться с подвохом и сумеет отбиться, или рядом с ним окажутся целители с магией. Даже она не спасет от аутераса. Вам осталось мучиться пару часов, ла-орита, уж не знаю, как ваше настоящее имя.

И улыбнулся, зараза.

Марика же смотрела на него и с кристальной ясностью понимала, что все было предрешиено. Ее напарник подстраховался.

Очевидно, Гараи собирался покончить с ней уже за пределами замка. Но она не одна из этих барышень в кружевах, она действительно могла отбиться. Амулеты бы помогли на первых порах, а потом успела бы сбежать. Возможно. Он не собирался давать ей такой шанс. Поэтому и яд. Уж ранить бы ему ее точно удалось. Кто знает, возможно, предвидел и вариант, что избавляться от нее придется в замке, а тут действительно могли оказаться целители. Все предусмотрел.

– Мне не нравится Матьяш Варга, – продолжил дознатчик тем временем. – Но он выиграл для вас пару часов, ла-орита. В ином случае вы могли бы только кричать от боли. Так как хотите провести это время, барышня? Лично мое чувство справедливости удовлетворено не до конца. А ваше? Если тоже нет, то я готов послушать исповедь воровки и убийцы, – Мец немного помолчал. – Хотите мне что-нибудь рассказать?

Девушка закрыла горящие от слез глаза. Ожидание сплелось с тяжелой тишиной и запахами лекарств.

– Еще воды? – насмешливо и немного участливо предложил дознатчик. От этой почти призрачной нотки сочувствия стало еще больнее. Марика с трудом кивнула. Горьковатая жидкость вновь показалась блаженством. Лунная Королева, как же мало ей теперь надо...

– Магдолна, – прошептала девушка, – Тёрек. Двадцати трех лет от роду, – зачем-то добавила она. – Как... его зовут, я не знаю. Он мастер-вор. Кличка – Ракшас. Меня взяли за то, что я умею видеть охранные заклатья. Любые, – Магдолна говорила с трудом, часто прерываясь, но не собиралась останавливаться. – Никто не поверил, что их нет. Оказалось, почти нет. Заказ был на браслет Вельгарды.

– Что за слепая гильдия, которая берет заказы на побрякушки Вельгарды? Всем известно, что их нельзя украсть.

– Зеркало Луны тоже якобы нельзя было украсть, но ведь украли, – помянула девушка известное дело с кражей из главного храма столицы.

– Ну так не Вельгарды же! Так что за гильдия?

– Не скажу.

– Эта гильдия тебя же отправила в утиль, милая. Я слышал про этого Ракшаса, – Мец скривился. Ему явно припомнят, что он несколько дней с ним чай распивал и не понял, кто перед ним. – У него руки по плечи в крови.

– Нет.

– И он, насколько я помню, не в гильдии. – Дознатчик увидел, как она на миг не удержала лицо, и довольно улыбнулся. – То есть он пришел к вашим верховодам и запросил девку в спутницы. Дай угадаю. Чтобы могла видеть магию и сойти за свою в высшем обществе. Хотя бы ненадолго. Интересно, сколько он пообещал за твою тушку?

Воровка только крепче сжала зубы, и Мец махнул рукой.

– Что было дальше?

Глава 42

– Мы договорились, что будем изображать брата и сестру. Он адекватного, слабовольного юношу, а я – помешанную на Вельгарде дурочку.

– Жаждущую замуж, – не удержался дознащик.

– Как иначе...

Магдолна проверила комнату с браслетом трижды. Первый раз – во время экскурсии Джаноса. Ракшас даже специально подтолкнул Леанору в сторону стойки с браслетом, проверив таким образом защиту. Потом еще раз днем и третий раз – после ужина. Картина не изменилась. Слабенькое сигнальное заклинание на двери, еще одно – на окне, третье – на стеклянном коробе. Убожество в плане защиты, однако именно так говорили глаза и сведения, собранные заранее. Подозрительно. Однако дарами судьбы не пренебрегают. Ракшас решил забрать браслет в первую же ночь. Кто знает, может, более серьезная защита снята временно. Лезть решили через третий этаж. Заклинание на окне проще взламывалось. Магдолна рассказала, как снять магию с рамы и короба.

– Если амулет засветится, лезь ко мне, – всовывая ей в ладонь небольшую подвеску с унылым кальцитом, произнес Ракшас.

Поскольку защита казалась несерьезной, решили, что девушке карабкаться по узкому карнизу не имеет смысла. Она должна была страховать его в комнате на случай, если кто-то зайдет, хоть вероятность этого казалась ничтожной. Если же обезвредить заклинания не получится, тогда девушка присоединится. Меньше народа на месте преступления – ниже шансы наследить.

– Все же рано, – ворчала отчего-то волнующаяся Магдолна. – Надо было подождать еще часа три. К чему такая спешка?

– Интуиция, – Ракшас, такой приятный в роли Гараи, только поморщился. Девушка в очередной раз поймала себя на том, что рядом с ним ей страшно. – Никогда не подводила.

Воровка промолчала. Она сразу поняла, что не нравится ему, и не хотела усугублять.

Не подвела интуиция мастера и сейчас.

То, что дело нечисто, Ракшас понял почти сразу: окно оказалось открыто, а заклинение с него снято. Он уже думал, что опоздал, когда увидел темную фигуру около стойки с браслетом. Мужчина запрыгнул в комнату. Совсем бесшумно не получилось, и воровка обернулась. Они оценили друг друга за одно мгновение – слишком похожа экипировка. Девушка схватилась за кинжал, Ракшас ударил вперед. Они кружили друг вокруг друга, неприятно поражаясь умениям противника. Никто не промолвил ни слова. Амулеты несколько раз приняли на себя удары, в ином случае оказавшиеся бы смертельными. И все же опыт мужчины оказался больше: ему удалось подловить Бианку на ошибке и перерезать ей глотку.

Он склонился к убитой и нашел спрятанный браслет, случайно запачкав перчатку в крови. Достал свою копию браслета и, усмехнувшись, водрузил ее на стойку, закрыв стеклянным коробом: легенда должна жить. Да и форы будет больше. Убийство вовсе не входило в планы Ракшаса. Он даже подумал выкинуть тело в окно и замывать кровь, но понял, что полностью уничтожить следы не получится. Поэтому вернулся в комнату на третьем этаже и рассказал напарнице про случившееся.

Первоначальный план был уехать как можно скорее. Но сейчас это выглядело бы излишне подозрительно. Решили немного задержаться, заодно направить следствие – прибытие королевского дознатчика стало неприятным сюрпризом – по ложному пути. Однако случилась еще одна неприятность – пока они сидели на завтраке, проклятый браслет пропал. Догадаться, кто нашел воровской тайник, не составило труда. Тем более Ракшас увидел, как горничная убитой им Бианки улепетывает из замка. Правда, кто из двоих слуг уносит их добычу, они не знали, пришлось убирать обоих. Перед поездкой «брат и сестра» рассмотрели пути отхода, в том числе и те, что удобнее слугам. Таких было два – через скрытую часть рва и сад. Девчонка убегала одна, значит, второй выбрал другую дорогу. Действовать пришлось быстро, пока их отсутствие не заметили. Но вроде не наследили. Где-то, конечно, артефактом подправили.

Окровавленную же перчатку подбросили Матьяшу, на которого так любезно указал витраж.

Надо было сразу бежать... Плевать, что могли догнать и путей-то не так чтобы много, придумали бы что-нибудь. В конце концов, можно и просочиться, где хитростью, где магией, где золотом. Но все казалось, то неудачный момент, то опасности нет. Вот-вот мост починят, и можно вместе с остальными уехать, не вызывая подозрений и заполучив таким образом фору.

Этой ночью Магдолна никак не могла уснуть. Вертелась, крутилась. Все ей казалось неудобно. Безадресная тревога накидывалась диким зверем, кусала, кусала. Девушка долго не могла понять, что ее так мучает. Догадалась спустя несколько часов. Она запомнила, как исказились лица этих девчонок и виконта, когда витраж в очередной раз изменился. Явно, явно было что скрывать этим лощеным дамочкам, не говоря уже о мальчишке. В дворянских семьях скелетов в шкафах будет, пожалуй, поболее, чем в гильдии.

Но если витраж не пощадил этих красавцев, что же тогда он про «братика с сестричкой» скажет? Магдолна вскочила с кровати в каком-то неестественном возбуждении. Быстро оделась, взяла оружие и амулеты, привычно не ожидая ничего хорошего, и отправилась вниз.

Проклятый Ракшас, наверное, услышал, как открывается дверь, или поставил «следилку». Или его тоже мучила тревога. Он появился в «чудовищном» зале через несколько секунд после того, как Магдолна поняла, что предчувствия ее не обманули.

Воры встретились взглядами и молча выхватили кинжалы.

Девушка уснула, утомленная зельем и рассказом, а Вакко Мец сидел над своими записями и обдумывал услышанное. Кое-что не сходилось.

Проклятье! Много чего не сходилось!

Утром Леа в первую очередь попыталась прорваться к Марике. Ей сообщили, что та на самом деле не Марика, но чувствует себя неплохо и сейчас спит. На пару с Шарли Леанора отловила сонного Матьяша, невыспавшегося, но не собирающегося пропускать завтрак, и принялась его пытаться на тему здоровья раненой и вообще новостей.

Парень вяло отмахивался, но признался, что жизни ее ничего сейчас не угрожает. Кроме виселицы, конечно.

Такой ответ в принципе устроил подруг, и они направились в столовую, голодные до еды и сплетен. Лучше достоверных. За столом обнаружилась поредевшая компания из Анталя, Сандора и Этьена.

– Это напоминает мне детскую считалочку, – мрачно пошутила Шарлотта, кивком благодаря слугу за пододвинутый стул.

Ференц дернулся и чуть не облился. Виконт проткнул кусок ветчины так, что вилка со звоном ударилась о тарелку.

– Искренне надеюсь, что мы уедем раньше, чем ее досчитают до конца, – хохотнул Матьяш, подтягивая к себе мясные рулеты.

В этот момент за стеной закричали.

Анталь все-таки облился. Сандор выронил вилку и сжал в руке нож. Потом опомнился и схватился за кинжал на поясе. Через мгновение все вскочили со своих мест, судорожно оглядываясь и понимая, что кричала женщина. Еще миг – и все уже бежали в «чудовищный» зал, откуда и раздавался отчаянный вопль. Все более громкий и ужасающий.

Они ворвались в зал практически одновременно, готовые защищать, бороться и не сдаваться. Каково же было их удивление, когда возле комнаты обнаружили дозначика, управляющего, пару лакеев и девушку-горничную. Она кричала, а все остальные делали вид, что все в порядке.

– Давай еще разок вот отсюда, – Мец указал ей на место рядом с витражом, и служанка заорала.

В наступившей через пару мгновений тишине Матьяш выругался, а Шарлотта нахмурилась:

– Не соблаговолите ли, лаор Мец, пояснить нам, что происходит, раз уж испортили нам завтрак.

– Эксперимент, – сухо бросил дозначик и снова обратился к горничной: – Давай-ка, милая, еще вот здесь, – и указал на место в середине зала.

Все присутствующие стойко и недоуменно пережили еще один вдохновенный вопль. Служанка же посмотрела на Меца, тот пояснил:

– А сейчас ждем.

Через некоторое время в зал ввалились запыхавшиеся помощники дознавателя и радостно сообщили:

– Не слышно.

Один из них педантично поправил:

– Только из коридора слышно, а из комнат – нет.

Мец повернулся к Леа:

– И куда же это вы, ла-орита, шли ночью, что слышали крики?

Девушка смотрела на него распахнутыми недоуменными глазами.

– Я спала, а потом слышала! Так было!

Дознатчик уже открыл рот, чтобы съязвить по этому поводу, однако вперед выдвинулся Сандор Чард, частично закрыв собой девушку.

– Я уже думал об этом, лаор Мец, – спокойно и строго произнес он, игнорируя возмущение сыщика за вмешательство в процесс допроса. – Мы с Анталем под вино разговаривали у него в комнате и общались, но не слышали криков. Возможно, дело в расположении комнаты Ле... ла-ориты Орманди. Однако когда мы вышли в коридор, слышали – все трое – крик. Женский. И потом, у лестницы, тоже. И это действительно было. Не знаю, что рассказала вам ла-орита Дерех, или как ее на самом деле зовут, может, кричала именно она. Однако я очень сомневаюсь, что схватка между ней и убийцей длилась так долго. Даже если опустить время, которое потребовалось ла-орите Орманди проснуться, прийти в себя, одеться и дойти-достучаться до нас, все равно получается долго. Мы не сразу бросились на помощь. Пока выяснили все, пока спустились, пока добежали.

– Это что же вы хотите сказать, виконт, – явно мысленно выругавшись, уточнил дознащик, – кричал кто-то еще?

– Возможно, но мы этого кого-то не видели. Может, ла-орита Дерех рассказывала?

– Нет, – почти выплюнул Мец.

– Тогда у меня только мистическое объяснение, – с великолепным равнодушием к любой реакции на его слова произнес Сандор. – Этот замок демонстрирует нам весьма загадочные проявления, а ла-орита Орманди реагирует на них весьма чувствительно. Возможно, именно ее Сольгер выбрал для того, чтобы убийца не ушел безнаказанным.

– Убийца? Безнаказанным?

– Разумеется. Мне кажется, замку это не нравится. Подумайте сами, если бы мы не прибежали сюда вовремя, убийца добил бы Марику Дерех, а она, думается мне, рассказала немало интересного.

Мец скривился.

– Некоторое количество, – все же признал он под вопросительными взглядами.

– Именно. Не выживи она, мы не узнали бы, кто скрывается под именем Гараи Дереха.

– Мы и сейчас не знаем.

– В самом деле? – Сандору удалось передать невероятное удивление, в котором ясно читался вопрос: «У вас не хватило профессионализма, чтобы разговорить раненую девушку?»

Мец, разумеется, не выдержал:

– Мы знаем только кличку.

– Думаю, у таких людей кличка едва ли не важнее настоящего имени, – виконт кивнул своим мыслям. – В любом случае ее жизнь весьма ценна, не так ли? А выжить она могла только, если бы кто-то оказался рядом в нужный момент. Судя по всему, остальные оказались слишком толстокожи, чтобы услышать зов замка.

Шарли фыркнула, но поделилась:

– У меня мощная природная защита от ментальных воздействий, как у всех Имре. Плюс артефакты. В том числе и родовые.

– Я тоже ношу определенные амулеты, – Сандор приложил руку к груди, где, как знала Леа, висит подвеска его матери, – от разных воздействий.

– А я пил, – усмехнулся Анталь. – Меня в такие моменты может отвлечь только штурм. Ну, или цирк.

– Цирк?

– Ну да, знаете такой, чтобы с акробатками в крошечных юбочках, пляшущими медведями, фокусниками и анцытками. Ну а что? – сделал он вид, что не понимает недоуменных взглядов. – Люблю рыжук!

Некоторое время царила тишина, потом Шарли высказалась:

– Анталь! Ну вот как с тобой?!

Леа немного истерично засмеялась за спиной Сандора. Тот же повернулся к дозначику и, с трудом удерживая улыбку, произнес:

– Как видите, у Сольгера выбор был не особо велик, до кого стучаться.

Мец покосился на витраж, потом повернул голову к управляющему:

— Что скажете, лаор Хэри, могло быть такое?

В этот момент в комнату, запыхавшись, влетел один из лакеев.

— Заключение сбежала!

Глава 43

Очнулась Магдолна, когда за окном уже вовсю светило солнце. Пару секунд она лежала, не понимая, где находится и что с ней. Потом накатили воспоминания. О витраже, кинжале в руке «братика», молчаливой схватке, снующих туда-сюда целителей и, что хуже всего, беседе с дознатчиком. От понимания, что ему наговорила, девушке захотелось застонать.

«Опоили чем-то. Разыграли как по нотам», – догадалась воровка. И ведь самое обидное – она же знала про подобные приемы. Знала! Когда жив-здоров, кажется абсурдным и даже нелепым, однако когда она вчера думала, что подыхает... смеяться не хотелось! Хотелось мстить и орать от несправедливости мира! И теперь... теперь с этим придется что-то делать. В первую очередь нужно выкарабкиваться. Тюрьма, как и виселица, не для нее!

Сначала Магдолна попыталась оценить, в каком состоянии находится, и с удивлением поняла, что рана хоть и тревожит ее, но уже выглядит так, будто прошло дней пять. Ай да Матьяш!

Дверь открылась почти бесшумно. Девушка едва успела прикрыть глаза, не собираясь выдавать, что уже пришла в себя. В комнату вошли двое. Судя по шагам, мужчины. Только они умеют стучать пятками так, будто пытаются пробить ход на нижний этаж. Один из них подошел к кровати и принялся трогать ее руку, лоб, осмотрел рану.

– Скоро она уже придет в себя, неер? – раздраженно спросил второй голосом дознатчика.

– Терпение, лаор Мец, – этот посетитель явно был постарше. Лекарь, скорее всего.

– Мне нужно задать несколько вопросов!

– Ну так задайте их! Вон у вас полный замок молодых оболтусов, которые все, так или иначе, участвовали в ночных событиях. Девушка же после варева этих двух бракоделов еще долго будет приходить в себя. Сон и отдых – вот что ей сейчас положено!

– Суд и виселица, вот что ей положено, неер, – отрезал дознатчик таким тоном, что Магдолне чудом удалось себя не выдать. – Отдохнет в тюрьме, а то и в кибитке Слушающего!

– А вы на себя пока его роль не примеряйте. Сейчас девушка не в состоянии с вами беседовать.

– А может, ее чем-то напоить?

– До суда может и не дожить тогда, – лекарь явно понял, что бодаться с дозначиком может вечность, и сделал тон более мягким: – Подождите хотя бы до вечера. Ей как раз надо будет выпить укрепляющий отвар.

Мец поворчал еще немного, но рычать больше не стал. Зато, когда посетители выходили, Магдолна углядела стражника – минимум одного! – за дверьми. Проклятье!

Кряхтя, девушка попыталась сесть. Вот уж точно бракоделы. Чем они ее напоили, что такая слабость? Но бежать нужно сейчас. Пока в замке неразбериха и все считают, что она не боец. Магдолна вздохнула. Она и правда сейчас не боец. Но у нее есть возможность это исправить. Однако обязательно нужен маленький шанс.

– Йенуар, – еле слышным шепотом взмолилась она покровителю всех воров, обманщику и плуту, – помоги верной дочери твоей! Не подведу, отработаю!

Говорят, Йенуар больше всего любит тех, кто не сомневается в его помощи. Молишь о дожде – приходи с зонтом! Поэтому Магдолна сразу принялась искать в волосах тонкие косицы, начинающиеся чуть ниже макушки. Так они терялись в буйстве ее темных волос, а потому никто и не замечал вплетенные в них небольшие – с горошину – бусины гематита. Чудесный камень! Не только очищает кровь, но и защищает от злых духов. По крайней мере, в обычной обработке. А если в специальной, ха-ха, то он может скрывать как себя, так и заключенные в него заклинания. Тут еще хитрость в том, что такой крошечный камушек не может быть амулетом. Если соединить бусины определенным образом, то они превращаются в артефакт с одним действием. У Магдолны таких было два.

Дрожащими пальцами она выпутала бусины из волос и составила оба амулета. Оставалось только ждать шанса. Иначе все напрасно. Если Йенуар не поможет, то уже не спастись: в собранном виде артефакты фонили слишком сильно. Мец обязательно учует, ищайка проклятая!

Судя по всему, великому плуту еще зачем-то была нужна Магдолна, поскольку он все же послал ей... горничную. Молодая

девушка принесла теплую воду и что-то из одежды, не ведая, что, по сути, несет ее себе.

Воровка сжала один из амулетов и с восторгом ощутила, как силы возвращаются в тело. Хотелось вскочить с кровати и плясать. Плясать она не стала, а вот вскочить – вскочила, стоило служанке повернуться к ней спиной. Уже через мгновение горничная, умело обезвреженная, но не убитая, лежала на ковре, а Магдолна стаскивала с нее одежду. Тело в одном белье положила на свое место и укрыла одеялом. Сама же раздавила и второй амулет, внимательно вглядываясь в лицо служанки. Через некоторое время черты ее лица поплыли и сменились иллюзией, очень похожей, хоть и не идентично повторяющей черты горничной.

Дальше – дело техники. Выскользнуть из двери, хихикнуть на какие-то пустые фразы стражников – двух! Как ее берегут! – и все ускоряющимся шагом направиться к тому выходу, которым она уже пользовалась, когда гналась за горничной лже-Клариссы. Да, не окажись та такой ловкой, могла бы и выжить. А так пришлось убивать. Неприятно получилось. Да и браслета у нее не оказалось... Проклятье!

Глава 44

В замке вновь началась суеда. Забегали стражники, помощники Меца, он сам носился туда-сюда с указаниями и рычанием. Сидящей в уголке с теплой чашкой чая Леа казалось, что Сольгеру должна понравиться такая активность. Тоже, небось, с воображаемой чашкой или, скорее, бокалом смотрит...

Нет, девушка не представляла замок человеком, но характер у него определенно имелся.

Рядом села Шарли и протянула кусочек привезенной из дома пастилы. Забота... Виконтесса же подмигнула и шепнула:

– А сбежавшую фреску мы так и не нашли...

Слова повисли в воздухе, заставив девушек задуматься.

– И зачем она вообще сбежала... – немного грустно выдохнула Леанора.

Помолчав, Шарлотта неуверенно предположила:

– Если взять за основу теорию Сандора, что Сольгер к тебе неровно дышит... – на этом месте она сочувственно покосилась на передернувшуюся подругу, – то, возможно, это подсказка.

– Пока больше похоже, что он желает втравить меня в наибольшее количество неприятностей, – Леа подняла взор к балкам и с возмущением их оглядела.

– Как мне кажется, всякая активность, включая неприятности, ему очень нравится, – хмыкнула Шарли. – К тому же, будем откровенны, твое благо вряд ли его волнует. Скорее, он через тебя влияет на реальность.

Леанора еще раз возмущенно посмотрела на балки. «С другой стороны, он послал мне мою малышку-химеру. Она не раз защищала меня. Или это не он?» Девушка подозрительно покосилась в сторону «чудовищного» зала, но ответов так и не получила. И слава Лунной Королеве!!!

– В любом случае мне кажется опасным игнорировать подобные сигналы замка, – вздохнула Шарлотта.

Вот с этим, увы, Леа не могла поспорить. Интересно, а что было бы, отправься она, поддавшись зову, в «чудовищный» зал раньше? До

того как уснула этой ночью. Нет, Марику от ранения она вряд ли спасла бы. Хотя если бы оказалась там с друзьями...

– Пошли, – встала Леанора.

Шарли тоже поднялась.

– С чего начнем?

– С Анталя и Сандора. Я не собираюсь бродить по замку компанией меньше четырех человек.

Юноши мгновенно согласились на очередную авантюру, тем более им уже вежливо посоветовали не мешать королевскому дозна́тчику.

Сейчас приятели методично исследовали первый этаж замка.

– Интересно, что мы на самом деле ищем? – задавался вопросом виконт, блестя нездоровым энтузиазмом в прекрасных янтарных глазах.

Анталь покосился на него с подозрением.

– Нет, понятно, что фреску, – продолжил тот. – Но я уверен, она на что-то укажет!

Спорить никто не стал. В этот раз компания начала со стороны «чудовищного» зала. Оказалось, что коридоров и ответвлений на самом деле больше, чем кажется. Порой они изгибались весьма замысловато. Пришлось даже вытрясти из слуг карту. Смотрели на них весьма иронично, но молодых дворян было уже не остановить.

Через пару часов, когда занятие изрядно приелось, им повезло. Небольшой закуток, мимо которого они умудрились уже дважды пройти, видя в нем лишь тупик, оказался с подвохом: в самом конце находился еще один проход-поворот. Правда, длиной всего в пять шагов. Именно здесь приятели нашли фреску: скромно одетую девушку с тревожными глазами. Она смотрела на одиночную невзрачную дверь. Запертую, разумеется.

– Анта-аль, – протянула Шарли. – Яви свои потрясающие умения.

Юноша покосился на нее, явно готовый что-то съязвить, но потом все же присел перед замочной скважиной. Несколько минут возился с ней, но дверь осталась равнодушна к его манипуляциям.

– Надо найти того, у кого ключи, – предложил Сандор, – и убедить открыть.

Все немного печально посмотрели на закрытую цель. Ни у кого не возникло сомнений, что им предстоит бой. Ключи обычно хранила экономка или управляющий, редко выдающие оные не-хозяевам. Дракон на злате и то поприятней будет.

– Слушайте, – Шарли повертела карту в руках, – тут должна быть еще одна комната.

И указала на стену, где как раз и находилась фреска-беглянка.

Однако каменная кладка выглядела основательно, ровно и цельно.

– Хм... – высказался Антадь и, подойдя, принялся щупать ее руками.

К нему присоединились и остальные.

– Вот! – через полминуты воскликнула Шарлотта. – Чувствуете?

Действительно, под руками ощущался каркас дверной коробки и, собственно, сама дверь. Глаза видели камень, а пальцы чувствовали дерево.

– Надо звать лаора Конца, – решительно заявил Сандор. – Это явно маскировочная магия. Такое не может не заинтересовать дознатчика.

– Интересно, что же там?! – почти взвыл Антадь. Но и эта дверь не сдалась его магии. – Явно надо подучиться...

Подобное любопытство ощущали и остальные. Пришлось все же делить находку с сыщиком.

За ним пошли тоже всей компанией, с некоторых пор это казалось безопаснее. Да и сопротивляться такой толпе у Меца получалось хуже. Через полчаса удалось доставить дознатчика к замаскированной двери. Рядом топало еще несколько слуг и управляющий. Последние помнили, что комната была, но для чего использовалась – уже сложнее.

– Кладовая, скорее всего, – пожал плечами Джанос. – В замке полно свободных помещений.

Все уставились на пустую – без двери – стену. Только молодые люди недоуменно, ошарашенно и возмущенно смотрели чуть в сторону: фреска с девушкой снова исчезла.

– А как вы вообще обнаружили эту, хм, назовем это аномалией? – Мец с подозрением воззрился на компанию.

– Ф-фреску искали, – чуть заикаясь, произнесла Леа.

– Фреску? – дознавачик оглядел пустые стены, и молодые люди скопом почувствовали себя идиотами.

– Ну да, – после некоторой паузы повела плечиком Шарли. – Ну как Кларисса. То есть Бианка. Такая же, только Марики или кого-то из других убитых.

– Марика, вернее, девушка, представлявшаяся этим именем, жива!

– Мы этого не знаем, – неподкупно и уперто заявил Сандор. – Мы ее после ночи не видели!

– Ее видели ваши приятели, Варга с Плеймондом! И еще прорва народу!

– И тем не менее лучше было убедиться, – с железной уверенностью продолжил врать виконт.

– Найдя фреску?! – почти завопил Мец.

– Да!

Похоже, все они сейчас резко упали в глазах дознавачика. Однако против ожидания это не расстраивало, а веселило. Тот же, оглядев честные-пречестные лица юных сыщиков, шевельнул губами, будто собираясь произнести нелицеприятное определение или ругнуться, но вместо этого повернулся к стене, которую сейчас щупали слуги, дивясь разнице ощущений, и колдонул что-то такое мощное, что у присутствующих разом заболели зубы и уши. Через пару мгновений эффект прошел, зато иллюзия рассыпалась, как мука у неуклюжей хозяйки.

Дверь выглядела вполне обычно, однако замок не поддался. Мец уже откровенно ругнулся и вышиб-таки замок еще одним заклинанием. В проем постарались заглянуть сразу все.

Дознавачик, конечно, всех выпихнул, но добычу уже увидели.

Комната оказалась почти пуста, однако какие-то полки в ней все же висели. Именно на них лежали вещи – большой набор для воровства: отмычки, амулеты для взлома защитных заклятий, веревки. И украшения. Те самые, что носила лже-Кларисса и которые унесла из замка ее служанка. Убийца тогда выбрал из сундучка самое ценное и захватил с собой. Вот тут они и хранились.

– Разумно, – пробормотал Сандор. – Если найдут в спальне, будут вопросы. А там и слуги, и обыск... – Он глянул на дознавачика. – А тут даже если отыщут, никто принадлежность не докажет.

– Но браслета Вельгарды же нет? – тихо спросила Леа.

– Браслет Вельгарды лежит на своем месте! – разумеется, слышал Джанос.

Девушка не стала спорить, лишь вопросительно посмотрела на виконта, тот покачал головой.

– Проклятье! – вдруг ругнулся Мец.

Все тут же переполошились, начали уточнять что-то, но дознащик собрал все найденное и потребовал выйти. С уликами он уже отправился в выделенную ему под кабинет комнату и на вопросы не ответил.

Мужчина никому из жителей замка или его гостей не рассказал, что его так расстроило, лишь сообщил коллегам из соответствующих служб, а потом долго сидел над находками и думал, что это все не похоже на инструменты вора, даже мастера. Это до боли похоже на экипировку полевого агента королевской тайной службы. Некоторые амулеты даже дознащики еще не получили, только недавно про них лекцию читали. Откуда такое у преступников? А этот Ракшас точно не был государев служащий. Что бы ни думали обыватели, так себя даже тайный сыск не вел. Если бы был королевский указ, действовали бы совсем иначе. Тогда что это все значит?

Ответа у Меца не было. Но он собирался предложить подумать над ним своему руководству.

Особенно над невзрачной серой коробочкой. Для масок. Для масок столь искусных, что они неотличимы от настоящего лица. Недавно изобретенный артефакт. Очень дорогой, очень секретный. И его использовали, чтобы попытаться украсть браслет Вельгарды и при этом нигде не показать своих истинных черт.

Зачем кому-то потребовался артефакт? При чем красть. Возродись Вельгарда, он просто пришел бы и взял его. Зачем кому-то скрывать лицо? Только если оно могло быть кому-то знакомо или если собирались еще раз появиться, но уже в другом образе перед этими же людьми. Осторожность и нежелание попасться в руки правосудия тоже не нужно сбрасывать со счетов, однако дороговат способ.

Слишком много вопросов.

Странное дело. Станный замок. Станные преступления. И очень странные люди.

Глава 45

Королевский дозначик понимал, что в его отчете по делу о трех убийствах будет указан весьма сомнительный итог: все преступники разбежались. Да, есть куча зацепок, но сейчас – увы, вывод прискорбный. Однако и держать всех этих спесивых, вечно мешающихся дворянчиков у него нет права, тем более когда подозрения с них сняты. Хотя и не все!!! Лично Мец подозревал всех этих недорослей во всех бедах мира! Но, увы-увы, законодательство требовало их отпустить.

Да и мост починили. Хотя дозначик подозревал, что с тем все было не так однозначно изначально.

Вот и пришлось, скрипя зубами, разрешить отъезд. Вызванные откуда-то кареты увезли радостную молодежь, а Мец отправился в кабинет писать скорбный отчет и пить вино. Что-то же хорошее должно быть в жизни!

Будущие студенты и правда радовались отъезду. Тем более поездка теперь стала куда веселей. Так Леа теперь путешествовала не только с Шарли, но с Анталем и Сандором.

– Да, ряды наши поредели, – высказался Ференц, высунувшись из окна и помахав опять ругающимся Матьяшу и Этьену. Они ехали следом. Вместе с ними до ближайшего города напросился Джанос Хэри, и никто ему не завидовал.

Леанора дождалась, когда карета отъедет достаточно далеко, и вытащила откуда-то снизу корзину, какие порой брали на пикник, – обхваченную понизу кожей и с широким кожаным же ремнем.

– Знакомьтесь, – улыбаясь от уха до уха, произнесла она, – это Аглая, – и с некоторым усилием, как щенка, вытащила из корзины отчаянно смущающуюся химеру.

Прошлой ночью каменное чудище опять прискакало к ждущей его Леа. Девушка мгновенно обняла его и дала свою магию, а потом гладила и пыталась сформулировать то, что должна была сказать.

– Маленькая моя, я завтра уеду, – наконец произнесла Леанора, с болью видя, как опускаются ушки. Сейчас вся фигура милого монстрика олицетворяла печаль и отчаяние. – Я бы с радостью забрала тебя с собой, но не знаю, можно ли тебе. Можно?

Химера тут же подобралась и закивала.

– Поедешь со мной? – озвучила девушка самый важный вопрос.

Ее малышка засияла радостью. А от сердца у самой Леа отлегло. Мысль оставить химеру здесь казалась невыносимой.

– Знаешь, тебе нужно имя, – решительно вступила в новую жизнь девушка. Ее чудище задумалось. – Может, у тебя уже есть?

Вздых и мотание головой.

– Хм... А есть пожелания? Тоже нет... Так... давай подумаем, – Леанора погладила химеру по голове, потом почесала по шейке. – Знаешь, я когда-то давно видела прекрасный камень – ведьмовской агат. Он почти весь черный, но с тонкими белыми, серыми, даже красными полосками. Очень магически сильный самоцвет. И очень похож на твои прекрасные глазки, – девушка провела по носу чудовища, удивляясь тому, каким приятным тот ощущался. – И есть такое имя – Агата. Но Агата мне не очень нравится, а вот Аглая... Как тебе?

В ответ химера захлопала передними лапками, приподнявшись и помахивая крылышками.

– Вот и договорились.

Появление каменного чуда произвело фурор. Хоть приятели, кроме Шарли, уже видели ее, но помнили смутно и никак не думали, что химера оставит замок. Но отнеслись очень дружелюбно и с огромным любопытством.

– Ла-орита Аглая, – невероятно обаятельно улыбнулся Сандор, – а можно вас погладить?

Вот этот подлец умел находить путь к женским сердцам. Впрочем, скоро химера успела посидеть на коленях у каждого в карете, чем осталась весьма довольна.

– Я смотрю, одной химерой ты не ограничилась, – усмехнулась Шарлотта, когда, передавая Аглаю подруге, случайно заглянула в корзину.

– Это ты о чем? – мигом заинтересовался Анталь, и Леа смущенно достала небольшую – с ладонь – плиточку.

Они уже почти собрались и ждали Матишку, умчавшуюся за подходящей корзинкой для нового питомца хозяйки, когда Леа обнаружила, что химера пропала из комнаты. «Попрощаться с кем, что ли, пошла?» – подумала девушка, однако вскоре услышала странный звук. Не цоканье, с каким обычно Аглая появлялась из стены, а будто когтем водили по камню.

Немного подождав, Леанора не выдержала и пошла искать источник этих скрипов. Слышались они из-за стены со стороны коридора.

– Аглая! Что ты делаешь? – невероятно удивилась девушка.

Недавно поименованная Аглая старательно, пытаясь, царапала стену около вернувшейся на свое место девушки с тревожными глазами.

– Хм... – Леа панически огляделась. В любой момент в коридор могут выйти из комнат или подняться по лестнице. А показывать кому-то химеру чревато. – Малышка, ты чего прицепилась к этой стене, а?

Аглая зафыркала и утроила усилия. Леанора снова оглянулась. Скоро им уже выходить. Гости и их слуги косяком пойдут из комнат. Девушка вздохнула и, приняв решение, присела рядом с химерой на корточки.

– Давай помогу. Что нужно делать?

Путем недолгой пантомимы выяснилось, что нужно отколупать небольшой кусок стены, на котором уместился бантик на платье девушки-фрески.

– Ты уверена? – для проформы спросила Леа, уже призывая магию и стараясь максимально деликатно вырезать то, что требовала химера. Сам материал почти не противился действиям чародейки. Удивительно даже, как легко все прошло. И как вовремя. Стоило закончить, как на лестнице раздались шаги. Леанора схватила получившуюся плиточку и вместе с Аглаей заскочила в комнату. Там, прижавшись к двери, чародейка с трудом выдохнула.

– С тобой не соскучишься, – сообщила она химере. Та восприняла это как комплимент.

Леа же посмотрела их странную добычу. Кусок штукатурки величиной с ладонь и шириной в пару пальцев. Сама фреска – сизого цвета бантик и кусок юбки, к которой по задумке художника тот пришит.

В следующий момент волшебница едва не выронила плитку и только чудом не заорала: изображение стало размазываться, будто что-то не так со зрением, а потом снова собралось, но в этот раз в портретное изображение той самой девушки с тревожными глазами.

Вот когда пригодились свежеизученные бранные слова. Хотя как-то эмоции выплеснуть.

– Так все и произошло, – рассказала Леа друзьям.

Сейчас плитка передавалась из рук в руки, но каких-либо изменений в ней больше не наблюдалась.

– Мародерка! – весело и потрясенно высказался Анталь, потом перевел взгляд со смущенной Леаноры на усевшуюся между подругами Аглаю и поправился: – Две мародерки!

Сандор засмеялся и покачал головой:

– Я восхищен и ошеломлен.

Шарли погладила химеру по ушкам и передала Леа плитку с портретом девушки:

– Главное, чтобы обошлось без последствий, – чуть хмурясь, произнесла виконтесса. – Все же это замок Вельгарды.

– Да ладно тебе, – махнул рукой Анталь. – Если бы Сольгер был против, ничего и никого бы вы не утащили. Поэтому не переживайте и наслаждайтесь обществом друг друга, – он потянулся и почесал довольную Аглаю под челюстью. – Хотя мне безумно интересно, что такого интересного нам преподнесет эта нарисованная беглянка...

Эпилог

Несколько дней спустя незнакомый никому в замке молодой человек давал отчет своему начальству о произошедшем в Сольгере. Выглядел докладчик строго и аккуратно, стоял на вытяжку, ничем не напоминая Гараи Дереха, разве что голос... Но голоса бывают похожи, не так ли?

— К сожалению, вынужден признать, что сработал... не чисто, — наклонил он голову в конце своего рассказа, справедливо ожидая разноса.

Его руководитель не спешил карать. Он сидел за тяжелым, резного дуба столом в своем роскошно-строгом кабинете и обдумывал услышанное.

— Значит, Сольгер активизировался.

— Так точно, — подтвердил молодой человек очевидное.

«Мы не ошиблись в расчетах».

— К Окатаве ведут, как ты знаешь, три крупные дороги. И на каждой из них стоит вот такой замок. Сольгер, конечно, самый сильный, но тем не менее. Последний месяц вокруг артефактов началась какая-то нездоровая суета.

— Вельгарда возродился?

— Если мы все правильно рассчитали, то он должен быть еще мало что понимающим балбесом, только начинающим набирать соратников. Однако суета идет везде. Какой вывод? Или мы все-таки ошиблись, и он уже несколько лет как возродился и начал действовать, или кто-то затеял игру, которую мы пока не понимаем. И это очень неприятно. А пока давай его сюда.

Молодой человек, сдерживая вздох, медленно достал серебристого цвета браслет с двумя стилизованными химерами. Султанит подмигнул ему рыже-алым. Юноше потребовалась вся его сила воли, чтобы отдать артефакт. Его собеседник долго рассматривал реликвию, изучал с помощью другого амулета. Потом бросил на стол и резюмировал:

— Подделка.

Потрясенное молчание стало ему ответом. Не сразу подчиненный смог справиться со своими эмоциями.

– Но я снял его с воровки. На постаменте было пусто. Я поставил туда нашу подделку.

Его начальник какое-то время молчал.

– Настоящий могли вынести раньше, а воровка тоже пришла с подделкой. Не обнаружив артефакта на месте, она собиралась уйти, а тут ты. Вы подрались, ты победил, забрал браслет, думая, что это подлинный. И оставил свою подделку. Иронично – две подделки.

– Но тогда... тогда получается, что Вельгарда – один из них, – заблестел глазами молодой человек. – Тех, кто был в замке.

– Не факт. Настоящий могли стащить еще до этого. Я проверял его полгода назад. За это время там армия могла побывать.

– Но и такой возможности я не стал бы исключать, – упрямо заявил младший.

– Не спорю. Правда, из другого замка мне недавно тоже принесли подделку. Там настоящий кто-то тоже попер.

И снова потрясение.

– Раньше считалось, что никто, кроме Вельгарды, не может взять его вещи.

– Я и сейчас в этом уверен. Но кто-то обошел это правило. И нам только предстоит разобраться, как именно. Кстати, есть еще одна возможность, причем весьма вероятная: твоя напарница забрала настоящий у тебя и подменила его своей подделкой.

– Нет, я постоянно носил браслет с собой, закрепленный магией и просто цепочкой, – отрубил тот. – Эта девка тупа как пробка, она не смогла бы его подменить так, чтобы я не заметил.

– Ее образ тупой как пробка, – поправил его главный. – Но видел ли ты, что под ним? Тебе напомнить, почему ты ее убил? Вернее, попытался.

Он ненавидел работать в паре с кем-то неизвестным. Но сейчас выхода не оставалось. Его предупредили, что магические ловушки будут слишком хитрые. Такие с его уровнем магии не разглядишь. Нужен профессионал. Особый, умеющий чувствовать именно охраняемые заклинания. В Сольгере явно стояло что-то необычное, иначе такую ценность давно бы украли.

Марика, или кто она там, ему не понравилась сразу. Но играла хорошо. А вот по специализации ничего особо хитрого не заметила. Странно. Однако что оставалось? Пришлось действовать исходя из ситуации. И все, разумеется, пошло не по плану. Девка тут же попыталась слиться. Давай уедем, давай уедем, а надо было всего лишь сидеть тихо и наивно хлопать глазками!

В ту последнюю в замке ночь он понял, что напарница собирается что-то учудить. И стал ждать. Когда девушка вышла в полной темноте из комнаты, он даже не удивился. Решил проследить, кому она попытается их сдать или куда побежит. Почему эта дура привела их в «чудовищный» зал?

Витраж не врал. Мог выразиться аллегорически, но не соврать. А тут сомнений не осталось: у куклы на платье светились четыре алые точки, очень характерно расположенные. Эмблемой ньяльцев был амарок – гигантское четырехглазое чудище, больше всего похожее на волка с шипами. Стилизованно его изображали именно так: два красных «глаза» широко вверху, еще два – ниже и близко друг к другу.

Эта истеричная тварь работала на ньяльцев!

Примерно через сутки после этого разговора совершенно в другом месте Магдолна Тёрек стояла перед главой гильдии и мудро отводила глаза от скрытой тенью фигуры. Судя по тому, как вел себя несгибаемый Рафиш Шесть Ножей, самое лучшее в этой ситуации – даже не пытаться гадать, кто позволил себе стоять за спиной главного в их цеху и указывать ему. Воровка была уверена, что ее станут расспрашивать или о браслете, или о Ракшасе, песочить по поводу провала. Она прокололась, это бесспорно. Множество ошибок, потеря добычи, чуть не попалась. Проклятье! Могут и выгнать, могут и... Думать об этом не хотелось, но люди в их гильдии приучаются просчитывать и самые худшие варианты.

– Расскажи про эту Клариссу, – вдруг произнес стоящий в тени мужчина.

Магдолна вздрогнула. Почему-то он пугал ее до дрожи.

– Бианка Лодор, так ее называл дознатчик.

– Вакко Мец, – глава гильдии скривился. Это означало, что называемый успел уже им насолить.

– Да, Попрыгунья, так он сказал ее кличка. В предках анцытка. Отсюда и почти акробатические трюкачества. Побрякушница, – использовала она жаргонное название для вора драгоценностей. – Ну и по артефактам. Даже я не заподозрила коллегу.

– Надо узнать, кто наниматель.

Девушка замялась, она не знала, говорить или нет.

– Рассказывай, – будто услышав ее внутренние метания, приказал глава гильдии.

Магдолна спешила. Горничная этой лже-Клариссы уже выбралась из замка. У нее отличная фора. Одемонетъ какая у нее фора, если честно. Но нельзя ее упустить. Им голову снимут за такой провал. И девушка бежала, торопилась, мчалась вниз и вперед. Но нельзя и спалиться. Слуги, гости, управляющий! Сколько людей. Всех надо обойти по дуге, ни с кем не столкнуться, никому на глаза не попасться. Хорошо, что замок большой.

Вот уже помещения слуг. Нужный поворот. А нет, не он. «Проклятье! Время! Время! Демонское платье! Ненавижу!» Магдолна металась по запутанным коридорам, но наконец выскочила в ту самую дверь, откуда вышла горничная. Миллион лет назад!

Она побежала через сад. Проклятье, эта дура выбралась на дорогу! Да, по ней удобнее бежать, но их же могут увидеть из замка! Ладно, надо приблизиться. Магдолна добрым словом помянула их главу, который заставлял и заставляет тренироваться каждый день, будь он не ладен, заботливый.

Надо шугануть ее с дороги. Скрепя сердце, пришлось доставать артефакт. «Крик баньши» нагонял страха, заставлял коленки трястись от ужаса. Правда, возможны две реакции – или убежит в панике, или попытается спрятаться. Если первое, придется стрелять. Не хотелось бы...

Слава Йенуару! Горничная свернула с дороги. Магдолна помчалась наперерез.

Они столкнулись буквально через пару минут. И в этот момент стало ясно – живой уйдет только одна: раскрывать себя лже-Марика не собиралась. А поэтому и травм на видимых местах получить не имела права. Однако противница уже пришла в себя после «крика баньши» и первая же бросилась в драку. Магдолна через минуту поняла, что

даже победа ей не гарантирована, не говоря уже о чистом личике. Поэтому и пришлось применить магию. «Ошеломление» – и сразу ножом по горлу, потому что оно пропадает быстро и сразу. Не драться же потом снова.

Не первая отобранная жизнь, но такая бесполезная смерть: браслета у убитой не оказалось. Досадуя на это, Магдолна напихала в карманы украшений, что поценнее. И там на дне сумки...

– Там был «зов сфинкса», клянусь, – призналась девушка. – Разряженный, правда.

Чудище с мужской головой, лапами и телом льва, крыльями орла и хвостом быка было изображено на гербе королевского рода. Артефакт «зов сфинкса» выдавался самым важным чинам чиновничьей и армейской служб. Если его активировать, ближайший отряд из магов и воинов, особо подготовленных и представляющих собой мощнейшую силу, мгновенно телепортом перебрасывался к месту срабатывания артефакта. Правда, срабатывал он всего один раз, после чего заменялся на новый. По закону оболочку использованного нужно было уничтожить в ближайшей башне стражей. Но могли не успеть... или потерять, украсть, подделать внешний вид... Однако зачем? И где правда?

Девушку отпустили. Таинственный посетитель главы гильдии тоже скоро ушел. Тот же, оставшись один, достал свой лучший коньяк. Выпить требовалось срочно.

Если бы кто-то обладал должным уровнем глупости и проследил за гостем, приведшим Рафиша Шесть Ножей в такое состояние, он увидел бы, что этот незнакомец дошел до центра города и растворился в тених совсем рядом со штаб-квартирой Ордена Защитников имени Эста Ньяля.

Примечания

Королевство Ланьберг состоит из четырех крупных княжеств – Летние, Зимние, Осенние и Весенние земли, а также ряда королевских (условно независимых) городов и территорий.

Ла-маора – обращение к знатной замужней даме.

Орита – обращение к незамужней девушке.

Ла-орита – обращение к незамужней девушке знатного происхождения, характерное для Летних земель.

Маора – обращение к замужней женщине, не дворянке.

Неер – обращение к мужчине, не дворянину.

7

Орна – мера длины, равная примерно 1,2 км.

Лаор – обращение к дворянину.

Так, независимо от формы здания, называли все учреждения, где базировались службы охраны порядка.

Один из богов ветра.

Коллар – украшение, плотно облегающее шею.

Отсылка к местной мифологии, в которой Смерть, он же Слушающий, выглядит как немного усталый, средних лет мужчина, правящий издавшей виды кибиткой. Везет ее лошадь соловой масти (золотистый цвет шерсти с белой гривой и хвостом).